СГИ:СЭП

ISSN 3033-7909

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ПРАВО

LAW

SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH:

SHR:SEL

2025. Том (Vol.) 1. № 4

16+

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: социология, экономика, право

2025. Том 1. № 4

Журнал является рецензируемым изданием
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Журнал зарегистрирован в комитете РФ по печати. **ISSN 3033-7909**
Свидетельство о регистрации **ЭЛ №ФС77-89985 от 05 сентября 2025 г.**

Адрес редакции:
119435, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, комн. 446
Тел.: +7 (499) 438-18-45
E-mail: sep@mpgu.su. **Сайт журнала:** https://journal-sep.ru

Мнение редакционной коллегии
по материалам дискуссионного характера
может не совпадать с мнением авторов.

При полной или частичной
перепечатке материалов ссылка
на журнал «Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право» обязательна.

Подписано в печать 30.12.25
© МПГУ, 2025

SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH: Sociology, Economics, Law

2025. Vol. 1. № 4

The Journal is a peer-reviewed scientific publication
The journal is published 4 times per year

Founders of journal:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow State Pedagogical University”

Journal is registered in the State Press Committee of the Russian Federation.
Certificase of registration **EL No. FC77-89985 dated september 05, 2025**

Editorial office address: 119435, Moscow, Vernadsky Ave., 88, office 446.
Tel.: + 7 (499)438-18-45
E-mail: sep@mpgu.su
W ebsite:https://journal-sep.ru/

Editors’s views may differ from the author’s opinions.

In case of partial or complete reproduction of the journal materials, the reference to “Social and Humanitarian Research: Sociology, Economics, Law” is mandadory.

© MPGU, 2025

Мусарский Марк Михайлович (главный редактор), доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института социально-гуманитарного образования МПГУ; e-mail: mm.musarskij@mpgu.su

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права МПГУ; e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национального исследовательского университета); e-mail: om_zotova@mail.ru

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ; e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Кузнецова Валентина Петровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: vpr11000@yandex.ru

Лихачев Михаил Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента МПГУ; e-mail: mo.likhachev@mpgu.su

Ложкин Анатолий Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, Почётный доктор наук Ассоциации исследователей российского общества – XXI, соучредитель и член Дирекции НФ Фонда региональных и общественных связей, Москва, Российская Федерация, e-mail: 1952lozhkin@mail.ru

Лоскутова Ирина Мироновна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий лабораторией социальных технологий Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова; e-mail: loskutova07@yandex.ru

Минин Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор кафедры права МПГУ; e-mail: aya.minin@mpgu.su

Пашенцев Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; e-mail: dp-70@mail.ru

Платонова Елена Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и менеджмента МПГУ; e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Пржиленская Ирина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии МПГУ; e-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Сельская Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Открытого гуманитарно-экономического университета; e-mail: selskaya0719@mail.ru

Соловых Надежда Николаевна, кандидат экономических наук, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: solovyh2011@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич, доктор философских наук, кандидат медицинских наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ; e-mail: 195805@mail.ru

Ширяева Светлана Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права МПГУ; e-mail: sv.shiryaeva@mpgu.su

Состав редакции:
Выпускающий редактор: *Н.А. Дымова*
Дизайн, верстка: *Ю.В. Диярова*

Musarsky Mark Mikhaylovich (Editor-in-Chief), Doctor of Economic Scienses, Professor, Scientific Adviser of Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University; e-mail: mm.musarskij@mpgu.su

Glushkov Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University; e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Zotov Vitaly Vladimirovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University); e-mail: om_zotova@mail.ru

Ivanov Sergey Yurievich, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow Pedagogical State University; e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Kuznetsova Valentina Petrovna, Doctor of Economic Scienses, Accociate Professor, Professor, Department of Industrial Economics and Finance, Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen; e-mail: vpr11000@yandex.ru

Likhachev Mikhail Olegovich, Doctor of Economic Scienses, Professor, Department of Economic Theory and Management, Moscow State Pedagogical University; e-mail: mo.likhachev@mpgu.su

Loskutova Irina Mironovna, Doctor of Social Sciences, Candidate of Philosofical Sciences, Head of the Laboratory of Social Technologies at the Institute of Clinical Psychology and Social Work, Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov; e-mail: loskutova07@yandex.ru

Lozhkin Anatoliy Grigorievich, Candidate of Historical Sciences, Accociate Professor, Honorary Doctor of Science of the Association of Researchers of Russian Society – XXI, Co-Founder and Member of The Directorate of The Regional and Public Relations NF Fund; e-mail: 1952lozhkin@mail.ru

Minin Anatoliy Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Department of Law, Moscow Pedagogical State University; e-mail: aya.minin@mpgu.su

Pashentsev Dmitriy Aleksandrovich, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of Law Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; e-mail: dp-70@mail.ru

Platonova Elena Dmitrievna, Doctor of Economic Scienses, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Management of the Moscow State Pedagogical University; e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Przhilenskaya Irina Borisovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Culturology, Moscow Pedagogical State University; e-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Selskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Social Sciences, Accociate Professor, Open University of Humanities and Economics; e-mail: selskaya0719@mail.ru

Solovykh Nadezhda Nikolaevna, Candidate of Economic Scienses, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: solovyh2011@yandex.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow State Pedagogical University; e-mail: 195805@mail.ru

Shiryaeva Svetlana Valentinovna, Candidate of Law, Accociate Professor, Head of the Department of Theory of Government and Rights, Moscow State Pedagogical University; e-mail: sv.shiryaeva@mpgu.su

Editorial staff:
Executive editor *N. Dymova*
Design and layout: *Yu. Diyarova*

Журнал представляет современные работы российских ученых по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.4.7. Социология управления;
5.2.5. Мировая экономика;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (5.4.4)

Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Образование как объект перспективных инвестиций молодежи 6

Челеби Батухан, Иванова Н.С. Обеспечение эффективной социальной коммуникации профильных специалистов, обучающихся иностранному языку, на основе межъязыковой интерференции 15

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (5.4.7)

Игумнов О.А., Денисова Г.С. Проблема утраты субъектности в условиях алгоритмизации управления организациями: социоресурсный подход к интерпретации 24

Игумнов О.А. Негативные эффекты социального капитала в управлении организациями: постановка проблемы 38

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА (5.2.5)

Платонова Е.Д., Базиев Б.А. Формирование новой инвестиционной платформы БРИКС: основные направления и риски 52

Платонова Е.Д. Как измерить инновационность мировой экономики: европейский подход (по материалам ежегодного отчета «European Innovation Scoreboard – 2025») 65

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (5.2.3)

Лебедев А.Н. Стратегия и тактика управления структурой капитала коммерческих организаций 75

Кузнецова Е.Г. О содержании и месте концепций «устойчивого» и «инклюзивного» развития в понятийном аппарате исследования мировой экономики 83

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (5.1.1)

Колоколов Н.А. Судебная власть в историко-правовом и современном ракурсе 95

Мякинина С.Б. Проблема отнесения сделок, совершаемых несовершеннолетними, к мелким бытовым 101

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (5.1.4)

Головко Н.В. Проблемы правового регулирования института необходимой обороны по Уголовному кодексу Российской Федерации 110

Глушков А.И. Проблемы обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий в ходе производства по уголовному делу 118

The journal presents modern works by Russian scientists in the following scientific specialties:

5.4.4. Social structure, social institutions and processes;
5.4.7. Sociology of Management;
5.2.5. Global Economy;
5.2.3. Regional and sectoral economy;
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences of law;
5.1.4. Criminal law sciences.

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES (5.4.4)

Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Education as an object of promising investment for young people . . . 6

Çelebi Batuhan, Ivanova N.S. Ensuring effective social communication of specialized specialists studying a foreign language on the basis of interlanguage interference . . . 15

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT (5.4.7)

Igumnov O.A., Denisova G.S. The subjectivity loss problem in the context of management algorithmization: a socioresource approach to interpretation . . . 24

Igumnov O.A. Social capital negative effects in organizations management: problem statement . . . 38

GLOBAL ECONOMY (5.2.5)

Platonova E.D., Baziev B.A. Setting up a new investment platform for the BRICS countries: main directions and risks . . . 52

Platonova E.D. How to measure the innovativeness of the world economy: the European approach (based on the materials of the annual report "European innovation Scoreboard – 2025") . . . 65

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY (5.2.3)

Lebedev A.N. Strategy and tactics of managing the capital structure of commercial organizations . . . 75

Kuznetsova E.G. On the content and place of the concepts of "sustainable" and "inclusive" development in the conceptual apparatus of global economic research . . . 83

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES OF LAW (5.1.1)

Kolokolov N.A. Judicial power in the historical, legal and modern perspective . . . 95

Myakinina S.B. The problem of classifying transactions made by minors as minor household transactions . . . 101

CRIMINAL LAW SCIENCES (5.1.4)

Golovko N.V. Problems of legal regulation of the institute of necessary defense under the Criminal Code of the Russian Federation . . . 110

Glushkov A.I. Problems of ensuring the rights and legitimate interests of participants in investigative actions during criminal proceedings . . . 118

УДК 316.3
ББК 60.2561.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-6-14

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ МОЛОДЕЖИ

С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова

Аннотация. *Информационное общество предоставляет человеку широкие возможности в определении траекторий личностного профессионального развития. Вместе с тем на данный выбор влияет целая группа факторов. Особое внимание в статье обращается на те из них, которые связаны с инвестициями в образование и развитием человеческого капитала. Весь вопрос видится в том, насколько полно индивид может использовать накопленные знания и качественно выполнять свои новые функциональные обязанности, а также каковы результаты его труда. Ориентир видится в возможности предоставления начальных стартовых позиций, которые позволяют индивиду развиваться дальше.*

Ключевые слова: *образование, рынок труда, социальные партнеры, рабочая сила, молодежь, социальные риски, инвестиции.*

Для цитирования: *Иванов С.Ю., Иванова Д.В.* Образование как объект перспективных инвестиций молодежи // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 6–14. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-6-14

EDUCATION AS AN OBJECT OF PROMISING INVESTMENT FOR YOUNG PEOPLE

S.Y. Ivanov, D.V. Ivanova

Abstract. *Education as an object of promising investments in the information society Annotation. In the information society, a person is faced with a choice in determining the trajectories of his professional development. This choice is influenced by a whole group of factors. Special attention is paid to those related to investments in education and human capital development. The whole question is how fully an individual can use*

© Иванов С.Ю., Иванова Д.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the accumulated knowledge and perform his new functional duties efficiently, as well as what are the results of his work. The guideline is seen in the possibility of providing initial starting positions that allow the individual to develop further.

Keywords: *education, labor market, social partners, labor force, youth, social risks, investments.*

Cite as: Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Education as an object of promising investment for young people. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 6–14. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-6-14

Введение

В информационном обществе особое внимание приобретают вопросы повышения качества человеческих ресурсов. Со стороны субъектов социально-трудовых отношений предъявляются повышенные требования к подготовке современных специалистов. В этой связи как никогда актуальными являются инвестиции в развитие человеческого капитала. Обеспечение устойчивого роста национальной экономики возможно благодаря повышению качества образования и нахождению дополнительных источников для поддержания перспективных направлений кадрового развития.

Вместе с тем складывающаяся ситуация на рынке труда не столь оптимистична. Среди специалистов часто фиксируется потеря мотивации к профессиональному развитию и кадровому росту. К группе повышенного социального риска относятся молодые специалисты, которые испытывают трудности с профессиональной адаптацией. Отсутствие профессионального опыта и узкоспециальной профильной подготовки не позволяет им активно включиться в систему социально-трудовых отношений. Данной проблематике посвящены многочисленные работы зарубежных и российских ученых. Среди отечественных авторов необходимо особо выделить работы М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги [4], А.Г. Здравомыслова [2] и других исследователей [5]. Авторы основной упор делают на выявление конкурентных преимуществ и социальных рисков для молодежи в различных сферах деятельности. Интереса заслуживают работы ряда зарубежных специалистов: Р.Дж. Эренберга и Р.С. Смита [9], С. Фернандес [10] и других ученых. Во многих аспектах их работы опираются на необходимость анализа внутренних и внешних факторов, влияющих на включенность молодежи в систему социально-трудовых отношений и их социальную мотивацию. Однако в последнее время интерес к данной проблематике несколько снизился. Это связано прежде всего как с нежеланием ряда работодателей инвестировать в подготовку молодых специалистов, так и размыванием социальной ответственности бизнеса. Последнее, на наш взгляд, корреспондируется с недооценкой обеспечения сбалансированного учета интересов как работников, так и работодателей, а также повышения личной ответственности социальных партнеров за успешную адаптацию молодежи на рынке труда. В этой связи цель нашей работы заключается в определении отношения молодежи к образованию как объекту перспективных инвестиций в контексте современного рынка труда.

Методология исследования

Авторами использовались общетеоретические методы (абстракции, анализа и синтеза, сравнения, триангуляция), общенаучные концепции (структурно-функциональная, системная, синергетическая), статистические методы, контент-анализ первичных источников.

Основное исследование

На протяжении своей профессиональной жизнедеятельности человек, так или иначе, вынужден решать целый ряд вопросов, касающихся инвестиций в образование, профессиональное развитие и переподготовку. Заметим, что как материальные, так и нематериальные инвестиции предполагают определенный срок окупаемости и достижение поставленных целей и задач. Их размер зависит от того, за какую сумму они могут быть проданы и насколько они будут востребованы на рынке.

Образование – важная сфера жизнедеятельности современного человека. За последнее время фиксируется рост числа молодежи, которая ориентируется на получение профессионального образования. В то же время, нельзя не отметить определенное снижение качества полученных знаний, переориентацию образовательных траекторий на более простые и менее затратные способы.

Принятие решений о выборе направления подготовки во многом обусловлено тем, что вчерашние выпускники школ нередко действуют в условиях социального риска и неопределенности. На принятие ими решений оказывает влияние целая группа объективных и субъективных факторов. Однако наличие четко выверенных траекторий профессионального поведения помогает молодежи уменьшить неопределенность и добиться определенного успеха. Зачастую при принятии решений молодые люди ориентируются на совет ближайшего окружения, а также свои индивидуальные предпочтения.

Вложения «в самих себя» распределяются неравномерно в зависимости от возраста и имеющихся индивидуальных свойств и предпочтений. Тем не менее многие школьники заранее знают, студентами каких учебных заведений они будут. От этого выбора зависит уровень их благосостояния, а также перспективы карьерного развития. Инвестиции в обучение предполагают определенную полезность получаемого блага – отложенную форму отдачи в виде более высокой заработной платы или различных статусных преференций. Однако не всегда инвестиции окупаются. Например, у покинувших досрочно учебное заведение молодых людей норма отдачи будет низкая, в отличие от тех, кто завершил обучение успешно. Общий континуум накопленного человеческого капитала предопределяется его ценностью и полезностью. Причем такая ценность может коррелировать с потребностями индивида, группы, всего общества в целом (рынка труда).

Безусловно, современная молодежь как наиболее динамичная социальная группа существенно отличается по используемым способам и траекториям формирования своего интеллектуального капитала от других поколений.

Согласно данным официальной статистики, численность студентов, получающих высшее образование на начало 2022 г., составила 4,22 млн человек. Однако на начало 2000 г. она была несколько выше и составила 4,74 млн человек [10].

В тоже время численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, в последние годы неизменно растет. Так, их доля с 2000 по 2022 г. увеличилась более чем на 26% и составила 2,98 млн человек.

Это можно связать с тем, что спрос на высшее образование в обществе несколько снизился и перераспределился. Более того, значительная доля учащихся выбирает колледжи, с тем чтобы обойти ЕГЭ. Например, в 2018 г. из 580 тысяч выпускников учреждений СПО почти 130 тысяч продолжило обучение в университетах и институтах. Очевидно, уменьшение спроса на высшее образование связано как с субъективными, так и объективными причинами. Проблема видится в отсутствии привязки получаемого образования и профессиональной мотивации. Издержки на образование зачастую не для всех оборачиваются получаемыми выгодами. Дифференцирующий фильтр по уровню образования проявляется не для всех групп молодежи. Ценность образования размывается в условиях информационного общества. Очевидно, что ориентир в профессиональной подготовке во многом связан с уникальными личностными качествами и способностью индивида проявлять свою активную позицию, обеспечивающую результативную деятельность.

Наблюдаемый сегодня дефицит квалифицированных кадров отнюдь не означает, что работодатели переориентируются в полной мере на молодых специалистов. Проблема видится в появлении достаточно большой доли тех работников, которые ориентируется на «свободный выбор», либо работают «не по специальности». Заметим, что доля тех, кто получил высшее образование и работает по специальности, составляет всего лишь около половины. В то же время, принимая на работу молодежь, работодатели нередко не берут в расчет профиль получаемого образования молодого специалиста, сформированные профессиональные компетенции.

Изначально получая, например, высшее образование, молодежь по-разному оценивает его преимущества и дальнейшие профессиональные возможности. Для каждого отдельного человека образование нередко не рассматривается в виде дифференцирующего механизма или фактора роста производительности труда. Скорее всего, человек будет подстраиваться под отдельные требования работы с разной степенью интенсивности и ориентироваться на совершенствование своих профессиональных компетенций. В любом случае, вероятность получения дополнительного образования может повысить шансы человека на успех и получение достойного дохода. Другое дело, о каком виде образования идет речь и каковы будут личностные ожидания и вложения – инвестиции?

В целом же профессиональное образование фиксирует определенную ценность, которая предполагает, что развитие и новые знания открывают горизонты для личностного роста. Не вызывает сомнения, что вклад в образование – это основа конкурентного преимущества как для личности, так и для работодателя.

Недостаточная конкурентоспособность определенной группы молодежи проявляется в нежелании выходить на рынок труда. Оценка получаемого образования идет в первую очередь по его «полезности» – степени индивидуальной удовлетворенности, достижения целей. Можно спрогнозировать и то, что степень удовлетворенности образованием, как и уровень информированности о получаемых профессиональных преимуществах, также будет варьироваться в разных статусных группах молодежи. В то же время работодатели, по-видимому, проявляют неоднозначную степень готовности платить за более высокий уровень образования молодежи. Нередко социальные издержки рынка отдаются на откуп государству. Объяснением этому являются выгоды, которые получает общество от индивидов с более высоким образовательным цензом. Иными словами, речь идет о значимом запросе со стороны общества.

Вместе с тем не следует забывать, что молодежь разнородна по своему составу и в плане качественного содержания инвестиций в образование. Определенная группа молодежи, обладающая способностью к быстрому обучению, с наибольшей долей вероятности, чем другие, будет ориентирована на возможность получить качественное обучение и от работодателя. Это обосновывает то, что благодаря своим способностям эти молодые люди чаще всего ориентируются на выгоды, которое предоставляет высшее образование. Очевидно, они оказываются наиболее склонны к профессиональному развитию. Норма отдачи от образования у них достаточно высокая, так же, как и их усилия по достижению поставленной цели в рамках определенной траектории своего профессионального развития.

Наблюдаемые разные профессиональные траектории развития у молодежи объясняются неодинаковыми экспектациями и возможностями по выбору наиболее подходящей работы, а также наблюдаемой деформацией рынка труда.

Сторонники теории человеческого капитала склоняются к мнению о том, что работники с более высоким уровнем своих способностей имеют потенциал быть более производительными. Это отнюдь не означает, что роль учебных заведений в повышении производительности через развитие познавательных способностей является единственной [5, с. 353].

Таким образом, при выборе образования и профессии индивид учитывает уровень получаемых сравнительных преимуществ в будущем. Другое дело, имеются ли у индивида необходимые возможности и желание, чтобы получить требуемое и быть конкурентоспособным специалистом.

В условиях дефицита предложений по той или иной специальности предпринимаемые социальными партнерами шаги по сокращению фиксируемого дефицита трудовых ресурсов могут способствовать потенциальному переизбытку предложения. В этой связи социальным партнерам важно ориентироваться на достижение определенного баланса между спросом и предложением.

В определенной степени проводимая социальная политика на рынке труда должна быть направлена на реализацию активных мероприятий по предоставлению человеку труда полноценного рабочего места на основе полученного им образования.

Например, реализуемая в Швеции политика на рынке труда, в отличие от ряда стран ОЭСР, направлена на оказание молодому человеку помощи в возвращении на рабочее место, если он его потерял. Однако период выплаты социального пособия здесь имеет строго ограниченный характер (в несколько месяцев), даже если человек не смог найти работу [7]. Заметим, что в ряде европейских стран период выплаты пособия не ограничивается фиксированным временем. Нередко безработица в ряде высокоразвитых стран более высока и проявляется гораздо дольше.

В то же время нужно избегать и совершенно иной крайности, когда при невысокой безработице «отсеченными» оказываются целые группы людей, которых причисляют к группам социального риска. Причем такая безработица характерна для тех регионов, где рынок труда оказался достаточно «слабым».

Безусловно, к представителям группы социального риска относятся не только люди преклонного возраста, но и молодежь, либо только что закончившая вуз, либо не имеющая необходимого профессионального образования и возможностей для значимых инвестиций. Очевидно, что традиционными механизмами регулирования рынка труда здесь не обойтись. Приостановка экономического роста, высокая инфляция и неконтролируемая безработица создают питательную основу для развития

«стагфляции», уменьшения деловой активности, сокращения производства. По всей видимости, наблюдающаяся структурная разбалансировка может сильнее всего отразиться на предложении рабочей силы. Институциональные механизмы системы должны быть ориентированы на сокращение рисков потери работы, сокращение рабочего времени и необоснованную перемену места работы. Важный фактор, способный повлиять на обеспечение долгосрочной занятости, – это рентабельная высокопроизводительная экономика, ориентированная на создание новых рабочих мест.

В этих условиях ориентир на глобализацию образования на основе его массовости превращается по существу в стратегическую проблему. Ему на смену приходит ориентир на специализацию образования, несущего конкурентные преимущества, способные «окупить» изначальные личностные вложения.

Как справедливо указывает независимый британский журналист Пол Мейсон, сопутствующей сегодня проблемой является глобализация рабочей силы, которая перестает увеличивать производительность труда [1]. Дефляционные последствия использования дешевой рабочей силы и удешевление «всего и вся» создают основу для размывания социальной ответственности, потери достигнутого уровня производительности. Широкая информатизация социума становится предпосылкой для сокращения предельных издержек, отделения физической стоимости товара от представляемого образа. В современном обществе вместо расширяющегося предложения и решительно падающей стоимости услуг и товаров в приоритет поставлена информационная ценность создаваемого образа. Это особенно отчетливо проявляется в сфере образования. Технологизация образования находится в противоречии с ее социальным направлением, ценностью и результативностью. Любую информацию обучающийся может получить, затрачивая минимум усилий. Совершенно иное дело, какова взвешенная ценность для индивида такой информации, насколько она необходима для принятия человеком решений.

Несомненно, знания, по убеждению Питера Друкера, становятся единственным для современного общества ресурсом, позволяющим преобразовать его структуру. Поэтому речь идет о новой социальной реальности, которая предполагает слияние управленческого и интеллектуального капитала. Производство и управление знаниями становится для любой системы необходимым инновационным ресурсом. Как справедливо подчеркивает Пол Мейсон, сегодня следует говорить о «посткапитализме», который строится на потенциале универсальных образованных людей. Реалии таковы, что человек участвует в создании стоимости в любой момент своей жизнедеятельности. Информированность требует размывания границ между рабочим и внерабочим временем.

Новые реалии свидетельствуют о том, что любой временный сотрудник, при наличии базового образования и подключения к Сети, может стать «универсально образованным» человеком. Однако «универсальность» фиксирует появление многих дополнительных функций, которые могут быть не востребованными социумом. Весь вопрос в том, насколько индивид сможет использовать накопленные знания и качественно выполнять свои новые функциональные обязанности, а также каковы результаты его труда.

Общество знаний вносит свои коррективы в подготовки молодых кадров. Знания, которыми владеют молодые специалисты, воспринимаются, скорее всего, не как благо, а как некоторый ресурс, помогающий им извлекать определенную выгоду и быть полезными. Рациональная организация информации делает сегодня намного больше, чем труд, направленный на создание машины.

В условиях информационной насыщенности уровень подготовки зачастую рассматривается скорее в контексте заполнения рабочих мест и частой сменяемости кадров. Фиксируется факт оторванности высшего образования от потребностей рынка труда. Значимая часть работодателей склоняется к тому, что у выпускников не хватает практических знаний, а организованная практическая подготовка носит формальный характер.

В большинстве случаев, согласно Дж.Л. Томпсону и Д. Присти, приходится иметь дело со стиранием внутриклассовых различий [3]. Последние обусловливаются деквалификацией и превращением целого ряда видов деятельности в рутинные, которые можно легко заменить информатизацией трудовых отношений. В то же время у работодателей растет запрос на качественную содержательную подготовку специалистов.

Приобретаемый человеческий капитал во многом связан не только со сформированными знаниями, навыками и умениями, но и с формированием определенной системы ценностей, которые требуют определенных инвестиций, активной включенности индивида в социальные процессы.

Следует отметить существенные изменения в структуре занятости молодежи в отношении доминанты информационных услуг. Выросла престижность программиста, специалиста в сфере IT-услуг. Области, в которых молодежь всё еще недопредставлена, сводятся к высокотехнологичным, которые подвержены обесцениванию человеческого капитала в течение краткосрочного периода времени. В этой связи ориентир на содержательный и «динамичный» аспект образования вполне очевиден. Согласно К. Клепперу и А. Кропли, в информационном обществе важно акцент сделать на процесс систематического получения и обновления знаний, умений, навыков, которые способствуют самореализации человека как специалиста в постоянно меняющихся реалиях [6]. Уровень вовлеченности человека в непрерывное образование является показателем развития человеческого капитала для любого общества.

При выборе направления образования молодые люди стремятся руководствоваться своими ожиданиями о будущей работе. При этом в расчет принимаются как возможные прямые затраты на образование, так и упущенный заработок и моральный ущерб, связанный с получением образования. Здесь речь идет о выборе рационального поведения, которое предопределяет будущие траектории профессионального развития.

Справедливости ради отметим, что не во всех развитых странах прослеживается однозначная зависимость привязки полученного образования к заработку. Не всегда более высокий уровень образования может гарантировать высокую заработную плату. Тенденция во многом связана с тем, что образование может выполнять далеко не все функции и соответствует потребностям тех или иных целевых групп. Ориентир скорее видится в возможности предоставления начальных стартовых позиций, которые позволяют молодому человеку развиваться дальше. Другое дело, насколько полно индивид может ими воспользоваться.

Выводы

Рассмотрение образования как объекта инвестиций показывает, что в настоящее время оно представляет собой определенную ценность для подрастающего поколения, а его уровень во многом определяет трудовую мобильность молодого работника. Образование исследуется как одна из форм развития человеческого капитала.

В соответствии с этим, большая доля расходов, уходящих на развитие образования, становится инвестициями.

Важность инвестирования в образование молодежи заключается, прежде всего, в том, что через него обеспечивается развитие человека и общества. Мотивы к получению образования могут быть различными, но основным остается то, что будущий молодой работник ориентируется на свое личностное развитие, а работодатель – на социальную ответственность.

Таким образом, проблема образования как объекта перспективных инвестиций вызвана не только спецификой будущей профессиональной деятельности молодых работников, но и усугублением ситуации, связанной с повышением требований к качеству профессиональной подготовки специалистов на фоне высоких рисков, связанных с развитием современного общества. Повышение уровня квалификации молодых работников и наукоемкости труда самым непосредственным образом должно способствовать росту их доходов.

Новый этап развития российского общества разрушил старую систему мотивации, при этом новая система трудовых ориентаций пока еще находится в стадии становления для современного поколения молодежи. Всё это привело к смене ценностных приоритетов в социально-трудовой сфере и профессиональных установок молодых людей. В этой связи переосмысление роли образования как ключевого института, аккумулирующего требования социальных партнеров, призвано снять многие противоречия между потребностью организаций в персонале, способном эффективно решать поставленные задачи, и существующей системой профессиональной подготовки специалистов, которая в недостаточной степени удовлетворяет запрос современного общества. Результатом этих процессов является обеспечение сбалансированного взаимодействия учреждений высшего профессионального образования с потенциальными работодателями и различными социальными институтами, снижение оторванности образования от потребностей рынка труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ветерберг Г.* Новое общество. О возможностях общественного сектора. М.: Ад Маргинем Пресс, 1999. 304 с.
2. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П.* Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967. 392 с.
3. *Мейсон П.* Посткапитализм. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
4. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
5. Молодежь на рынке труда: новые правила поведения и коммуникаций: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 29–30 октября 2020 г.): сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2020. 460 с.
6. Образование в цифрах – 2023 г.: Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.
7. *Томпсон Дж., Пристли Д.* Социология. М.; Львов: АСТ: Инициатива, 1998. 491 с.
8. *Эренберг Р.Дж., Смит Р.С.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М.: МГУ, 1996. 800 с.

9. Engaging Students in Learning: Findings from a Study of Project-Led Education / S. Fernandes, D. Mesquita, M.A. Flores, R. Lima // European Journal of Engineering Education. 2014. Vol. 39. № 1. P. 56–66.

REFERENCES

1. Veterberg G. New society. About the opportunities of the public sector. M., 1999. P. 164;
2. Zdravomyslov A. G., Yadov V. A., Rozhin V. P. Man and his work (sociological research) / ed. A.G. Zdravomyslova, V.P. Rozhina, V.A. Yadova. M.: Mysl, 1967. 392 p.;
3. Mason P. Postcapitalism. M., 2016. P. 158.
4. Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research: [monograph] / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M: FNISC RAS, 2020. 688 p.
5. Youth in the labor market: new rules of behavior and communication: All-Russian scientific and practical conference (Ulyanovsk, October 29-30, 2020): collection of scientific papers / rep. ed. O.V. Shinyaeva. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2020. 460 p.
6. Education in numbers – 2023: Brief statistical collection / T. A. Varlamova, L. M. Gokhberg, O. K. Ozerova and others; National research University “Higher School of Economics”. M.: ISSEK HSE, 2023. 132 p.
7. Thompson J., Priestley D. Sociology. M., Lvov: AST, “Initiative”, 1998. P. 491.
8. Ehrenberg R.J., Smith R.S. Modern labor economics. Theory and public policy. M.: MSU, 1996. P. 800.
9. Engaging Students in Learning: Findings from a Study of Project-Led Education / S. Fernandes, D. Mesquita, M.A. Flores, R. Lima // European Journal of Engineering Education. 2014. Vol. 39, no. 1. P. 56–66.

Сведения об авторах / About Authors:

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Ivanov Sergey Yurievich, ScD in Social Sciences, Full Professor, Head, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Иванова Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Ivanova Daria Vyacheslavovna, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Special Sociology named afer M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2025 / The article was received on 02.12.2025

Статья принята к публикации 12.12.2025 / The article accepted for publication 12.12.2025

УДК 316.3
ББК 60.2561.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-15-23

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ, НА ОСНОВЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Батухан Челеби, Н.С. Иванова

Аннотация. *В статье представлено эмпирическое исследование установок и оценок обучающихся и преподавателей немецкого языка как иностранного (DaF) в Турции относительно письменных межъязыковых интерференционных ошибок. Исследование направлено на выявление социально значимых различий в восприятии ошибок между этими двумя группами, а также на анализ влияния их установок на процесс обучения и преподавания немецкого языка и эффективное социальное взаимодействие. На основе проведенного фокусированного опроса было показано, что преподаватели чаще распознают интерференционные ошибки, но воспринимают их как менее «мешающие», чем «обучающиеся». Кроме того, выявлена положительная корреляция между негативным отношением преподавателей к ошибкам и снижением их профессиональной мотивации. Это позволяет выделить механизмы эффективной социальной коммуникации, которые должны строиться как на учете социокультурных особенностей обучающихся, так и на обеспечении их наиболее полной включенности в социальную среду.*

Ключевые слова: *немецкий язык, межъязыковая интерференция, установки, восприятие, мотивация, методика преподавания иностранных языков.*

Для цитирования: *Челеби Б., Иванова Н.С.* Обеспечение эффективной социальной коммуникации профильных специалистов, обучающихся иностранному языку, на основе межъязыковой интерференции // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 15–23. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-15-23

© Челеби Батухан, Иванова Н.С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ENSURING EFFECTIVE SOCIAL COMMUNICATION OF SPECIALIZED SPECIALISTS STUDYING A FOREIGN LANGUAGE ON THE BASIS OF INTERLANGUAGE INTERFERENCE

Batuhan Çelebi, N.C. Ivanova

Abstract: *The article presents an empirical study of attitudes and assessments of students and teachers of German as a foreign language (DaF) in Turkey regarding written interlanguage interference errors. The study aims to identify socially significant differences in error perception between these two groups, as well as to analyze the impact of their attitudes on the process of learning and teaching German and effective social interaction. Based on empirical research, it has been shown that teachers are more likely to recognize interference errors, but perceive them as less "interfering" than "learners". In addition, a positive correlation was found between the negative attitude of teachers towards mistakes and a decrease in their professional motivation. This allows us to identify mechanisms for effective social communication, which should be based both on taking into account the socio-cultural characteristics of students and on ensuring their fullest inclusion in the social environment.*

Keywords: *German as a foreign language, interlanguage interference, attitudes, perception, motivation, methodology of teaching foreign languages.*

Cite as: Çelebi B., Ivanova N.S. Ensuring effective social communication of specialized specialists studying a foreign language on the basis of interlanguage interference *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 15–23. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-15-23

Введение

Обеспечение эффективной социальной коммуникации между представителями различных социокультурных систем является наиболее важной задачей в разрезе укрепления и развития международного сотрудничества. В условиях глобального распространения английского языка как первой иностранной системы подготовки квалифицированных специалистов обучение, например, немецкому языку в ряде стран часто сталкивается с явлением межъязыковой интерференции. Безусловно, английский, выступая первым иностранным языком, оказывает влияние на усвоение других языков, что отражается в синтаксисе, выборе предлогов и структуре предложений [4]. Это не может не сказаться на успешном социальном взаимодействии и коммуникации в профессиональной среде. В фокусе данного исследования – обучающиеся немецкому языку, проживающие в Турции (г. Стамбул).

Цель нашего исследования – определить, как обучающиеся и различные группы преподавателей немецкого языка (преподаватели с толерантным отношением к ошибкам и преподаватели, воспринимающие ошибки как препятствие для коммуникации) воспринимают и оценивают письменные интерференционные ошибки, вызванные влиянием английского языка. Исследование направлено на выявление того, каким образом установки участников, как студентов, так и преподавателей, влияют на эффективность профессиональной и межкультурной коммуникации, качество социального взаимодействия в образовательной среде и последующую профессиональную адаптацию обучающихся [2].

Основные задачи исследования включают в себя следующие позиции:

1. Определить различия в установках к интерференционным ошибкам между обучающимися и преподавателями немецкого языка как иностранного (далее – DaF).
2. Изучить влияние родного языка и первого иностранного языка на восприятие и оценку ошибок, а также успешное социальное взаимодействие и профессиональную адаптацию специалистов.
3. Выявить взаимосвязь между негативными установками и мотивацией при изучении и преподавании немецкого языка и ее влияние на эффективную социальную коммуникацию в профессиональной среде.

Описание исследования

Исследование основывается на количественном методе анкетирования и представляет собой онлайн-опрос, проведенный в Турции (г. Стамбул). Немецкий язык в турецких образовательных учреждениях, как правило, изучается после английского, что обусловливает влияние первого иностранного языка на процесс усвоения второго [5].

В ходе исследования было выдвинуто предположение о том, что изучающие немецкий язык осознают сходство с английским и интуитивно переносят конструкции между языками [9]. Подобные влияния формируют интерференционные ошибки, анализ которых позволяет извлечь не только ценные социально-дидактические выводы, но и выделить социокультурные условия, влияющие на успешную включенность специалистов в профессиональную среду [8].

В целом исследование ориентировалось на получение знаний, способствующих улучшению социальной коммуникации на основе использования методики преподавания DaF в условиях двуязычного и многоязычного контекста [3].

Методика и структура опроса

Методом исследования является онлайн-анкетирование. Анкета для опроса была разработана и опубликована на платформе Qualtrics после пилотного тестирования.

Анкета состояла из двух разделов:

1. Раздел «Установки» включал социально значимые утверждения с 5-балльной шкалой («полностью не согласен» – «полностью согласен»).
2. Раздел «Оценивание» содержал 15 предложений: 8 с интерференционными ошибками под влиянием английского языка и 7 без ошибок.

Обучающиеся (профильные специалисты различных видов экономической деятельности) также отвечали на открытый вопрос о стратегиях преодоления ошибок.

Преподаватели и обучающиеся заполняли анкеты раздельно.

Использовалась сфокусированная выборка. Всего в опросе приняли участие ***56 человек****, в их числе:*

- 25 профильных специалистов, обучающихся немецкому языку (DaF-Lernende);
- 31 преподаватель немецкого как иностранного (DaF-Lehrkräfte).

Участники опроса представляли различные типы образовательных учреждений Турции: университеты, гимназии, частные языковые школы.

Родные языки участников опроса распределились следующим образом (*Таблица 1*):

- турецкий язык – 69,6%;
- английский язык – 10,7%;
- немецкий язык – 8,9%;
- турецкий + немецкий языки – 8,9%;
- английский + немецкий языки – 1,8%.

Таблица 1

Состав участников опроса по родному языку

Родной язык	Доля, чел.	Всего, %
Турецкий язык	39	69
Английский язык	6	11
Немецкий язык	5	9
Английский и немецкий языки	1	2
Турецкий и немецкий языки	5	9

Структура выборки по первому иностранному языку позволяет зафиксировать следующее распределение. Первым иностранным языком у 60,7% участников был английский, у 32,1% – немецкий, у 3,6% – французский (*Таблица 2*).

Таблица 2

Распределение участников по первому иностранному языку

Первый иностранный язык	Доля, чел.	Всего, %
Английский язык	34	60,7
Немецкий язык	18	32,1
Французский язык	2	3,6
Другое	2	3,6

Результаты исследования

В рамках исследования были сформулированы и проверены ряд гипотез.

Первая гипотеза: преподаватели DaF воспринимают совершаемые обучающимися письменные интерференционные ошибки как более мешающие, чем сами обучающиеся [1].

Для проверки использовались результаты оценивания предложений с ошибками (раздел «Оценивание»). Анализ значимости различий проводился по критерию согласия χ^2 Пирсона.

Примеры исследованных предложений:

- Item 1: союз *dass* с порядком слов SVO вместо SOV;
- Item 2: *daher* с порядком SVO вместо V2;
- Item 5: *gehen zu* вместо *in die Schule gehen*;
- Item 6: *deshalb* + SVO;
- Item 11: ошибка в конструкции *zu* + *Infinitiv*;
- Item 15: *obwohl* + SVO вместо SOV.

Результаты исследования показали значимые различия по Items 2, 5 и 6 ($p < 0,05$). Преподаватели чаще распознавали ошибки, но считали их не мешающими (80,6% в Item 5). Обучающиеся в 24% случаев не заметили ошибку и чаще воспринимали ее как существенную (*Таблицы 3, 4*).

Таблица 3

Сравнение оценок ошибок (Items 1–15) между исследуемыми группами

Категория ответа	Учащиеся, N	Учащиеся, %	Преподаватели, N	Преподаватели, %	Всего, N	Всего, %
Полностью ошибочно и мешает пониманию	10	40,0	2	6,5	12	21,4
Ошибочно, но не мешает пониманию	9	36,0	25	80,6	34	60,7
Без ошибок, но непонятно	1	4,0	2	6,5	3	5,4
Без ошибок и понятно	5	20,0	2	6,5	7	12,5
Итого:	25	100,0	31	100,0	56	100,0

Примечание: Пожалуйста, отметьте для каждого предложения только одну позицию.
6 – «Если я делаю письменные интерференционные ошибки, меня не понимают».

Таблица 4

Оценка распределения по критерию χ^2 Пирсона

Тест	Значение	Степени свободы (df)	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
χ^2 Пирсона	14,000	3	0,003
Отношение правдоподобия	14,681	3	0,002
Линейная связь	0,142	1	0,706
Количество валидных случаев	56	–	–

Таким образом, результаты исследования показывают, что первоначальная гипотеза не подтвердилась. Преподаватели DaF рассматривают интерференционные ошибки не как критическое лингвистическое нарушение, а как естественную часть процесса профессионального становления учащихся. Подобная позиция указывает на то, что преподаватели демонстрируют более гибкий и поддерживающий подход, ориентированный не только на корректность письменной речи, но прежде всего на развитие эффективного профессионального общения, уверенности учащихся и их успешной адаптации в многоязычной и межкультурной среде. Такой подход способствует укреплению взаимодействия между преподавателем и обучающимися и снижает коммуникативные барьеры, что является важным условием для дальнейшей социальной и профессиональной интеграции студентов.

Вторая гипотеза: существуют значимые различия между подгруппами обучающихся и преподавателей DaF в зависимости от их родного и первого иностранного языка.

Результаты исследования показали, что для обучающихся (по родному языку) различия близки к уровню значимости ($p = 0,057$). В то же время для преподавателей (по первому иностранному языку) наблюдаются значимые различия ($p = 0,040$). Однако по уровню владения немецким языком и стажу преподавания различий не наблюдаются (*Таблицы 5, 6*).

Таблица 5

Сравнение установок по подгруппам (L1 и первый иностранный язык)

Первая иностранная речь	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Нейтрально	Скорее согласен	Всего
Английский язык	5	6	4	4	19
Немецкий язык	0	2	2	1	5
Другой язык	0	0	1	0	1
Итого:	5	8	7	5	25

Таблица 6

Оценка распределения по критерию χ^2

Тест	Значение	df/ степень свободы	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
χ^2 Пирсона	4,647	6	0,590
Отношение правдоподобия	5,580	6	0,472
Линейная ассоциация	0,697	1	0,404
Количество валидных случаев	25	–	–

Примечание: 10 ячеек (83,3%) имеют ожидаемое значение меньше 5. Минимально ожидаемое значение: 0,20.

Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась частично. Родной язык и первый иностранный оказывают влияние на восприятие ошибок преимущественно у преподавателей. В определенной мере с целью организации эффективной социальной коммуникации данные аспекты необходимо учитывать, в том числе и при формировании стратегии адаптации специалистов к профессиональной среде.

Третья гипотеза: негативные установки к письменным интерференционным ошибкам связаны со снижением мотивации в обучении и преподавании немецкого языка.

На основе полученного распределения ответов и корреляционного анализа (Spearman's Rho) было сделаны следующие выводы. У обучающихся (профильных специалистов) корреляции незначимы ($\rho = 0{,}194$; $p = 0{,}353$). Напротив, у преподавателей DaF были выявлены значимые положительные корреляции между негативными установками и снижением мотивации ($\rho = 0{,}471$; $p = 0{,}007$; $\rho = 0{,}517$; $p = 0{,}003$).

В целом сформулированная гипотеза подтверждается для преподавателей, но не для обучающихся.

Выводы

Результаты показывают, что большинство преподавателей DaF в Турции рассматривают интерференционные ошибки как естественный и неизбежный элемент процесса обучения, который не препятствует формированию профессиональных компетенций будущих специалистов. Такой подход отражает общую ориентацию на функциональное восприятие ошибок: приоритет отдается не формальной корректности, а способности обучающегося эффективно взаимодействовать в профессиональной и межкультурной среде. В этом контексте ошибки трактуются не как угроза лингвистической подготовке, а как часть развития коммуникативной гибкости, необходимой для успешной социальной и культурной адаптации в современном многоязычном обществе.

В то же время часть обучающихся либо не осознает наличие ошибок, либо воспринимает их как серьезное препятствие. Данное расхождение может быть связано с тем, что обучение в Турции всё еще сохраняет преподаватель-центрическую модель, где внимание к ошибкам подается как оценочный, а не обучающий элемент [6]. Это, несомненно, сказывается на позитивной мотивации обучающихся – профильных специалистов. Позволяет им оптимальным образом включиться в социальную среду.

Важно подчеркнуть, что выраженно негативное отношение преподавателей иностранного языка к ошибкам обучающихся может напрямую влиять на снижение их профессиональной мотивации, ослабляя уверенность учащихся в собственных коммуникативных возможностях и затрудняя процесс их профессиональной и социально-культурной адаптации.

Это подтверждает необходимость методической поддержки педагогов в формировании толерантного подхода к возможным ошибкам обучающихся [7].

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Межъязыковая интерференция – значимый фактор при обучении немецкому как иностранному в межстрановом контексте.
2. Преподаватели, как правило, осознают и распознают ошибки, но не считают их критичными, что позволяет говорить о складывающейся личностно ориентированной социальной коммуникации.
3. Негативные установки преподавателей нередко коррелируют со снижением их мотивации (профессиональной выгоранием), тогда как у обучающихся подобной зависимости не выявлено.
4. Интерференционные ошибки следует рассматривать как источник дидактических возможностей и социально-лингвистической диагностики, а не только как отклонения в выстраиваемых коммуникативных практиках.

Будущие исследования могут быть направлены на более широкую выборку и использование смешанных методов анализа, а также на изучение стратегий преодоления интерференции в многоязычной среде и разработку программ по успешной профессиональной адаптации иностранных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Altun Aslan E.* Türkiye'de Özel Okullaşma // Bitlis Eren Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2019. P. 263–276.
2. *Amin A.A.* Linguistic Analysis of the Phenomenon of Language Transfer // IOSR Journal of Humanities and Social Science. 2017. Vol. 22. Iss. 04. P. 32–35. URL: https://doi.org/10.9790/0837-2204043235 (дата обращения: 15.12.2025).
3. *Ammon U.* III. Sprachenpolitik // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / H.-J. Krumm, C. Fandrych, B. Hufeisen, & C. Riemer (Hrsg.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. S. 89–107. URL: https://doi.org/10.1515/9783110240245.89 (дата обращения: 15.12.2025).
4. *Bawej I.* Sprachliche Fehler und ihre Ursachen im Lichte dreier Spracherwerbshypothesen. Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego. 2009. URL: http://repozytorium.ukw.edu.pl/handle/item/5054 (дата обращения: 18.12.2025).
5. *Güler G.* Deutsch als zweite Fremdsprache im schulischen Fremdsprachenunterricht in der Türkei: Perspektiven für die Didaktik und Methodik des Deutschen als zweite Fremdsprache in der Deutschlehrerausbildung // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2000. № 11. URL: https://doi.org/10.26083/tuprints-00012630 (дата обращения: 15.12.2025).

6. *Hufeisen B.* Deutsch als Tertiärsprache // Deutsch als Fremdsprache / G. Helbig, L. Götze, G. Henrici, & H.-J. Krumm (Hrsg.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2001. S. 648–653. URL: https://doi.org/10.1515/9783110194074.595 (дата обращения: 15.12.2025).
7. *Oflaz A.* Die Internen Und Externen Interferenzfehler Beim Lernprozess Des Deutschen Als Zweitfremdsprache Für Türkische Muttersprachler Und Vorschläge Zur Fehlertherapie // Journal of Turkish Studies. 2013. Vol. 8. Iss. 8. P. 929–929. URL: https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.5314 (дата обращения: 15.12.2025).

REFERENCES

1. Altun Aslan, E. (2019). Türkiye'de Özel Okullaşma. Bitlis Eren Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 263–276.
2. Amin, A. A. (2017). Linguistic Analysis of the Phenomenon of Language Transfer. IOSR Journal of Humanities and Social Science, 22(04), 32–35. https://doi.org/10.9790/0837- 2204043235
3. Ammon, U. (2010). III. Sprachenpolitik. In H.-J. Krumm, C. Fandrych, B. Hufeisen, & C. Riemer (Hrsg.), Deutsch als Fremd- und Zweitsprache (S. 89–107). DE GRUYTER MOUTON. https://doi.org/10.1515/9783110240245.89
4. Bawej, I. (2009). Sprachliche Fehler und ihre Ursachen im Lichte dreier Spracherwerbshypothesen. Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego. http://repozytorium.ukw.edu.pl/handle/item/5054
5. Güler, G. (2000). Deutsch als zweite Fremdsprache im schulischen Fremdsprachenunterricht in der Türkei: Perspektiven für die Didaktik und Methodik des Deutschen als zweite Fremdsprache in der Deutschlehrerausbildung. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 11. https://doi.org/10.26083/tuprints-00012630
6. Hufeisen, B. (2001). Deutsch als Tertiärsprache. In G. Helbig, L. Götze, G. Henrici, & H.-J. Krumm (Hrsg.), Deutsch als Fremdsprache (S. 648–653). DE GRUYTER MOUTON. https://doi.org/10.1515/9783110194074.595
7. Oflaz, A. (2013). Die Internen Und Externen Interferenzfehler Beim Lernprozess Des Deutschen Als Zweitfremdsprache Für Türkische Muttersprachler Und Vorschläge Zur Fehlertherapie. Journal of Turkish Studies, 8(Volume 8 Issue 8), 929–929. https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.5314

Сведения об авторах / About Authors:

Иванова Надежда Сергеевна, руководитель проектов компании Learning & Development Lead Emerging Travel Group; г. Амстердам, Нидерланды, e-mail: hopethibert@gmail.com

Ivanova Nadezhda Sergeevna, Project Manager Learning & Development Lead at Emerging Travel Group; Amsterdam, the Netherlands, e-mail: hopethibert@gmail.com

Челеби Батухан, магистр гуманитарных наук (Master of Arts) по направлению «Немецкий как иностранный язык / Немецкий как второй язык и германистическая лингвистика»; Билефельд, Германия, e-mail: batucelebi95@gmail.com

Çelebi Batuhan, Master of Arts in German as a Foreign Language / German as a Second Language and German Linguistics; Bielefeld, Germany, e-mail: batucelebi95@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 / The article was received on 19.12.2025

Статья принята к публикации 29.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025

УДК 316.013
ББК 60.55-422.5
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-24-37

ПРОБЛЕМА УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: СОЦИОРЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О.А. Игумнов, Г.С. Денисова

Аннотация. *В статье представлен критический анализ алгоритмических практик управления, активно применяемых в различных сферах. На основе выявления специфики указанного вида управления сделан вывод о том, что алгоритмическое управление, основанное на профилировании субъекта, по сути, подменяет процесс воспроизводства субъектности процессом десубъективации, что приводит к киберпротезированию социальных отношений. Авторами отмечено, что в условиях цифровизации управления и «искусственной» социальности эволюционирует и сам концепт «субъектность», приобретая новые формы. Концепции алгоритмизированного управления авторы противопоставляют концепцию субъект-субъектного подхода, рассматриваемого в контексте социоресурсного представления о социальном управлении, на основе которого формируются социальные ресурсы управления организациями, а сами организации становятся социоресурсными по сути. Сделан вывод о необходимости расширения предметно-проблемного поля социологии управления за счет включения в него вопросов взаимодействия человека с агентами «нечеловеческой» природы. Обоснованы направления расширения предметно-проблемного поля и понятийного поля социологии управления в контексте проблематики статьи.*

Ключевые слова: *алгоритмизированное управление, субъектность, утрата субъектности, субъект-субъектный подход, социоресурсный подход в управлении, социальный капитал, социальные ресурсы, социально ориентированное управление, социоресурсная организация.*

Для цитирования: *Игумнов О.А., Денисова Г.С.* Проблема утраты субъектности в условиях алгоритмизации управления: социоресурсный подход к интерпретации // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 24–37. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-24-37

© Игумнов О.А., Денисова Г.С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE SUBJECTIVITY LOSS PROBLEM IN THE CONTEXT OF MANAGEMENT ALGORITHMIZATION: A SOCIORESOURCE APPROACH TO INTERPRETATION

O.A. Igumnov, G.S. Denisova

Abstract. *The article presents a critical analysis of algorithmic management practices that are actively used in various fields. Based on the identification this type of management specifics it is concluded that algorithmic management based on profiling the subject, in fact, replaces the process of subjectivity reproduction by the process of desubjectification which leads to social relations cyber prosthetics. The authors noted that in the management digitalization context and "artificial sociality" the concept of "subjectivity" itself is evolving, acquiring new forms. The authors contrast the concept of algorithmic management with the concept of the subject-subject approach considered in the context of the socio-resource concept of social management, on the basis of which the social resources of organizations managing are formed, and the organizations themselves become essentially socio-resource. It is concluded that it is necessary to expand the management sociology subject-problem field by including human interaction with "non-human" nature agents issues.*

Keywords: *algorithmized management, subjectivity, loss of subjectivity, subject-subject approach, socio-resource approach in management, social capital, social resources, socially oriented management, socio-resource organization.*

Cite as: Igumnov O.A., Denisova G.S. The subjectivity loss problem in the context of management algorithmization: a socioresource approach to interpretation. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 24–37. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-24-37

Введение

Проблема субъектности в современных условиях находится в фокусе социологии управления несмотря на кажущуюся очевидность ее значимости для социологической науки. В настоящее время актуальность данной проблемы повышается в связи с появлением и развитием новых тенденций в управленческой практике, которые, по нашему мнению, требуют именно социологического осмысления, поскольку проблема субъектности в организациях связана с общими проблемами повышения эффективности социального управления. Одним из аспектов проблемы выступает снижение уровня субъектности членов организации и последующей ее утраты теми, кого в классическом подходе к управлению принято определять «объектами» управления. Указанный процесс обусловлен, по нашему мнению, недостаточной интеграцией идеи субъект-субъектного подхода в процессы управления организациями, которая воспринимается менеджерами как достаточно привлекательная, но бесполезная абстракция.

Проблема субъектности требует осмысления именно на мезоуровне – уровне социальных организаций, в которых индивиды проводят значительную часть активной жизни, приобретая социальный и профессиональный опыт, участвуя в процессах социального воспроизводства. Как показывают данные исследований субъектности в управлении, в ряде организаций она рассматривается как значимая организационная проблема, которая переводится в задачи управленческой практики, направленные на формирование «человекоцентричной» организации. Отметим при этом, что подобный поворот в управлении можно считать скорее больше интуитивным, прагматически определенным, нежели научно обоснованным. Данным обстоятельством, как нам представляется, может быть объяснена сложность интеграции субъект-ориентированных практик в управление организациями.

Другим фактором, осложняющим выход на субъект-субъектное взаимодействие в процессе управления организациями, является переход к алгоритмизированным практикам, в результате которых субъектность подменяется «субъективацией», не предполагающей содержательной обратной связи, что «убивает» самую суть субъектности, выхолащивает социальную природу процесса управления, сводя его к руководству поведением на основе формирования контролируемого «пространства данных» [15, с. 89].

В статье представлен анализ причинно-следственных механизмов утраты субъектности в результате распространения алгоритмизированных практик управления с позиций представления о субъекте как факторе формирования социальных ресурсов управления в контексте социоресурсного подхода к его интерпретации.

Методы

Методологическую основу исследования составляют работы, раскрывающие специфику субъектности как феномена и основы процесса управления организациями, в том числе исследования, проведенные одним из авторов [7], исследования по проблемам субъект-субъектного подхода в управлении, социоресурсного подхода в управлении как основы формирования социоресурсной организации [3; 4]. Приведенная в статье научная аргументация опирается на совокупность теоретических методов исследования (системный анализ и обобщение), а также применение интерпретативного подхода к описанию механизма конкретных управленческих практик и их возможных следствий.

Основное исследование

Использование алгоритмизированных моделей в практике управления рассматривается как неизбежная данность, что сторонниками данных систем объясняется двумя, как минимум, обстоятельствами: а) «упрощением» самого процесса управления (что вряд ли может быть обосновано именно как упрощение, скорее как снижение уровня сложности (данные понятия, в нашем понимании, совсем не тождественны)) и б) спецификой ситуации, при которой формирование и развитие субъектности, et воспроизводство подменяются, по сути, объективацией и десубъективацией [15, с. 91], результатом чего выступает появление слоя подчиненных без конкретного «образа», субъектов без «субъектности», действующих по «сигналам» («аффордам» и «промптам»). Более того, сторонники алгоритмизированного управления с использованием искусственного интеллекта (ИИ) обосновывают необходимость его применения, используя тезис о том, что сам ИИ, представляя собой «пространство

для рефлексии новой субъектности» [21, с. 55], «формирует алгоритм лояльности к человеку». При этом авторы не объясняют причины и необходимость подобной «лояльности» в условиях «новой субъектности».

Использованию указанных моделей в значительной степени способствует ставшее уже классическим понимание управления как «процесса воздействия субъекта на объект для достижения цели субъекта», в рамках которого объект не рассматривается как субъект по определению.

Полагаем целесообразным сущностно определить алгоритмизированное управление, выделив его концептуальные положения, что позволит, по нашему мнению, соотнести данный подход с иными подходами к пониманию социального управления.

Алгоритмизированное управление понимается как: а) форма управления на основе использования инструментов ИИ и технологий блокчейна, с помощью которых формируются цифровые профили тех, кем управляют (в указанном смысле она альтернативна социально упорядоченной и социально регулируемой формам социального управления); б) набор технологических инструментов и методов, предназначенных для сбора данных и наблюдения за работниками, удаленного управления ими с целью автоматического или полуавтоматического принятия значимых решений; в) «власть, основанная на использовании алгоритмов, реализуемая при помощи автоматических средств» [1].

В работах А. Рувруа и Т. Бернса [28], обосновавших концепцию алгоритмизированного управления, описаны несколько его этапов. Первый этап направлен на сбор и хранение данных, при этом участие субъекта в данном процессе минимально, поскольку любые формы преднамеренности заранее исключены, а большинство субъектов сами охотно делятся своими данными в социальных сетях, блогах, влогах и списках рассылок.

На следующем этапе данные представляются как «объективность», о которой много и активно говорят, но чем больше о ней говорят, тем активнее формируется ситуация, которую пропоненты алгоритмического управления А. Рувруа и Т. Бернс определили как «обобщенный цифровой бихевиоризм»: качественно разнообразная реальность трансформируется в консистентные «пиксели» данных, образующих совокупности десемантизированных цифровых корреляций, а сами «пиксельные» совокупности становятся основой алгоритмического профилирования и управления субъектами.

Примечательно, что в данном случае значительный объем данных формирует стойкую убежденность в том, что они не могут быть иными, кроме как реальными (парадоксальный случай, когда «количество» переходит в «качество», представленное «новой реальностью»). Данная «реальность» воспринимается как естественная норма, поскольку не предполагает принуждения, поэтому у субъекта и возражений против подобных практик не возникает, а будущее становится вполне предсказуемым: любые события будут «трансформированы в пиксели» и многократно агрегированы с другими «пиксельными совокупностями», а затем представлены субъекту как данность.

Согласимся с позицией А.А. Сизова, утверждающего, что «сам процесс сбора и анализа данных… и порождаемые ими отношения власти [представляют собой] асимметричные социальные отношения» [18, с. 39], но вместе с тем подчеркнем, что его утверждение о том, что «насильственными могут быть только социальные отношения» не представляется нам бесспорным, тем более что и сам автор

утверждает, что «насильственность определяется не физикой воздействия, но асимметрией влияния индивида со стороны другого индивида» [18, с. 39]. Утверждение сторонников алгоритмизированных практик управления о том, что данный подход не предполагает никакого насилия, не выдерживает критики, поскольку не имеет значения, в какой форме – надзора или наблюдения – осуществляется профилирование субъектов: сам факт алгоритмичности определяет специфику складывающейся в результате данного процесса структуры асимметричных социальных отношений, в рамках которой и возможно насилие (форма проявления которого не влияет на его сущность). Кроме того, любое проявление насилия в процессах управления, в нашем понимании, исключает признание взаимной субъектности его участников

По образному выражению В. Беньямина, «алгоритмическое управление постоянно “перетасовывает карты” гомогенных данных в “пустом и гомогенном времени”» [Цит. по: 10, с. 26], что приводит к «уплощению» мира, понимаемому как мир, лишенный исторического или, в терминологии М. Фуко, «генеалогического» измерения.

Существенной особенностью алгоритмизированных практик является отсутствие у них ориентации на дисциплинарное воздействие на субъекта в любом виде или формирование его сознания: у субъекта больше нет необходимости: а) формулирования самостоятельных суждений (все суждения уже определены, сформулированы и доведены до сведения субъекта), б) принятия решений с учетом неопределенности (поскольку сама возможность неопределенности исключена), в) обсуждения и дискуссий по большинству проблем, так как наличие проблем также не предполагается.

Собственно, уже на этапе сбора данных и их профилирования субъект, понимаемый как объект алгоритмизированного управления, утрачивает субъектность, которая «пикселизируется» посредством многократного комбинирования и перекомбинирования, поэтому объект в данной парадигме управления никогда не сможет стать субъектом. Подобным «объектом» можно управлять без учета его реально существующих субъектных атрибутивов (способности к пониманию, рефлексии и самовыражению, сила воли и т.п.), которые не включаются в модель «объекта». Очевидно, что исключение указанных свойств обусловливает и трансформацию природы социальных отношений: они перестают быть наполненными социальной энергией, порождающей синергизм совместной деятельности и способствующей формированию ощущения «мы» как социальной целостности и основы социальной солидарности. По сути, алгоритмизация приводит к «киберпротезированию» социальных отношений.

Алгоритмизация управления определяет эволюцию субъектности в ее классическом понимании, способствуя формированию признаков «гибридного» субъекта посредством цифровых инструментов коммуникации: а) транскодинг (абсолютно всё переводится в цифровые данные, соотносящиеся с алгоритмами, софтом, а не с существующей культурой), б) программируемость (благодаря программному обеспечению можно серьезно менять установившиеся порядки коммуникации), в) автоматизацию (тренд от творческого процесса в политике, законотворчестве в сторону стандартизации компонентов и функций коммуникации), г) модульность (благодаря алгоритмической природе шаблонов цифровые медиа приобретают схожие признаки модульных систем) и д) вариативность (компоненты цифровых медиа создают множество собственных версий, а не одинаковых копий) [14].

«Гибридизация» субъекта является характерной чертой наметившейся эволюции субъектности в традиционном понимании, которая заключается в том, что она вносит элементы дифференциации в универсальную систему субъект-объектных

отношений. Системным драйвером подобного сдвига объективно выступают цифровизация и генетически связанный с ней цифровой капитализм, обусловливающие новые конфигурации системы социальных отношений и появление новых социальных акторов (прекариат, «неолуддиты», вре́менные «цифровые толпы»).

Другой формой результатов трансформации субъектности выступает так называемая «ложная субъектность», которая, по сути, является гибридной, так как не обладает признаками автономного субъекта-актора, самостоятельно устанавливающего цели своей деятельности и выбирающего ресурсы для их достижения [9, с. 18]. Указанные трансформации субъектности каузально определены закономерностями новой «искусственной» социальности, «существующей в двух модусах – как взаимодействие людей посредством машин и как взаимодействие человека с машинами» [1, с. 48].

Вероятно, появление феномена «искусственной» социальности означает, что пришло время расширить предметно-проблемное поле социологии управления за счет включения в него вопросов взаимодействия человека с агентами «нечеловеческой» природы, которые подменяют привычные социальные отношения. При этом идея авторов ряда публикаций, предлагающих «анализировать такие гибридные (атипичные) явления, процессы и феномены в рамках атипичной социологии, которая будет интересоваться проблемой влияния алгоритмов на социальные отношения, и заниматься реконфигурацией социологического инструментария для анализа несоциальных параметров» [17, с. 10] представляется нам не вполне корректной.

Социология управления как раздел социологической науки ориентирована на исследование социологических аспектов управления независимо от их природы, при этом их атипичность – это лишь новый ракурс проблемы управления, в рамках которой может развиваться новое научное направление. Цифровизация как фактор социального управления формирует алгоритмизированную социотехническую реальность, обусловливающую эволюцию классического субъекта. Очевидно, что задача социологии управления – осмыслить новые реалии управленческой практики с целью исключения (или, по крайней мере, купирования) возможности утраты субъектности большинством участников данного процесса.

Критическая оценка представленного выше «алгоритмизированного» подхода представляется целесообразной с позиций противостоящего ему субъект-субъектного подхода, который мы предлагаем рассматривать в широком смысле понимания субъекта как социального феномена, и в конкретном социолого-управленческом контексте.

С позиций социологии управления основу пропонируемой нами позиции составляет концептуальный подход, в соответствии с которым «социальное управление в организации может быть представлено как определенный тип взаимодействия, складывающегося между двумя субъектами, один из которых в этом взаимодействии находится в позиции субъекта управления» [6, с. 165–166], «субъектная структура» (по определению В.С. Стёпина [23, с. 8], «а второй – в позиции объекта управления» [6, с. 166], которая не исключает, а предполагает его субъектность и партнерский характер взаимодействия. Указанное взаимодействие логично понимать как «сознательно конструируемый и направляемый социокультурный механизм регуляции отношений между участниками совместной деятельности, сочетающий их интересы, организацию и самоорганизацию, формальные и неформальные нормы, достижение продуктивных целей и устойчивости социальных связей» [22, с. 45].

По данным наших исследований, проблема отношений субъекта и объекта в управлении – одна из базовых проблем в социологии управления,

что обусловливается, с одной стороны, ее амбивалентным характером, с другой стороны, неоднозначностью интерпретации указанных концептов в социологической науке. В контексте темы статьи данная проблема актуализирована и спецификой самой дихотомии «субъект-объект», которая в современных условиях рассматривается как демонстрирующая значительное повышение роли индивида как субъекта социальных отношений в организациях и представлением субъектности как его ключевого атрибутива.

Мы исходим из того, что в исследовании своего предмета социология управления опирается на определенную теоретическую модель, которая соответствует универсальным принципам деятельностно-структурной парадигмы, позволяющей рассматривать механизм управления в контексте субъект-объектных отношений. Вместе с тем схемы исследования проблем социологии управления включают не только идеальные модели универсальных принципов управления, основанные как на практике управления, так и на сформировавшемся и социологически осмысленном знании о социальной реальности.

Организация, как система социального управления, основана на отношениях власти и подчинения между субъектом и объектом в рамках управления как единого процесса социальной природы. Целью управленческой деятельности в этом случае является, в традиционном понимании, трансформация объекта управления (как организации, так и работников) с учетом определяющих его функционирование объективных закономерностей. Участниками данного процесса «выступают два диалектически взаимосвязанных в рамках управленческих отношений актора: *субъект управления*, инициирующий управленческое действие на основе управленческих решений и их реализацию, и *объект управления* – элемент организации, воспринимающий управленческое воздействие субъекта и обеспечивающий его выполнение» [6, с. 166].

Результаты проведенных нами исследований показывают, что «в практике управления модели универсальных действий отличаются многократной повторяемостью: субъект управленческой деятельности разрабатывает идеальные конструкции как задачи и схемы их решения, а также средства воздействия на объект, адекватные поставленной задаче. С точки зрения социологии управления, субъект управления вступает с другими субъектами в субъект-объектные (“руководитель – подчиненный”) и субъект-субъектные (“личность – личность”) отношения» [8, с. 325].

В отличие от стереотипного представления об индивиде как объекте управления, в качестве такового социология управления рассматривает и совместную деятельность людей «в процессе достижения ими определенного будущего состояния предмета их деятельности» [19, с. 50].

В указанном выше контексте обоснована и целесообразна дифференциация: «а) субъект-объектных отношений, понимаемых в строго управленческом (классическом) смысле, когда объект управления выступает как часть системы управления, в которой доминирует субъект, а объектом выступает *деятельность* как таковая и ее результаты (производство социально значимого продукта, услуги); б) субъект-субъектных отношений, интерпретируемых в социолого-управленческом контексте как взаимодействие, в рамках которого в роли объекта выступает, по сути, субъект как «*другой*», как партнер по взаимодействию» [2, с. 184–185], в связи с чем объектом управления в широком смысле выступает не только индивид, но и *формирование отношений по поводу деятельности*, что трансформирует и цель управления,

обогащая ее социальной составляющей, представленной в виде нового качества социальных отношений.

Подобные отношения создают условия для формирования и развития агентности, определяемой, в подходе А. Сена, как «способность… ставить цель, выбирать средства ее достижения и достигать ее» [29; 30]. Повышение уровня агентности обусловливает качественно иной уровень возможностей адаптивности каждого работника в организации.

В общетеоретическом смысле универсальность отношений управления обусловлена отношениями зависимости, «благодаря которым один субъект имеет возможность влияния на деятельность других субъектов. Это универсальное отношение субъекта и объекта управленческой практики относится к средствам деятельности (они должны быть достаточными) и к другим условиям их осуществления и может выражаться характером и степенью» [19, с. 49–50].

Предлагаемое нами понимание сущности социальных отношений в организации в рамках субъект-субъектной парадигмы вносит определенный вклад в развитие теоретических аспектов проблемы интерсубъективности, отношения, понимаемого, в подходе А. Шютца, «само собой разумеющимся», принимаемым «без вопросов как данность» [26, с. 82], и трактуемого как теоретическая рамка «для размышлений о том, как люди интерпретируют, организуют и воспроизводят конкретные формы социальной жизни и социального познания» [26, с. 2] в рамках зарождающегося «интерсубъективного поворота» в отдельных отраслях социального знания (см., например: [24]).

В рамках данного «поворота» актором социальных отношений в организации логично выступает «собранный субъект» (М.К. Мамардашвили), то есть субъект, «собранный из того, что остается в нем несобранным и рассеянным во множестве *межчеловеческих отношений*» [16, с. 236] (выделено нами. — *О.И., Г.Д.*), что предполагает «…сосредоточение и координированное держание условий своего собственного воспроизводства и пребывания в качестве актуального состояния» [12, с. 141].

В широком смысле проблема субъекта – это проблема субъективации как «процесса производства субъектов» [15, с. 91], подтверждающего мысль М. Фуко о том, что человек является результатом, продуктом, «самосозидаемым неприродными средствами» [13, с. 16], а не исходной и естественной данностью. Данное представление расширяет понимание процесса управления как социальной практики *формирования субъектов*, в отличие от *управления поведением*, на чем фокусируются алгоритмизированные практики.

По сути, разница в подходах заключается в различных ответах на вопросы: «Что означает управление?», «Управлять *кем* или управлять *как*?». Для алгоритмизированных практик важнее *как управлять*, в то время как для субъект-субъектного подхода приоритетно *кем управлять* (поскольку *«кем»* определяет *«как»*). Разность ответов на одинаковые вопросы обусловливает и сущностные различия в подходах.

Так, в рамках алгоритмизации управления, предложенной А. Рувруа, в основу управления положены алгоритмы, полученные в результате анализа больших данных и основанных на них индивидуальных профайлов [28]. По сути, это управление профилями, паттернами, не людьми, а их «образами», созданными «лояльным к человеку» ИИ. Подобное управление «направлено не на причины, а на следствия… не на формирование качеств, отношений, действий, ситуаций, которые бы благоприятствовали положительному исходу или минимизировали вероятность негативного» [15, с. 95].

Алгоритмизированные практики ориентированы на воздействие на следствия, а не на причины, их определяющие, поэтому они не предполагают ни нормирования, ни формирования взаимодействия между индивидами, ни их субъективации, изначально предполагая лишь нейтрализацию следствий. Очевидным следствием подобного подхода является отсутствие предложения управляемым от управляющих какого-либо образа реальности, управление транслирует только принятые решения. На практике это приводит к десубъективизации, поскольку ведущими становятся не качественные, а количественные параметры, замещающие реальность. Индивидуальные профили не образуют целостность личности, а управление не учитывает реальные способности к пониманию, возможности выражения и воображения, что не предполагает *рефлексивных* (осмысленных, оценочных) действий, которые заменяются действиями *рефлекторными* (непроизвольными, бессознательными, закрепленными на уровне реакций на конкретное воздействие).

По сути, алгоритмизированное управление, обеспечивая руководство поведением, «прекращает» процесс самовоспроизводства субъектов посредством возрастающих смыслов, что ведет к утрате их субъектности. Другим негативным следствием алгоритмизированного управления выступает утрата коммуникативной активности, отражающей специфику субъект-субъектной парадигмы в управлении [11], а также проблема риска алгоритмизации опыта, под которой понимается «утрата персонализированной инаковости, подмена межкультурного диалога отражением собственных установок» [21, с. 62].

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о нарастающе негативном характере воздействия алгоритмизированного управления на степень и уровень субъектности объекта управления. Оптимизм вселяет противоположная алгоритмизации тенденция к «субъектизации» объекта управления, отражающая так называемый «третий сдвиг» в социологии, понимаемый как «формирование обладающего знанием и смыслом актора» [20, с. 52; 25]. Указанный поворот обусловливает изменение самого феномена социального управления, который «предстает как согласованная система действий социальных акторов, поддерживающих и конструктивно изменяющих социальный порядок без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности в контексте данной культурной среды» [22, с. 41].

Наша концептуальная позиция заключается в понимании субъект-субъектного подхода в управлении организациями с позиции социоресурсного подхода, в рамках которого данный подход представляет собой фактор складывания социальных отношений качественно нового типа. Основная идея социоресурсного подхода заключается в том, что в процессе социальных взаимодействий создаются и воспроизводятся социальные ресурсы, обеспечивающие уникальность, перспективы и возможности развития организации. Основной формой социальных ресурсов выступает социальный капитал организации, формирующийся на основе доверия, норм и взаимности, которые создают его основу только при условии обеспечения проявления субъектности всех участников процесса управления и их взаимодействия как социальных партнеров.

Реализация на практике социоресурсного подхода в организации обеспечивает формирование и развитие социоресурсного управления, которое в нашем подходе понимается как «вид социального управления организациями, основанный на целенаправленном взаимодействии субъектов управления в использовании социальных ресурсов (вход) и социальных технологий их преобразования (процесс)

в результаты (выход) для перевода организации в желаемое качественное состояние, обеспечивающее ее устойчивое инновационное функционирование и сбалансированность социально значимых интересов субъектов управления» [7, с. 218]. Организация с подобным типом управления приобретает характер социоресурсной социальной системы, в которой социальные ресурсы in adjecto обеспечивают социальную эффективность и устойчивое инновационное развитие. Практическая ценность подобного типа систем определяется тем, что управление в них осуществляется на основе неманипулируемого интерактивного механизма, устойчивого к целенаправленному искажению любыми агентами сообщаемой информации с целью обеспечения принятия наиболее благоприятных для них решений.

Обратим внимание на проблему, которая пока не находит отражения в публикациях по проблемам социологии управления. Утрата субъектности конкретным индивидом, по нашему мнению, не только в целом негативно сущностно изменяет характер управления организациями, но и продуцирует проблему утрату субъектности организациями. По сути, речь идет об отчуждении работника от организации, что противоречит сложившемуся пониманию корпоративной культуры в рамках субъект-субъектной парадигмы, предполагающему включение индивида в систему управления как действующего актора и партнера. Иными словами, практики алгоритмического управления актуализируют еще и проблему купирования тенденции к дегуманизации управления.

Важность проблемы субъектности работников обусловливает и актуальность проблемы утраты субъектности организаций. Роль организаций как активных субъектов, влияющих на жизнь общества, ведущих при этом относительно независимую от общества жизнь, реализуя собственные цели, возрастает, что не может не учитываться на уровне социума. Утрата субъектности членами организации обедняет жизнь самой организации и приводит к утрате ею уникальности, снижению уровня адаптивности, что ускоряет переход к завершающему этапу ее жизненного цикла. Исследование степени корреляции взаимосвязи уровней субъектности работников и субъектности организации, как нам представляется, составляет актуальную задачу социологии управления.

Выводы

В современных условиях алгоритмизация управления выступает как значимый фактор утраты субъектности участников процесса управления, которая подменяется процессом десубъективации, что обусловливает формирование «искусственной» социальности, «киберпротезирование» социальных отношений и трансформацию субъектности с ее фактической утратой.

Процессу утраты субъектности препятствует интеграция субъект-субъектного подхода в практику управления организациями в рамках социоресурсного подхода, направленного на формирование социальных ресурсов и их использование для повышения социальной эффективности управления и инновационного развития. Тенденция к «субъектизации» объекта направлена на решение задачи «перекрыть» влияние тенденции к утрате субъектности в управлении посредством формирования и реализации парадигмы «субъект-полисубъектная среда», в рамках которой социальные общности (коллективы организаций) представлены не деперсонифицированными конгломератами, а целостностями, образованными множеством субъектов.

Данная парадигма вполне адекватно отражает специфику постнеклассической научной рациональности, которая, акцентируясь на субъект-субъектных отношениях, трансформирует представления о классических субъект-объектных отношениях, формирующихся в «человекоразмерных системах» (В.Е. Лепский). Обоснование категории полисубъектности и ее интеграции в практику, что позволило бы расширить категориальный аппарат социологии управления, по нашему мнению, составляет одну из актуальных задач данного раздела социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40–55. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.04 (дата обращения: 18.12.2025).
2. *Игумнов О.А.* «Капитализация» социального капитала организации как ресурса управления: социологические аспекты // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Казань, РФ, 2 февраля 2023 г.). Уфа: Omega science, 2023. С. 182–191.
3. *Игумнов О.А.* Социальный капитал в управлении организациями: социологические перспективы социоресурсного подхода // Социология. 2025. № 1. С. 105–111. URL: https://doi.org/10.61726/7965.2025.10.49.001 (дата обращения: 18.12.2025).
4. *Игумнов О.А.* Социально ориентированное управление и человекоцентричная организация в контексте субъектизации объекта // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 177–182. URL: https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.1.52062 (дата обращения: 18.12.2025).
5. *Игумнов О.А.* Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды // Социология. 2022. № 3. С. 179–188. URL: https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-3-179-188 (дата обращения: 18.12.2025).
6. *Игумнов О.А., Иванов С.Ю.* Организация как система социального управления: социологический подход // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: LII Международная научно-практическая конференция (г. Пенза, 15 января 2022 г.). 2022. С. 164–174.
7. *Игумнов О.А., Иванов С.Ю.* Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы // Социология. 2022. № 1. С. 215–224. URL: https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-1-215-224 (дата обращения: 18.12.2025).
8. *Игумнов О.А., Мусарский М.М.* Аксиологические аспекты социального капитала как ресурса управления организацией // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 февраля 2023 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. С. 323–327.
9. *Каспэ С.И.* Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 3. С. 6–36. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3(78)-Pages-001-206.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
10. *Кобылин И.* «Подъем переворотом»: история в чрезвычайном положении // Неприкосновенный запас. 2022. № 4 (144). С. 7–27.
11. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 255 с.

12. *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. 352 с.
13. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 433 с.
14. *Манович Л.* Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем, 2018. 400 с. С. 61–85.
15. *Писарев А.А.* Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 89–110.
16. *Подорога В.А.* Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
17. *Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д.* Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. URL: https://doi.org/10.31857/S013216250008489-0 (дата обращения: 18.12.2025).
18. *Сизов А.А.* Надзор и структурное насилие: от Паноптикона к алгоритмам // Социология власти. 2025. № 37 (3). С. 36–60. EDN: HIDJKV.
19. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Канон+: РОИИ «Реабилитация», 2014. – 560 с.
20. *Титаренко Л.Г.* Современная западная социология: реконструкция парадигм: пособие. Минск: БГУ, 2015. 215 с.
21. *Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В., Штомпель Л.А.* Гибридная субъектность в условиях интеллектуализированной урбанистики: к концепции смарт-субъекта // Вопросы философии. 2026. № 2. С. 53–63.
22. *Тихонов А.В.* От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40–45.
23. Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественно-научных знаний. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 5–29.
24. *Шмерлина И.А.* «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 35–39.
25. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.
26. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перев. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
27. *Duranti A.* Husserl, intersubjectivity and anthropology // Anthropological Theory. 2010. Vol. 10. № 1. P. 1-20.
28. *Rouvroy A., Berns T., Carey-Libbrecht L.* Algorithmic governmentality and prospects of emancipation // Réseaux. 2013. № 177 (1). P. 163–196. URL: https://doi.org/10.3917/res.177.0163 (дата обращения: 18.12.2025).
29. *Sen A.* Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures // Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 4. P. 169–221.
30. *Sen A.* Development as freedom. 1st ed., 6th print. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 384 p.

REFERENCES

1. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Osobennosti fenomena sub'ektnosti v usloviyah sovremennyh tekhnologicheskih transformacij // *Polis. Politicheskie issledovaniya.* 2022. № 5. S. 40-55. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.04.

2. Igumnov O.A. “Kapitalizaciya” social’nogo kapitala organizacii kak resursa upravleniya: sociologicheskie aspekty / *O.A. Igumnov // Proryvnye nauchnye issledovaniya: problemy, predely i vozmozhnosti: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Kazan’, RF, 2 fevralya 2023 g.).* Ufa: Omega science, 2023. 218 s. S. 182–191.
3. Igumnov O.A. Social’nyj kapital v upravlenii organizaciyami: sociologicheskie perspektivy socioresursnogo podhoda // *Sociologiya.* 2025. № 1. S. 105–111. 0,4 p.l. DOI: 10.61726/7965.2025.10.49.001.
4. Igumnov O.A. Social’no orientirovannoe upravlenie i chelovekocentrichnaya organizaciya v kontekste sub’ektizacii ob’ekta // *Social’no-gumanitarnye znaniya.* 2025. № 1. S. 177-182. DOI: 10.34823/SGZ.2025.1.52062.
5. Igumnov O.A. Social’nyj kapital kak social’nyj resurs upravleniya rossijskih organizacij v usloviyah izmenyayushchejsya upravlencheskoj sredy // *Sociologiya.* 2022. № 3. S. 179–188. DOI: https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-3-179-188.
6. Igumnov O.A., Ivanov S.YU. Organizaciya kak sistema social’nogo upravleniya: sociologicheskij podhod // *Fundamental’nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual’nye voprosy, dostizheniya i innovacii. LII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 15 yanvarya 2022 goda. g. Penza. 2022.* 202 s. S. 164–174.
7. Igumnov O.A., Ivanov S.YU. Socioresursnyj podhod v social’nom upravlenii: postanovka problemy // *Sociologiya.* 2022. № 1. S. 215–224. DOI: https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-1-215-224.
8. Igumnov, O.A., Musarskij M.M. Aksiologicheskie aspekty social’nogo kapitala kak resursa upravleniya organizaciej // *Sovremennaya nauka: aktual’nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XXIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (g. Penza, 10 fevralya 2023 g.). Penza: MCNS “Nauka i Prosveshchenie”, 2023. 348 s. S. 323–327.
9. Kaspe S.I. Protiv avtonomnogo sub’ekta: kak nel’zya i kak mozhno ispravit’ politicheskuyu formu // *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz.* 2015. № 3. S. 6–36. http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3(78)-Pages-001-206.pdf.
10. Kobylin I. “Pod’yom perevorotom”: istoriya v chrezvychajnom polozhenii // *Neprikosnovennyj zapas*. 2022. № 4(144). S. 7–27.
11. Lepskij V.E. *Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitiya.* M.: Kogito-Centr, 2010. 255 s.
12. Mamardashvili M.K. *Kartezianskie razmyshleniya.* M.: Izdatel’skaya gruppa “Progress”; “Kul’tura”, 1993. 352 s.
13. Mamardashvili M.K. *Neobhodimost’ sebya.* M.: Labirint, 1996. 433 s.
14. Manovich L. *Yazyk novyh media.* M.: Ad Marginem, 2018. S. 61–85.
15. Pisarev A.A. Algoritmicheskoe upravlenie: sub’ektivaciya pod voprosom // *Voprosy filosofii.* 2025. № 10. S. 89–110.
16. Podoroga V.A. Topologiya strasti. Merab Mamardashvili: sovremennost’ filosofii / V.A. Podoroga. *M.: Kanon + ROOI “Reabilitaciya”, 2020. 352 s.*
17. Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. Sociologiya v epohu “iskusstvennoj social’nosti”: poisk novyh osnovanij // *Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 2. S. 3-12. DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250008489-0*
18. Sizov A.A. Nadzor i strukturnoe nasilie: ot Panoptikona k algoritmam // *Sociologiya vlasti. 2025. № 37(3). S. 36–60. EDN: HIDJKV.*
19. Sociologiya upravleniya: fundamental’noe i prikladnoe znanie / Otv. red. A.V. Tihonov. M.: *“Kanon+” ROII “Reabilitaciya”, 2014. 560 s.*

20. Titarenko L.G. *Sovremennaya zapadnaya sociologiya: rekonstrukciya paradigm: posobie* / L.G. Titarenko. Minsk: BGU, 2015. – 215 s.
21. Tihomirova E.G., Dushkin R.V., Shtompel' L.A. Gibridnaya sub'ektnost' v usloviyah intellektualizirovannoj urbanistiki: k koncepcii smart-sub'ekta // *Voprosy filosofii. 2026. № 2. S. 53–63.*
22. Tihonov A.V. Ot sociologii menedzhmenta k sociologii upravleniya // *Sociologicheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 40–45.*
23. Filosofiya upravleniya slozhnost'yu v usloviyah konvergencii sociogumanitarnyh i estestvenno-nauchnyh znanij. Materialy "kruglogo stola" // *Filosofiya nauki i tekhniki.* 2017. T. 22. № 1. S. 5–29.
24. Shmerlina I.A. "Intersub'ektivnost'": stanovlenie social'no-fenomenologicheskogo ponyatiya / I.A. Shmerlina // *Sociologicheskij zhurnal.* 2021. Tom. 27. № 3. S. 35–39.
25. Shtompka P. Formirovanie sociologicheskogo voobrazheniya. Znachenie teorii // *Sociologicheskie issledovaniya.* 2005. № 10. S. 64–72.
26. Shyutc A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii / Sost. A.YA. Alhasov; Per. s angl. A.YA. Alhasova, N.YA. Mazlumyanovoj; Nauch. red. perev. G.S. Batygin. M.: In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2003. 336 s.
27. Duranti A. Husserl, intersubjectivity and anthropology // *Anthropological Theory.* 2010. Vol. 10. № 1. P. 1–20.
28. Rouvroy A., Berns T., Carey-Libbrecht L. Algorithmic governmentality and prospects of emancipation // *Réseaux.* 2013. № 177 (1). P. 163–196. URL: https://doi.org/10.3917/res.177.0163
29. Sen A. Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures // Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 4. P. 169–221.
30. Sen A. Development as freedom. 1st ed., 6th print. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 384 p.

Сведения об авторах / About Authors:

Игумнов Олег Александрович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Igumnov Oleg Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Economic Theory and Management Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков, Южный федеральный университет, e-mail: dgsrostov2013@gmail.com

Denisova Galina Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, National history of the XX-XXI centuries Department, Southern Federal University, e-mail: dgsrostov2013@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2025 / The article was received on 20.12.2025

Статья принята к публикации 29.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025

УДК 316.013
ББК 60.55-422.5
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-38-51

НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О.А. Игумнов

Аннотация. *Статья представляет авторскую позицию по недостаточно исследованному аспекту социального капитала организации – возможным проявлениям его негативных эффектов. Автор, опираясь на значительный пул исследований по проблеме, выдвигает предположение о потенциальных негативных эффектах, обусловленных базовыми свойствами социального капитала и его амбивалентным характером. В частности, представлены гипотетические эффекты социальной эксклюзии, нормативного давления, снижение уровня социальной мобильности и маргинализации, а также авторский подход к их интерпретации с позиций социологии управления. Впервые поставлен вопрос о различиях в проявлении негативных эффектов социального капитала в условиях города и в сельской местности с учетом социокультурного контекста и устоявшихся социологических представлений. В качестве фактора негативизации эффектов социального капитала выделены расширяющаяся практика алгоритмизации управления и тенденция к его цифровизации. Сделан вывод об углублении концепции социального капитала организации за счет теоретического и эмпирического обоснования его возможных негативных эффектов социального капитала. Указанные негативные эффекты представлены в порядке постановки исследовательской проблемы, имеющей выход на практику управления.*

Ключевые слова: *социальный капитал, негативные эффекты социального капитала, когнитивный компонент социального капитала, реляционный компонент социального капитала, социальная эксклюзия, нормативное давление, маргинализация, цифровизация социального капитала, алгоритмизированные практики управления.*

Для цитирования: *Игумнов О.А.* Негативные эффекты социального капитала в управлении организациями: постановка проблемы // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 38–51. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-38-51

© Игумнов О.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SOCIAL CAPITAL NEGATIVE EFFECTS IN ORGANIZATIONS MANAGEMENT: PROBLEM STATEMENT

O.A. Igumnov

Abstract. *The article presents the author's position on the organization's social capital insufficiently researched aspect – its negative effects possible manifestations. The author relying on a significant pool of research on the problem, suggests potential negative effects due to the basic properties of social capital and its ambivalent nature. In particular the hypothetical effects of social exclusion, regulatory pressure, a decrease in social mobility level and marginalization as well as the author's approach to their interpretation from the standpoint of management sociology are presented. For the first time the question of social capital negative effects manifestation differences in urban and rural areas has been raised taking into account the socio-cultural context and established sociological concepts. The growing practice of management algorithmization and the tendency towards its digitalization are highlighted as a factor in the social capital effects negation. The conclusion is made about the deepening of the organization social capital concept due to the theoretical and empirical substantiation of social capital possible negative effects. These negative effects are presented in the order of the research problem formulation which has access to management practice.*

Keywords: *social capital, social capital negative effects, social capital cognitive component, social capital relational component, social exclusion, regulatory pressure, marginalization, social capital digitalization, algorithmic management practices.*

Cite as: Igumnov O.A. Social capital negative effects in organizations management: problem statement. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 38–51. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-38-51

Введение

Актуальность настоящей статьи определяется активным исследованием социального капитала на мезоуровне его применения – в организациях различных сфер национальной экономики. В течение длительного периода в наших исследованиях мы неоднократно обращались к проблеме позитивных эффектов социального капитала, которые были в достаточной степени обоснованы нами в ряде публикаций [1; 2; 4].

Вместе с тем наши исследования показывали, что помимо, несомненно, позитивного влияния социального капитала на организационную и среду и результативность организации, в организационной среде проявляются и негативные характеристики, которые не только не способствуют его формированию и развитию, но и недостаточно осмыслены как менеджерами-практиками, так и специалистами в области социологии управления. Под социальным капиталом организации мы понимаем социальный ресурс управления, представленный структурным, когнитивным и реляционным компонентами, определяющий характер социальных отношений между

субъектами управления, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и их социально значимыми интересами [3, с. 96].

В частности, нами были выявлены и описаны характеристики, негативно характеризующие процесс формирования и развития социального капитала организаций: а) высокий уровень структурной «замкнутости»; б) фрагментарность формирования корпоративной культуры; в) формализм в следовании организационным ценностям и правилам; г) партикуляризм (избирательность применения норм (правил) и следования им); д) статичность социальных связей (низкий уровень развития слабых (горизонтальных) связей; е) низкий уровень (или несформированность) групповой идентичности; ж) значительный объем неформальных информационных потоков; з) низкий уровень социальной солидарности; и) преобладание отношений подчинения над отношениями социально-трудового партнерства.

С целью повышения практической значимости исследования, указанные характеристики были соотнесены с компонентами социального капитала, представленными в его «эталонной» модели (*Таблица 1*), что позволило сделать вывод о преимущественном проявлении негативных характеристик в части когнитивного и реляционного компонентов социального капитала.

Таблица 1

Распределение особенных характеристик среды российских организаций, негативно влияющих на формирование и развитие социального капитала относительно его компонентов (N = 178)

Особенные характеристики	Компонент социального капитала
а) высокий уровень структурной «замкнутости»	структурный
б) фрагментарность формирования корпоративной культуры	когнитивный
в) формализм в следовании организационным ценностям и правилам	когнитивный
г) партикуляризм	когнитивный
д) статичность социальных связей (низкий уровень развития слабых (горизонтальных) связей)	реляционный
е) низкий уровень (или несформированность) групповой идентичности	когнитивный
ж) значительный объем неформальных информационных потоков	когнитивный
з) низкий уровень социальной солидарности трудовых коллективов	реляционный
и) преобладание отношений подчинения над отношениями социально-трудового партнерства	реляционный

Когнитивный компонент социального капитала образован ценностями, нормами, корпоративным тезаурусом, реляционный компонент представлен уровнем доверия, реципрокности, социальной солидарности, организационной идентичности, следования нормам, степенью соблюдения правил.

Полученные результаты позволили сделать вывод о специфике процесса формирования социального капитала организаций как основной формы ее социальных ресурсов управления, который с различной степенью детализации появлялся в различных публикациях. В частности, определена и описана закономерность проявления не только позитивных, но и негативных особенных характеристик социального капитала организаций, что позволило углубить концептуальный подход к его анализу. Далее мы, в порядке постановки проблемы, выскажем свою позицию о возможных негативных эффектах социального капитала, проявляющихся в организациях.

Одновременно было выявлено направление в исследовании социального капитала, о котором упоминают отдельные исследователи, но которое не получило должного уровня осмысления с позиций социологии управления. В частности, речь идет о возможной социальной изоляции и снижении уровня вовлеченности работников, обусловленных нормативным давлением в условиях проявления действия связывающего типа социального капитала, а также амбивалентным характером социального капитала как общественного блага.

Функционируя как универсальное общественное благо, социальный капитал может проявлять свое действие в двух направлениях: а) фасилитируя взаимодействие и координацию посредством плотности сетей, контроля соблюдения норм и правил и б) в этом же качестве он способен проявлять ограничивающее действие, предоставляя привилегии инсайдерам и маргинализируя аутсайдеров, о чем писали отдельные исследователи [14; 22; 31].

На первый взгляд, указанные проявления амбивалентности социального капитала носят гипотетический характер, однако вторая позиция проявляется как коррелирующая с первой при условии, что в организации есть проблема с тем, как персонал воспринимает и соблюдает нормы, правила, а также со степенью идентичностью работников организации. Кроме того, не следует исключать и попытки менеджмента отдельных организаций мобилизовать социальный капитал в качестве инструмента консолидации власти, поддержания привилегий и усиления группового доминирования, что отмечено в работах некоторых исследователей [5; 10; 14; 21; 33].

В качестве потенциально негативного можно рассматривать, по нашему мнению, эффект усиления групповой замкнутости, возникающий как эпифеномен укрепления социальной связности организации. Повышение уровня социальной солидарности логично предполагает повышенный уровень доверия к членам организации, принимающим и соблюдающим ее нормы и правила, что будет определять и возможность усиления групповой замкнутости, поскольку любые работники организации не из своего структурного подразделения будут избирательно включаться в группы и коллективы при условии соблюдения принятых норм. Очевидно, что при их несоблюдении и (или) отсутствии признанных социальных качеств возможны проявления неформального санкционирования.

Полагаем, что данные процессы могут быть структурированы по гендерным либо социально-стратификационным признакам, что обусловит неравный доступ к ресурсам, снижение влияния и мобильности в организации, а также снижение

уровня результативности взаимодействия, на что указывает и ряд авторов публикаций по проблеме [19; 24; 35]. Подобные проявления возможны в организациях, в которых неформальные сети, стиль руководства и общие нормативные ожидания могут маргинализировать мнение меньшинства либо подавлять его. В описанном организационном контексте социальный капитал, возможно, будет способствовать воспроизводству асимметрии власти, поддерживая видимость сплоченности и консенсуса [13; 14; 15].

В контексте расширяющихся процессов цифровизации возможно прогнозировать усиление указанной выше «исключительной» динамики. Практики алгоритмизированного управления, основанные на профилировании каждого работника, активное применение цифровых инструментов объективно направлены на усиление избирательного воздействия на основе анализа нормативного соответствия и социальной кластеризации. По сути, предпринимаются попытки сформировать цифровой социальный капитал, автономно воспроизводящий социальное неравенство и новые форм ингрупповой изоляции, что для отдельных субъектов будет означать превращение ингруппы в аутгруппу либо маргинализацию собственного статуса в группе [17; 18; 29; 35].

Совокупность описанных выше эффектов в определенном смысле составляет вызов традиции гражданского участия Р. Патнэма, которая, в общем смысле, подчеркивает значимость доверия и коллективные выгоды социального капитала, но недооценивает (либо не учитывает) развитие властных отношений и возможность социального «исключения» (изоляции) [9; 22; 36].

В подходе П. Бурдье предложена более критическая перспектива, поскольку социальный капитал концептуализируется как ресурс, «встроенный» в процессы реализации властных функций, что позволяет «воспроизводить» привилегированные статусы посредством «закрытия» сети, привычек и символических границ [5; 27; 30; 32].

В рамках сложившегося теоретического ландшафта нормативное давление, вероятно, становится ключевым механизмом, требующим интерпретации связи социального капитала с социальной эксклюзией и проблемой возможной маргинализации. Данный аспект, как полагают исследователи, следует дополнить аспектом ожидания лояльности и соответствия требованиям организации, порождаемым плотностью социальной сети, что сдерживает «инакомыслие и критическое участие, часто посредством интернализованных и аффективных процессов, которые делают исключение незаметным и трудным для оспаривания» [7; 16; 23; 34].

Указанные предположения определяются не только теоретическими, но и эмпирическими лакунами, поскольку исследований, в которых комплексно рассматривалась бы проблема взаимосвязи социального капитала, социального исключения (изоляции) и нормативного давления в организациях, явно недостаточно. Данное обстоятельство обусловливает и необходимость уточнения отдельных теоретических положений концепции социального капитала организации.

Социальный капитал организации традиционно рассматривается как ее коллективный ресурс, способствующий укреплению доверия, повышению социальной сплоченности, развитию сотрудничества и вовлеченности персонала. Классические подходы подчеркивают его роль в развитии демократии и гражданского участия.

Типологизация социального капитала организаций предполагает наличие двух его типов: «соединяющего (связывающего)» (“*bridging*”), предполагающего взаимодействие с членами других социальных групп, и «объединяющего» (“*bonding*”), характеризующего взаимодействие внутри структурного подразделения. Различия между указанными типами социального капитала являются принципиальными для понимания разности эффектов порождаемых ими социальных сетей. Объединяющий тип социального капитала укрепляет солидарность внутри однородных групп, в то время как соединяющий тип связывает индивидов, принадлежащих к различным социальным группам. Тесные социальные связи повышают устойчивость в условиях отсутствия безопасности, но и предполагают строгое соблюдением норм и определенную степень закрытости группы.

Одной из характеристик социального капитала, отмечаемой большинством исследователей, выступает его амбивалентность, проявляющаяся, с одной стороны, в координации и укреплении социальной связности, а с другой стороны – в элементах отчуждения и социальной эксклюзии (изоляции), санкциях за несоответствие и критику.

Социальная изоляция представляет собой ключевой механизм, посредством которого проявляется один из возможных негативных эффектов социального капитала. Изоляция возникает, когда доступ к социальным сетям, ресурсам и процессам принятия решений обусловлен соответствием доминирующим в организации нормам или неформальной статусной иерархии. Плотность сети способствует изоляции за счет неформальных санкций и быстрого распространения репутационной информации, что делает любую девиацию социально дорогостоящей (затратной) [10; 14; 21].

Нормативное давление как эффект социального капитала представляет собой интересный в теоретическом и практическом отношениях, но недостаточно изученный механизм связи возможной эксклюзии с подавлением уровня участия членов организации. Прочные социальные связи порождают ожидания лояльности и конформизма, которые ограничивают возможность индивидов выражать несогласие или критически относиться к происходящему [7; 16; 34]. Теории социальной идентичности и самокатегоризации объясняют, как усвоенные групповые нормы и внутригрупповой фаворитизм усиливают это давление, особенно в сплоченных сообществах, в которых эмоциональная привязанность увеличивает издержки несоответствия. В результате сообщества, характеризующиеся высоким уровнем социального капитала, могут одновременно демонстрировать низкий уровень критического участия [11; 12; 21; 28].

По нашему мнению, можно предположить, что эффект нормативного давления будет проявляться не столько как прямое следствие социальной эксклюзии, сколько как контекстуальное ограничение, заложенное в социальной среде, где ожидания соответствия, неформальные санкции и вероятность социальной эксклюзии ограничивают готовность граждан к критическому взаимодействию. При этом сам факт нормативного давления не представляется нам уникальным: в любой организации формирование ее культуры, ценностей, традиций, ритуалов и норм требует их принятия и следования им всеми членами организации, так и в случае с социальным капиталом принятие основных его положений и следование им является непременным условием членства в организации. Вопрос будет заключаться во внутренней готовности работников, которая

формируется несинхронизированно, а также в форме предъявления и контроля исполнения базовых положений социального капитала. Немаловажно и создание соответствующей организационной среды, способствующей социальной инклюзии на основе принятия ценностей, норм, положений организационной идентичности. Очевидно, что неприятие указанных положений может создать ситуацию выбора для работника, либо возникнет ситуация отчуждения работника от жизни организации. Решение подобных задач – своеобразный вызов для менеджмента организаций.

Вместе с тем проявление негативного эффекта социального капитала в виде нормативного давления не представляется нам непреодолимым препятствием для формирования социального капитала при соблюдении двух, как минимум, условий: а) целенаправленная работа по интеграции социального капитала и его компонентов в систему управления и б) кропотливая работа по разъяснению основных идей социального капитала, поддержание норм взаимности, доверия и универсализма.

В процессе исследования проблем формирования социального капитала организаций нам не встретились публикации, в которых были бы рассмотрены различия между формированием социального капитала в городских и сельских организациях. Нами проведены исследования на материалах более 400 российских организаций, представляющих в том числе и организации сельского хозяйства, функционирующие, как правило, в сельской местности. Исследование не выявило особой специфики социального капитала в организациях данного типа, так же как и особых его позитивных эффектов, что, по нашему мнению, дает основание рассматривать сам социальный капитал как универсальный концепт, встраивающийся в социальные организации безотносительно к их отраслевой специфике.

Вместе с тем в контексте тематики статьи нам представляется целесообразным изучение проявлений негативных эффектов социального капитала в организациях различных отраслей и различной локации (город, сельская местность), что в условиях РФ имеет существенное значение в силу преобладания сельских территорий в структуре расселения. Наша гипотеза предполагает, что проявления негативных эффектов социального капитала будут различаться в зависимости от социального контекста города и сельской местности в силу социокультурных и традиционных различий.

В частности, контекстуальные различия отражают устоявшиеся социологические представления о том, что сельские общины, как правило, демонстрируют более прочные связи, более высокую социальную значимость и более сильное давление конформизма, что, по мнению ряда исследователей, усиливает подавляющий эффект нормативных ожиданий [6; 20; 25], облегчает выявление отклонений от предпочитаемых норм и наказание за несоответствие им. Напротив, в условиях города, характеризующихся большей социальной неоднородностью и анонимностью, по-видимому, механизм нормативного давления может быть ослаблен.

Проблема негативизации эффектов социального капитала усугубляется его активной цифровизацией, продуцирующей тем самым новые формы социальной эксклюзии. Алгоритмизация процесса управления, профилируя каждого члена организации, усиливает гомофилию и избирательно усиливает воспроизводимое неравенство в автономном режиме [17; 18; 29]. Гендерные и классовые

исключения особенно заметны, когда женщины и маргинализированные гендерные группы сталкиваются с непропорциональным замалчиванием из-за притеснений и модерации контента, в то время как алгоритмическое сопровождение управления ограничивает возможности субъект-субъектного взаимодействия. «Цифровизация» социального капитала структурирует властные отношения технологически и социально, ограничивая возможности любой критики способами, аналогичными исключению из офлайна [8; 26]. Таким образом, негативные эффекты социального капитала могут проявляться как в физическом, так и в цифровом пространстве, усиливая социальное отчуждение посредством различных, но структурно схожих механизмов.

Исследование и эмпирическая проверка сформулированных выше предположений, по нашему мнению, будут способствовать существенному углублению концепции социального капитала организации, развитию ее понятийной матрицы и повышению практической направленности в части купирования проявлений негативных эффектов социального капитала. Очевидно, что решение данной научной задачи потребует и разработки соответствующего социологического инструментария и методик его обработки.

Полагаем, что значительное внимание следует уделить влиянию цифровых технологий и офлайн-технологий в связи с повышением давления алгоритмизированных практик управления на формирование социального капитала, в частности, перевод его в «цифровую» форму.

Выводы

Социальный капитал организации рассматривается в теории и практике управления как ресурс управления, обладающий несомненно положительными эффектами, обоснованными в ряде исследований. Вместе с тем амбивалентная природа социального капитала позволяет поставить вопрос о наличии и формах проявления возможных негативных эффектов социального капитала в организациях. В частности, выделены: социальная эксклюзия, нормативное давление и маргинализация отдельных членов коллектива, а также снижение уровня социальной мобильности в организации. Выявление и систематизация возможных негативных эффектов социального капитала имеет значимый научный характер, обогащая концепцию социального капитала организации и формируя основу для практических рекомендаций по совершенствованию практики его формирования и развития в организациях.

Обращено внимание на проблему цифровизации социального капитала в условиях алгоритмизации процессов управления, которые усиливают негативизацию эффектов социального капитала. Решение указанной проблемы позволит преодолеть последствия возможного отчуждения работника и организации в процессе управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Игумнов О.А.* Источники и организационно-управленческие эффекты социального капитала: противоречивость подходов к исследованию // Тенденции и проблемы современной науки: сборник статей IV Международной научно-практической конференции (18 августа 2025 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2025. 200 с.: ил., табл. С. 113–128. URL: https://doi.org/10.61726/9855.2025.66.63.001 (дата обращения: 18.12.2025).

2. *Игумнов О.А.* Организационные эффекты социального капитала // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 203–216. URL: https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.1.51527 (дата обращения: 18.12.2025).
3. *Игумнов О.А.* Социальный капитал в социологическом дискурсе: теоретические аспекты и управленческий контекст: монография. Саратов: КубиК, 2020. 250 с.
4. *Игумнов О.А., Платонова Е.Д., Мусарский М.М.* Социальный капитал: свойства, функции, эффекты в экономике знаний // Современное социально-гуманитарное образование: векторы развития в год науки и технологий: материалы VI Международной конференции (г. Москва, МПГУ, 22–23 апреля 2021 г.) / под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2021. С. 12–22. URL: https://doi.org/10.37492/ETNO.2021.60.80.001 (дата обращения: 18.12.2025).
5. *Atkinson R.G.* The Flowing Enclave and the Misanthropy of Networked Affluence // Networked Urbanism: Social Capital in the City. Taylor and Francis, 2016. Pp. 41–58. URL: https://www.researchgate.net/publication/280085821_The_flowing_enclave_and_the_misanthropy_of_networked_affluence (дата обращения: 18.12.2025).
6. *Balgah R.A., Vubo E.Y., Neba S.E.* Do Conflicts Influence the Accumulation of Bonding, Bridging, and Linking Social Capital? Insights From Cameroon // Canadian Review of Sociology. 2025. Vol. 62. № 2. P. 176–187. URL: https://doi.org/10.1111/cars.70003 (дата обращения: 18.12.2025).
7. *Butratana K., Trupp A.* The Dual Nature of Social Capital: Support and Exclusion Among Thai Marriage Migrants in Austria // Mitteilungen Der Osterreichischen Geographischen Gesellschaft. (2024). Vol. 166. P. 181–206. URL: https://doi.org/10.1553/moegg166-105 (дата обращения: 18.12.2025).
8. *Chaparro-Medina P.M., Cervantes Hernández R.* The Identity Construction of Young People from Gender and Sexual Diversity in Digital Social Networks: Claiming Performative Practices // Revista Latina de Comunicacion Social. 2025. Vol. 83. URL: https://doi.org/10.4185/rlcs-2025-2311 (дата обращения: 18.12.2025).
9. *DeFilippis J.* The Myth of Social Capital in Community Development // Housing Policy Debate. 2001. Vol. 12. № 4. P. 781–806. URL: https://doi.org/10.1080/10511482.2001.9521429 (дата обращения: 18.12.2025).
10. *Gosling V.K.* "I've Always Managed, That's What We Do": Social Capital and Women's Experiences of Social Exclusion // Sociological Research Online. 2008. Vol. 13. № 1–2. P. 1–14. URL: https://doi.org/10.5153/sro.1613 (дата обращения: 18.12.2025).
11. *Haslam S.A., Reicher S.D.* Self-Categorization Theory // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition. Elsevier Inc., 2015. P. 455–459. URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.24087-7 (дата обращения: 18.12.2025).
12. *Haslam S.A., Eggins R.A., Reynolds K.J.* The ASPIRe Model: Actualizing Social and Personal Identity Resources to Enhance Organizational Outcomes // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2003. Vol. 76. № 1. P. 83–113. URL: https://doi.org/10.1348/096317903321208907 (дата обращения: 18.12.2025).
13. *Hofbauer J.* Social Homogeneity and Cultural Hegemony: Exclusion and Organization from a Bourdieusian Perspective // Feministische Studien. 2011. Vol. 29. № 1. P. 25–39. URL: https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-79956161667&partnerID=40&md5=633611c917e33a28ec089ee50f3a4c2c (дата обращения: 18.12.2025).
14. *Holland-Smith D.* Social Capital, Social Media and Gender Class Reproduction: Women, Subcultures and the Changing Patterns of Participation in Climbing // Sport in Society. 2016. Vol. 20. № 9. P. 1–17. URL: https://www.researchgate.net/publication/311809197_Social_capital_social_media_and_the_changing_patterns_of_participation_in_climbing (дата обращения: 18.12.2025).

15. *Horiuchi S.* Affiliative Segregation of Outsiders from a Community: Bonding and Bridging Social Capital in Hachimori-cho, Japan // International Journal of Japanese Sociology. 2008. Vol. 17. № 1. P. 91–100. URL: https://doi.org/10.1111/j.1475-6781.2008.00111.x (дата обращения: 18.12.2025).
16. *Huvila I., Ek S., Widén G.* Information Sharing and the Dimensions of Social Capital in Second Life // Journal of Information Science. 2014. Vol. 40. № 2. P. 237–248. URL: https://doi.org/10.1177/0165551513516711 (дата обращения: 18.12.2025).
17. *Leif S., Exner N., Gofman Fishman A.* Exploring Gender Nonbinary Experiences Through the Lens of the 7th HCI Grand Challenge: Reactions to the Categorization of Nonbinary Users in AI-Generated Online Advertising Profiles // Communications in Computer and Information Science / S. C., A. M., N. S., & S. G. (Eds.). Springer Science and Business Media Deutschland GmbH, 2023. Vol. 1832 CCIS. P. 463–470. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-35989-7_59 (дата обращения: 18.12.2025).
18. *Li Z., Samsurijan M.S.* Impact of Social Media Platforms on the Construction of Social Networks among the Middle Class // Edelweiss Applied Science and Technology. 2025. Vol. 9. № 3. P. 2285–2299. URL: https://doi.org/10.55214/25768484.v9i3.5783 (дата обращения: 18.12.2025).
19. *McDonald S.* What's in the "Old Boys" Network? Accessing Social Capital in Gendered and Racialized Networks // Social Networks. 2011. Vol. 33. № 4. P. 317–330. URL: https://doi.org/10.1016/j.socnet.2011.10.002 (дата обращения: 18.12.2025).
20. *Menahem G., Doron G., Haim, D.I.* Bonding and Bridging Associational Social Capital and the Financial Performance of Local Authorities in Israel // Public Management Review. 2011. Vol. 13. № 5. P. 659–681. URL: https://doi.org/10.1080/14719037.2010.532962 (дата обращения: 18.12.2025).
21. *Metz I., Stamper C.L., Ng E.* Feeling Included and Excluded in Organizations: The Role of Human and Social Capital // Journal of Business Research. 2022. Vol. 142. P. 122–137. URL: https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.12.045 (дата обращения: 18.12.2025).
22. *Morrow V.* Young People's Explanations and Experiences of Social Exclusion: Retrieving Bourdieu's Concept of Social Capital // International Journal of Sociology and Social Policy, (2001). Vol. 21. № 4-5-6. P. 37–63. URL: https://doi.org/10.1108/01443330110789439 (дата обращения: 18.12.2025).
23. *Patulny R., Siminski P., Mendolia S.* The Front Line of Social Capital Creation – A Natural Experiment in Symbolic Interaction // Social Science and Medicine. 2015. Vol. 125. P. 8–18. URL: https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.04.026 (дата обращения: 18.12.2025).
24. *Pena-López A., Rungo P., Cobo-Arroyo P.* Women in "Old Boys" Networks? Social Class and Gender Gaps in Individual Social Capital in Spain // Social Science Quarterly. 2024. Vol. 105. № (7). P. 2190–2207. URL: https://doi.org/10.1111/ssqu.13464 (дата обращения: 18.12.2025).
25. *Petrikova I.* The Effects of Local-Level Economic Inequality on Social Capital: Evidence from Andhra Pradesh, India // European Journal of Development Research. 2022. Vol. 34. № (6). P. 2850–2877. URL: https://doi.org/10.1057/s41287-021-00495-w (дата обращения: 18.12.2025).
26. *Pizzimenti D.M., Penna A.* Excluded. A Digital Ethnographic Investigation on the Femcel Community // Italian Sociological Review. 2024. Vol. 14. № 10. P. 765–786. URL: https://doi.org/10.13136/isr.v14i10S.729 (дата обращения: 18.12.2025).
27. *Rampersad R.* "Racialised Facilitative Capital" and the Paving of Differential Paths to Achievement of Afro-Trinidadian Boys // British Journal of Sociology of Education. 2014. Vol. 35. № 1. P. 73–93. URL: https://doi.org/10.1080/01425692.2012.740814 (дата обращения: 18.12.2025).

28. *Reicher S.* The Context of Social Identity: Domination, Resistance, and Change // Political Psychology. 2004. Vol. 25. № 6. P. 921–945. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2004.00403.x (дата обращения: 18.12.2025).
29. *Sáez-Linero C., Jiménez-Morales M.* Young, Lower-class, and Algorithmically Persuaded: Exploring Personalized Advertising and its Impact on Social Inequality // Communication and Society. 2025. Vol. 38. № 2. P. 63–80. URL: https://doi.org/10.15581/003.38.2.005 (дата обращения: 18.12.2025).
30. *Sapiro G.* Bourdieu, Pierre (1930–2002) // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition. Elsevier Inc., 2015. P. 777–783. URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.61167-4 (дата обращения: 18.12.2025).
31. *Strindlund L., Abrandt Dahlgren M., Ståhl C.* When Cooperation Turns Ugly: Exploring the Dark Side of Social Capital // Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal. 2022. Vol. 17. № 5. P. 1–18. URL: https://doi.org/10.1108/QROM-01-2020-1884 (дата обращения: 18.12.2025).
32. *Swain N.* Social Capital and its Uses // Archives Europeennes de Sociologie. 2003. Vol. 44. № 2. P. 185–212. URL: https://doi.org/10.1017/S0003975603001243 (дата обращения: 18.12.2025).
33. *Tetzlaff J., Rothe-Wulf A.* Barriers to Belonging: Influences of Social Exclusion beyond Group Relations // Current Psychology. 2025. Vol. 44. P. 17751–17758. URL: https://doi.org/10.1007/s12144-025-08409-3 (дата обращения: 18.12.2025).
34. *van Deth J.W., Edwards B., Bădescu G., Moldavanova A., Woolcock M.* Associations and Social Capital // The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. London: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 1. P. 178–197. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_7 (дата обращения: 18.12.2025).
35. *Wagner K.G., Carlson C.R.* Abused and Silenced: How Free Speech and Online Platforms Fail Women // In Handbook on Gender and Digital Media. Edward Elgar Publishing Ltd., 2025. P. 243–255. URL: https://doi.org/10.4337/9781035313570.00030 (дата обращения: 18.12.2025).
36. *Wood R.L.* Social Capital and Political Culture: God Meets Politics in the Inner City // American Behavioral Scientist. 1997. Vol. 5. P. 595–605. URL: https://doi.org/10.1177/0002764297040005006 (дата обращения: 18.12.2025).

REFERENCES

1. Igumnov O.A. Istochniki i organizacionno-upravlencheskie effekty social'nogo kapitala: protivorechivost' podhodov k issledovaniyu // Tendencii i problemy sovremennoj nauki: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (18 avgusta 2025 g.). Petrozavodsk: MCNP "Novaya nauka", 2025. 200 s.: il., tabl. S. 113–128. DOI: 10.61726/9855.2025.66.63.001.
2. Igumnov O.A. Organizacionnye effekty social'nogo kapitala // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2021. № 1. S. 203–216. DOI: https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.1.51527
3. Igumnov O.A. Social'nyj kapital v sociologicheskom diskurse: teoreticheskie aspekty i upravlencheskij kontekst: monografiya / O. A. Igumnov. Saratov: Izdatel'stvo "KubiK", 2020. 250 s.
4. Igumnov O.A., Platonova E.D., Musarskij M.M. Social'nyj kapital: svojstva, funkcii, effekty v ekonomike znanij // Sovremennoe social'no-gumanitarnoe obrazovanie: vektory razvitiya v god nauki i tekhnologij: materialy VI mezhdunarodnoj konferencii, g. Moskva, MPGU, 22-23 aprelya 2021 g. / pod obshch. red. M.M. Musarskogo, E.A. Omel'chenko, A.A. SHevcovoj. [Elektronnoe izdanie setevogo rasprostraneniya]. Moskva: MPGU, 2021. 732 s. S. 12–22. DOI: https://doi.org/10.37492/ETNO.2021.60.80.001.

5. Atkinson, R. G. (2016). The Flowing Enclave and the Misanthropy of Networked Affluence. In *Networked Urbanism: Social Capital in the City* (pp. 41–58). Taylor and Francis. https://www.researchgate.net/publication/280085821_The_flowing_enclave_and_the_misanthropy_of_networked_affluence.
6. Balgah, R. A., Vubo, E. Y., & Neba, S. E. (2025). Do Conflicts Influence the Accumulation of Bonding, Bridging, and Linking Social Capital? Insights From Cameroon. *Canadian Review of Sociology*, *62*(2), 176–187. https://doi.org/10.1111/cars.70003.
7. Butratana, K., & Trupp, A. (2024). The Dual Nature of Social Capital: Support and Exclusion Among Thai Marriage Migrants in Austria. *Mitteilungen Der Osterreichischen Geographischen Gesellschaft*, *166*, 181–206. https://doi.org/10.1553/moegg166-105.
8. Chaparro-Medina, P. M., & Cervantes Hernández, R. (2025). The identity construction of young people from gender and sexual diversity in digital social networks: claiming performative practices. *Revista Latina de Comunicacion Social*, *2025*(83). https://doi.org/10.4185/rlcs-2025-2311.
9. DeFilippis, J. (2001). The myth of social capital in community development. *Housing Policy Debate*, *12*(4), 781–806. https://doi.org/10.1080/10511482.2001.9521429.
10. Gosling, V.K. (2008). "I've always managed, that's what we do": Social capital and women's experiences of social exclusion. *Sociological Research Online*, *13*(1–2), 1–14. https://doi.org/10.5153/sro.1613.
11. Haslam, S.A., & Reicher, S.D. (2015). Self-Categorization Theory. In *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition* (pp. 455–459). Elsevier Inc. https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.24087-7.
12. Haslam, S.A., Eggins, R.A., & Reynolds, K.J. (2003). The ASPIRe model: Actualizing social and personal identity resources to enhance organizational outcomes. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, *76*(1), 83–113. https://doi.org/10.1348/096317903321208907.
13. Hofbauer, J. (2011). Social homogeneity and cultural hegemony: Exclusion and organization from a bourdieusian perspective. *Feministische Studien*, *29*(1), 25–39. https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-79956161667&partnerID=40&md5=633611c917e33a28ec089ee50f3a4c2c.
14. Holland-Smith, D. (2016). Social capital, social media and gender class reproduction: Women, subcultures and the changing patterns of participation in climbing // *Sport in Society*, *20*(9), 1–17. https://www.researchgate.net/publication/311809197_Social_capital_social_media_and_the_changing_patterns_of_participation_in_climbing
15. Horiuchi, S. (2008). Affiliative Segregation of Outsiders from a Community: Bonding and Bridging Social Capital in Hachimori-cho, Japan. *International Journal of Japanese Sociology*, *17*(1), 91–100. https://doi.org/10.1111/j.1475-6781.2008.00111.x.
16. Huvila, I., Ek, S., & Widén, G. (2014). Information sharing and the dimensions of social capital in Second Life. *Journal of Information Science*, *40*(2), 237–248. https://doi.org/10.1177/0165551513516711.
17. Leif, S., Exner, N., & Gofman Fishman, A. (2023). Exploring Gender Nonbinary Experiences Through the Lens of the 7th HCI Grand Challenge: Reactions to the Categorization of Nonbinary Users in AI-Generated Online Advertising Profiles // S. C., A. M., N. S., & S. G. (Eds.), *Communications in Computer and Information Science: Vol. 1832 CCIS* (pp. 46–470). Springer Science and Business Media Deutschland GmbH. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35989-7_59.
18. Li, Z., & Samsurijan, M. S. (2025). Impact of social media platforms on the construction of social networks among the middle class. *Edelweiss Applied Science and Technology*, *9*(3), 2285-2299. https://doi.org/10.55214/25768484.v9i3.5783.

19. McDonald, S. (2011). What's in the "old boys" network? Accessing social capital in gendered and racialized networks. *Social Networks*, *33*(4), 317-330. https://doi.org/10.1016/j.socnet.2011.10.002.
20. Menahem, G., Doron, G., & Haim, D. I. (2011). Bonding and bridging associational social capital and the financial performance of local authorities in israel. *Public Management Review*, *13*(5), 659–681. https://doi.org/10.1080/14719037.2010.532962.
21. Metz, I., Stamper, C. L., & Ng, E. (2022). Feeling included and excluded in organizations: The role of human and social capital. *Journal of Business Research*, *142*, 122–137. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.12.045.
22. Morrow, V. (2001). Young people's explanations and experiences of social exclusion: Retrieving Bourdieu's concept of social capital // *International Journal of Sociology and Social Policy*, *21*, 37–63. https://doi.org/10.1108/01443330110789439.
23. Patulny, R., Siminski, P., & Mendolia, S. (2015). The front line of social capital creation – A natural experiment in symbolic interaction. *Social Science and Medicine*, *125*, 8–18. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.04.026.
24. Pena-López, A., Rungo, P., & Cobo-Arroyo, P. (2024). Women in "old boys" networks? Social class and gender gaps in individual social capital in Spain. *Social Science Quarterly*, *105*(7), 2190–2207. https://doi.org/10.1111/ssqu.13464.
25. Petrikova, I. (2022). The Effects of Local-Level Economic Inequality on Social Capital: Evidence from Andhra Pradesh, India. *European Journal of Development Research*, *34*(6), 2850–2877. https://doi.org/10.1057/s41287-021-00495-w.
26. Pizzimenti, D. M., & Penna, A. (2024). Excluded. A Digital Ethnographic Investigation on the Femcel Community. *Italian Sociological Review*, *14*(10), 765–786. https://doi.org/10.13136/isr.v14i10S.729
27. Rampersad, R. (2014). "Racialised facilitative capital" and the paving of differential paths to achievement of Afro-Trinidadian boys. *British Journal of Sociology of Education*, *35*(1), 73–93. https://doi.org/10.1080/01425692.2012.740814.
28. Reicher, S. (2004). The context of social identity: Domination, resistance, and change. *Political Psychology*, *25*(6), 921–945. https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2004.00403.x.
29. Sáez-Linero, C., & Jiménez-Morales, M. (2025). Young, lower-class, and algorithmically persuaded: exploring personalized advertising and its impact on social inequality. *Communication and Society*, *38*(2), 63-80. https://doi.org/10.15581/003.38.2.005.
30. Sapiro, G. (2015). Bourdieu, Pierre (1930-2002). In *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition* (pp. 777–783). Elsevier Inc. https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.61167-4.
31. Strindlund, L., Abrandt Dahlgren, M., & Ståhl, C. (2022). When cooperation turns ugly: exploring the dark side of social capital // *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, *17*(5), 1–18. https://doi.org/10.1108/QROM-01-2020-1884.
32. Swain, N. (2003). Social capital and its uses. *Archives Europeennes de Sociologie*, *44*(2), 185–212. https://doi.org/10.1017/S0003975603001243.
33. Tetzlaff, J., & Rothe-Wulf, A. (2025). Barriers to belonging: influences of social exclusion beyond group relations. *Current Psychology*, *44*(22), 17751–17758. https://doi.org/10.1007/s12144-025-08409-3.
34. van Deth, J. W., Edwards, B., Bădescu, G., Moldavanova, A., & Woolcock, M. (2017). Associations and social capital. In *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations* (Vol. 1, pp. 178–197). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_7.

35. Wagner, K. G., & Carlson, C. R. (2025). Abused and silenced: how free speech and online platforms fail women. In *Handbook on Gender and Digital Media* (pp. 243–255). Edward Elgar Publishing Ltd. https://doi.org/10.4337/9781035313570.00030.

36. Wood, R. L. (1997). Social capital and political culture: God meets politics in the inner city. *American Behavioral Scientist*, *5*, 595–605. https://doi.org/10.1177/0002764297040005006

Сведения об авторе / About Author:

Игумнов Олег Александрович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Igumnov Oleg Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Economic Theory and Management Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 20.12.2025 / The article was received on 20.12.2025

Статья принята к публикации 29.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025

УДК 339.9
ББК 65.5-65
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-52-64

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПЛАТФОРМЫ БРИКС: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РИСКИ

Е.Д. Платонова, Б.А. Базиев

Аннотация. *Дальнейшее развитие стран БРИКС настоятельно требует значительных инвестиций в инновационные сферы экономики, модернизацию основного капитала и создание новой международной логистической инфраструктуры. В статье раскрыто содержание онлайн-инвестиционных платформ, показаны основные направления формирования нового международного финансового института – Новой инвестиционной платформы стран БРИКС. Авторы делают вывод о том, что данный институт востребован странами БРИКС и проделана значительная работа для его формирования. Однако геополитические риски негативно влияют на мировую финансово-валютную сферу, создавая дополнительные риски для стран – участниц БРИКС.*

Ключевые слова: *БРИКС, инвестиции, мировая экономическая система, финансовый институт, инвестиционная платформа, риски.*

Для цитирования: *Платонова Е.Д., Базиев Б.А.* Формирование новой инвестиционной платформы БРИКС: основные направления и риски // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 52–64. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-52-64

SETTING UP A NEW INVESTMENT PLATFORM FOR THE BRICS COUNTRIES: MAIN DIRECTIONS AND RISKS

E.D. Platonova, B.A. Baziev

Abstract. *The further development of the BRICS countries requires significant investments in the innovative sectors of the economy, the modernization of fixed capital, and logistics infrastructure. The article reveals the content of online investment platforms.*

© Платонова Е.Д., Базиев Б.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The article outlines the main directions for the formation of a relatively new international financial institution – a new investment platform for the BRICS countries. The authors have concluded that this institution is in demand among the BRICS countries. The significant work has been done to establish and develop this institute. However, the geopolitical risks have a negative impact on the global financial and currency sector, creating additional risks for the BRICS countries.

***Keywords*:** *BRICS, investment, global economic system, financial institution, investment platform, risks.*

Cite as: Platonova E.D., Baziev B.A. Setting up a new investment platform for the BRICS countries: main directions and risks. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 52–64. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-52-64

Введение

В условиях глубокой технологической трансформации, которую переживает мировая экономика, многократно возрастает потребность в инвестициях в инновационные сферы экономики, модернизацию основного капитала и логистической инфраструктуры всех стран БРИКС. Данная потребность усиливается геополитической конфронтацией между агрегированным Западом и странами Глобального Юга, нестабильностью мировых финансовых рынков, кризисом международных финансовых институтов, которые избирательно подходят к странам, обратившимся за кредитованием важнейших инфраструктурных объектов. Уменьшение доступности для стран БРИКС международных финансовых источников, сформировавшийся в некоторых странах БРИКС инвестиционный дефицит, тормозящий их экономическое развитие, а также накопившейся позитивный опыт работы Нового банка развития (НБР) выступают побудительной силой решения данных вопросов путем создания нового международного финансового института – Новой инвестиционной платформы стран БРИКС. Развитие онлайн-платформ на основе международных средств сетевой коммуникации создает технологическую основу формирования инвестиционной платформы БРИКС. Цель статьи – определить основные направления создания данного института и выявить риски, которые возникают при реализации данного проекта.

Методология исследования опирается на системный подход, общетеоретические методы (анализ и синтез, аналогия, индукция и дедукция, обобщение, генерализация), статистические методы обработки эмпирических данных, библиографический подход и анализ научных публикаций, международных отчетов и официальных деклараций Саммитов БРИКС.

Основная часть: обсуждение и результаты

Формирование партнерства БРИКС (англ. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, с 2011 г. – South Africa) в июне 2009 г. было ответом на череду мировых финансовых кризисов и свидетельствовало о начале становления нового международного мирового порядка, характеризующегося новым выбором

стран с развивающимися рынками – от пассивного участия в международных экономических институтах к активной координации своих позиций по основным вопросам глобального управления в финансово-экономической сфере мировой экономики. Привлекательность БРИКС послужила основной для расширения данного международного партнерства. В настоящее время после расширения в 2024–2025 гг. в состав этой неформальной структуры входят 11 полных членов, и 10 стран имеют статус партнеров, которые представляют страны Глобального Юга. При этом на долю 11 полноправных членов БРИКС (Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Саудовская Аравия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия, Индонезия, Иран) приходится 39% мирового ВВП, 23% мировой торговли, 24% прямых иностранных инвестиций, 43% мировой добычи нефти и 49% населения земного шара [1].

В Казанской декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности», принятой на XVI Саммите БРИКС в октябре 2024 г., дан глубокий анализ современного состояния мировой экономики и подчеркнута необходимость «лучше адаптировать современную архитектуру международных отношений к новым реалиям» на основе «совершенствования системы глобального управления путем поощрения более гибкой, эффективной, действенной, адекватной… многосторонней системы». В качестве магистральных направлений создания данной системы выступают «политика и безопасность, экономика и финансы, культурные и гуманитарные связи» [16].

Раскрывая содержание экономических аспектов справедливого глобального развития и безопасности, а также задач по созданию многосторонней системы экономического сотрудничества, участники XVI Саммита БРИКС указали на необходимость реализации инициативы «по созданию новой инвестиционной платформы, позволяющей максимально эффективно задействовать существующую институциональную инфраструктуру НБР в целях увеличения притока инвестиций в страны БРИКС и механизмы Глобального Юга» [16].

В мировой экономической практике создание разного рода инвестиционных платформ тесно связано с цифровизацией экономической сферы и формированием платформенной экономики [10].

В зарубежном пространстве, прежде всего в США, появление инвестиционных площадок на основе инвестиционных платформ относится к ранним стадиям цифровизации торговых операций на рынке ценных бумаг. Справедливо отмечая, что Интернет создает новую парадигму в розничной торговле, изобретает новые бизнес-модели и навсегда меняет способы ведения бизнеса, исследователи из Слоунской школы менеджмента Массачусетского технологического института широкое распространение инвестиционных торговых площадок отнесли к 1992–1993 гг., когда американская компания E-Trade Financial Corporation (E*Trade), как новатор онлайн-брокерских услуг, стала массово предлагать услуги онлайн-трейдинга напрямую частным инвесторам, хотя еще в 1984 г. Чарльз Шваб представил Equalizer – первый в отрасли инструмент для управления портфелем ценных бумаг и торговли на основе операционной системы DOS [20]. В 1995–1998 гг. с развитием интернет-технологий наблюдался резкий скачок в численности брокерских онлайн-площадок с использованием цифровых платформ на американских фондовых рынках: если в 1995 г. существовало всего около 12 онлайн-брокеров, то к 1998 г. их число превысило 50, а к 2000 г. – выросло до более чем 140.

С 2010-х гг. началась эра мобильных инвестиционных приложений, которые представляют собой программное обеспечение для доступа к той или иной инвестиционной платформе через техническое устройство (мобильный телефон, смартфон, компьютер). Преимущества мобильных приложений (доступность, мобильность, скорость доступа, алгоритмичность и др.) позволяют работать с онлайн-инвестиционными платформами (ОИП) в удобном для всех участников инвестиционных сделок режиме.

Особенностью современных ОИП является их глобальность, которая обеспечивается не только тем, что мобильные приложения предоставляют интернет-доступ в любой части мира, но и тем, что ОИП является инструментом, поддерживающим портфельное инвестирование на глобальных фондовых биржах (NYSE, NASDAQ LSE, TSE, SSE, HKEX). Посредством операций на этих биржах инвесторы в основном покупают ценные бумаги (акции или облигации), размещаемые на инвестиционных платформах и допущенные законодательством и правилами бирж к продаже. По данным Группы Всемирного банка, с 1975 по 2024 г. объем продаж ценных бумаг на американских фондовых площадках, несмотря на кризисные годы, вырос с 137,28 млрд долл. США до 42,6 трлн долл. США [17].

Мировая практика показывает позитивный пример функционирования международных ОИП и значительный инвестиционный потенциал, заложенный в привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. В этой связи решение Казанского Саммита 2024 г. о создании инвестиционной платформы БРИКС является своевременным, но оно требует определения направлений создания данной совместной инвестиционной платформы и четкого следования «дорожной карте», которая должна быть разработана заинтересованными государства БРИКС. Переход к практической реализации плана создания многосторонней ОИП предполагает выбор дизайна данной инвестиционной платформы. Очевидно, если ее целевая функция состоит в поддержке национальных экономик государств БРИКС и обеспечении финансовыми ресурсами стран Глобального Юга и Востока, то дизайн Новой инвестиционной платформы не может ограничиваться предоставлением инвестиционный площадки для операций инвесторов с ценными бумагами по типу биржевой торговли. В этом случае более эффективен расширенный вариант ОИП с чертами краудфандинга и краудлендинга – формы коллективного инвестирования [9].

В наиболее общем виде ОИП характеризуются как разновидность финансовых цифровых платформ, которые представляют собой виртуальные информационные технологические площадки для заключения заинтересованными лицами различного рода инвестиционных договоров с финансовыми инструментами, предусмотренными нормативной базой. В условиях цифровизации экономики возникновение данного вида цифровых технологических платформ было закономерно, поскольку востребовано всей логикой развития современной экономики [8].

С технологической стороны, как и любая платформа, ОИП представляет собой совокупность цифровых технологических и информационных онлайн-решений, базирующихся на развитии международной сети Интернет и создающих технологическую среду, обеспечивающую взаимодействие различных групп инвесторов с участием операторов ОИП.

С экономической стороны, ОИП – это площадка для заключения различного рода инвестиционных сделок, разрешенных законодательством, между участниками сделки ради получения инвестиционного дохода. На практике ОИП предоставляет площадку в интернет-пространстве, в том числе через мобильное приложение, и выступает виртуальным посредником, организатором и регулятором бизнес-процессов (обмена информацией между участниками сделок, обсуждение и заключение сделок, бизнес-коммуникаций, бизнес-аналитики). ОИП – это электронные интернет-площадки, владельцы и операторы которых выступают бизнес-структурами, получая доход из различных источников (реклама-продвижение, комиссионные, подписки и пр.).

С институциональной стороны ОИП можно характеризовать как новый вид института финансового посредничества и новый цифровой субъект инфраструктуры финансово-кредитной сферы. По мере укоренения этого института и его развития часть ОИП стала играть самостоятельную роль и аккумулировать собственные инвестиционные ресурсы, поэтому в экономической литературе высказано мнение о том, что эту разновидность ОИП можно характеризовать как небанковский кредитно-финансовый институт, выполняющей функции микрофинансирования в виртуальном пространстве [15].

С правовой точки зрения законодательство РФ регулирует отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ. С 2019 г. определены правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ и участников инвестиционных платформенных сделок [5]. Согласно российскому походу, инвестирование может осуществляться следующими способами:

1. Предоставление займов. В этом случае инвестор предоставляет денежные средства лицу, привлекающему инвестиции, на условиях возврата с процентами или без них под конкретный инвестиционный проект или проекты.
2. Приобретение эмиссионных ценных бумаг. При этом закон исключает ценные бумаги кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, структурные облигации и ценные бумаги, предназначенные для квалифицированных инвесторов.
3. Приобретение утилитарных цифровых прав, таких как прав требования передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, права требования выполнения работ или оказания услуг, которые возникают и обращаются исключительно на инвестиционной платформе.
4. Приобретение цифровых финансовых активов, к которым могут относиться цифровые права, удостоверяющие денежные требования; цифровые права, дающие возможность реализовать права по эмиссионным ценным бумагам; цифровые права, удостоверяющие право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; цифровые права, удостоверяющие право участия в капитале непубличных акционерных обществ.

Российское законодательство определяет особенности сделок на ОИП. Так, договоры инвестирования заключаются в письменной форме с помощью информационных технологий и технических средств платформы. Сделка считается заключенной с момента зачисления денежных средств инвесторов с номинального счета оператора платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции, поскольку все расчеты осуществляется безналично. Законодательно установлены

требования к оператору ОИП с обязательным включением в Реестр ЦБ РФ: размер собственных средств не должен быть менее 5 млн рублей. Инвестиционное предложение инициаторов проектов должно включать срок его действия, минимальный и максимальный объемы денежных средств, которые необходимо привлечь в данный проект (проекты).

Одним из направлений формирования Новой инвестиционной платформы БРИКС является гармонизация законодательной и нормативно-правовой основы функционирования ОИП и внесение соответствующих изменений в законодательные акты всех участников данной платформы, создание которой планируется на базе НБР. Кроме того, поскольку НБР действует на основании Соглашения о Новом банке развития (Форталеза, 15 июля 2014 г.) [12], законодательная база Новой инвестиционной платформы БРИКС должна соответствовать положениям данного документа.

Основными пунктами, требующими согласования для установления общих правовых норм и правил функционирования Новой инвестиционной платформы БРИКС, выступают:

- права и обязательства учредителей международной инвестиционной платформы;
- права, обязательства и функции НРБ, привилегии, включая налогообложение;
- правовой статус самой ОИП и всех субъектов (оператор платформы, участники);
- требования к финансовой состоятельности и объемам ресурсов оператора и участников; условия аккредитации оператора;
- способы инвестирования на платформе и стандарты договоров инвестирования (займы, приобретение ценных бумаг, утилитарные цифровые права и др.) и валютных расчетов (национальные валюты или валюты третьих стран);
- условия допуска инвестиционных проектов (инвестиционных предложений) и их соответствие требованиям платформы;
- гарантии и создание арбитража на уровне стран БРИКС для рассмотрения спорных вопросов.

Перечисленные для согласования положения являются ключевыми, но не исчерпывают весь перечень необходимых вопросов для формирования Новой инвестиционной платформы БРИКС. Однако они свидетельствуют о значительном объеме работы, которую необходимо проделать для практической реализации масштабного проекта по формированию новой инвестиционной платформы БРИКС. В этих целях в феврале 2025 г. была создана Рабочая исследовательская группа для всесторонней проработки параметров Новой инвестиционной платформы по итогам первой встречи заместителей министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС [6].

Одним из направлений формирования Новой инвестиционной платформы БРИКС выступает экспертное сопровождение данного проекта с учетом новых вопросов для инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов БРИКС. Так, в своей работе Рабочая исследовательская группа, прорабатывающая параметров Новой инвестиционной платформы может опираться на предложения и выводы российских и зарубежных экспертов, в частности, представителей Экспертного

совета высокого уровня (ЭСВУ БРИКС) и Экспертного совета по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС, созданного в 2024 г. распоряжением Правительства Российской Федерации [2].

ЭСВУ БРИКС объединяет ведущих ученых, специалистов, обладающих опытом и знаниями в своих отраслях, – от министров и руководителей центральных банков до руководителей высших учебных заведений, отраслей, крупных предприятий. В Декларации Рио-де-Жанейро по итогам XVII Саммита БРИКС указано на конструктивные обсуждения концепции Новой инвестиционной платформы «в целях достижения консенсуса по Платформе с тем, чтобы эти обсуждения проложили путь к более последовательному и значимому прогрессу» [3].

Экспертный совет по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС, учрежденный Министерством иностранных дел России и Министерством финансов РФ на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», разрабатывает вопросы реформирования международной валютно-финансовой системы и взаимодействия стран БРИКС по вопросам использования платежных систем, от решения которых зависит «запуск» Новой инвестиционной платформы.

В публикациях авторов справедливо отмечено, что «глобальная финансовая архитектура, созданная после Второй мировой войны в середине XX века, уже не соответствует потребностям современного мира… Некоторые страны открыто превращают международные финансовые инструменты в оружие, ограничивая использование данных инструментов посредством введения санкций… в повестку БРИКС необходимо включить построение резервных систем для проведения международных финансовых операций и создание новых моделей взаимосвязей между банками-корреспондентами» [13]. В целях преодоления валютного шантажа и создания расчетно-платежного механизма Новой инвестиционной платформы страны БРИКС сформировали Пул условных валютных резервов, Механизм межбанковского сотрудничества, которые должны обеспечить функционирование платежной системы БРИКС и проведения трансграничных транзакций участниками инвестиционных проектов на Новой инвестиционной платформе. В Декларации, принятой странами БРИКС в 2025 г., обращено особое внимание на документ «Технический отчет: Система трансграничных платежей БРИКС», который «отражает предпочтения участников объединения и должен сыграть ключевую роль в… усилиях по содействию осуществлению быстрых, недорогих, более доступных, эффективных, прозрачных и безопасных трансграничных платежей между странами БРИКС и другими государствами, что может способствовать расширению торговли и инвестиционных потоков» [3].

Одним из направлений формирования Новой инвестиционной платформы БРИКС является определение приоритетных инвестиционных проектов и выбор критичных для экономического развития БРИКС проектов, которые должны быть представлены на платформе. Это, прежде всего, крупные инфраструктурные проекты в транспортно-логистической сфере, энергетики, инновационном производстве и экологии. В настоящее время, по оценкам экспертов, страны БРИКС сталкиваются с проблемой инвестиционного дефицита, который, по некоторым оценкам, «превышает 4 трлн долларов, из них от 1,4 до 2,5 трлн долларов приходится на инфраструктурные потребности. Запуск многосторонней инвестиционной платформы позволит ежегодно привлекать до 100 млрд долл. США» [4].

При создании многосторонней цифровой инвестиционной платформы необходимо указать на риски, с которыми сталкиваются страны БРИКС, решая задачи ее запуска. В условиях турбулентности мировой экономики и агрессивной политики коллективного Запада во главе с США, стремящегося сохранить валютную монополию, основной риск при решении задач в расчетно-платежной сфере – это геополитический риск. Со сменой в 2025 г. администрации США этот риск усилился из-за непредсказуемости действий США в целях реализации лозунга «Сделаем Америку снова великой». В этом отношении страны БРИКС заинтересованы в «продвижении более справедливого, устойчивого, инклюзивного, представительного и стабильного международного порядка, основанного на международном праве» [3].

Хаотизация мировой экономики, на наш взгляд, является осознанным процессом, который инициируется и регулируется правящими американскими элитами, так как им выгодна существующая экономическая система, позволяющая за счет эмиссии долларов решать свои экономические проблемы и вовлекать в их решение все страны, вкладывающие средства в покупку казначейских ценных бумаг США [7]. По данным американских финансовых властей, по итогам 2025 финансового года, завершившегося 30 сентября 2025 г., государственный долг США увеличился за финансовый год на 2,2 трлн долл. США и составил более 37,64 трлн долл. США. Темпы роста государственного долга США ускорились, начиная с 1985 г., но пика достигли в 2025 г. (*Рисунок 1*).

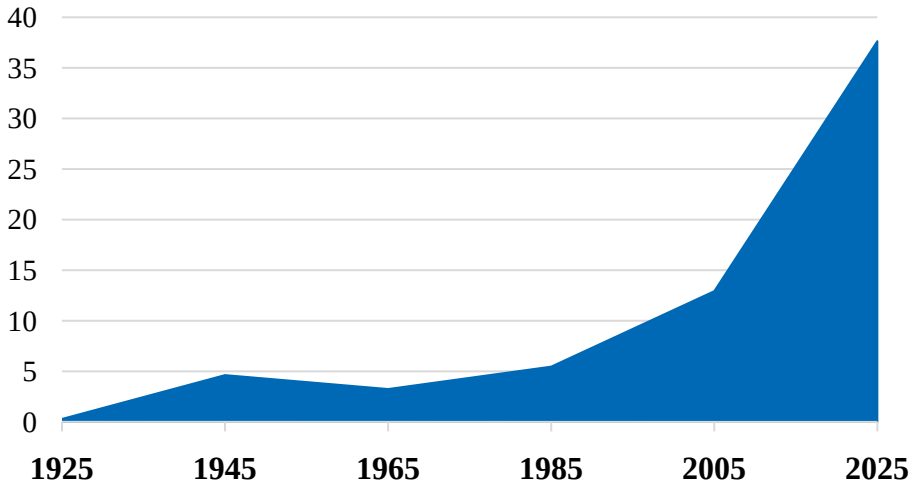

Рис. 1. Динамика роста государственного долга США с 1925 по 2025 г. (в трлн долл. США) [18]

В условиях, когда США наращивают свой государственный долг, который в 2025 г. составил уже 124% годового ВВП, а бюджетный дефицит – около 1,8 трлн долл. США, мировая валютно-финансовая система, основанная на долларе как основной резервной валюте, характеризуется нестабильностью и неустойчивостью. Возрастают геоэкономические риски функционирования инвестиционной сферы мировой экономики. Нивелирование данных рисков, напрямую влияющих на формирование Новой инвестиционной платформы БРИКС, связано с созданием системы конвертации национальных валют стран БРИКС при использовании их в расчетах по инвестиционным договорам.

Экономические риски многоаспектны. Макроэкономические риски обусловлены внешней средой функционирования платформы и не зависят от ее оператора, инвесторов, эмитентов (государственное регулирование, нестабильность и фаза кризиса, санкционные и тарифные войны, боевые действия и др.) На микроэкономическом уровне можно выделить такой достаточно часто встречающийся инвестиционный риск, как завышенные ожидания участников в части уровня доходности, более коротких сроков возврата инвестиций, возможных объемов заимствования, гарантий государства и других параметров инвестиционных предложений.

К рискам, которые возникают или могут возникнуть в процессе формирования Новой инвестиционной платформы, относится технологический риск. Создание многосторонней платформы для неограниченного круга участников ставит сложные технические задачи по ее устойчивости и безопасности. Для их обеспечения необходимы вложения в технологии (маршрутизация передаваемых данных, связывание сетевых стандартов, учет каналов связи разных типов и др.), вычислительные мощности и сетевое оборудование (маршрутизаторы, коммутаторы, медиаконвертеры и др.), программное обеспечение, включая создание оптимальных протоколов (производительность, совместимость, безопасность, отказоустойчивость и др.).

В сложных технических системах возможны информационные риски, связанные с прямой утечкой данных об участниках и параметрах сделок, что может привести к негативным экономическим последствиям. Потенциально существует риск, связанный с электронным документооборотом при обмене информацией между инвестором, оператором и компанией, привлекающей инвестиции, с использованием систем электронной почты и сервисов платформы.

Коммуникационные риски обусловлены многоязычным составом инвесторов и эмитентов, когда возможно неверное восприятие информации о правилах работы платформы, или условиях сделок из-за языкового барьера. В этой связи необходимо устранить кадровый риск, связанный с персоналом, обслуживающим платформу, путем имплементации системы корпоративной подготовки кадров и постоянного наращивания профессиональных компетенций [11; 14].

Создание заранее продуманного механизма защиты от рисков всех участников Новой инвестиционной платформы и закрепление его основных элементов в законодательстве и нормативно-правовой базе стран-учредителей, а также в правилах работы этой платформы можно рассматривать как самостоятельное направление формирования Новой инвестиционной платформы.

Заключение

В условиях цифровизации инвестиционной сферы мировой экономики онлайн инвестиционные платформы выступают новым финансовым институтом не только с посредническими функциями, но и собственным капиталом, который увеличивает финансовые ресурсы инвестирования.

В настоящее время выявляются контуры наиболее перспективных и аргументированных подходов к решению актуальной задачи формирования Новой инвестиционной платформы, поставленной на XVI Саммите БРИКС (Казань, 2024 г.). Созданы институциональные и организационные предпосылки создания Новой инвестиционной платформы на основе банковской структуры

БРИКС – НБР, которая имеет необходимый опыт и ресурсы для организации работы оператора и всех участников будущей инвестиционной платформы. Определено, что правовое направление формирования Новой инвестиционной платформы выступает наиболее трудо- и времяемким процессом, требующим экспертного сопровождения, поскольку для документального закрепления правового статуса этой международной многосторонней платформы необходимо внести изменения в правовые системы всех стран БРИКС-учредителей данной платформы, а также скорректировать нормативную базу НБР. Практический запуск Новой инвестиционной платформы БРИКС зависит от успешной имплементации расчетно-платежного механизма и создания системы конвертации национальных валют стран, входящих в Партнерство БРИКС, в целях финансирования приоритетных инфраструктурных, энергетических, логистических, экономических и проектов в других сферах экономического пространства БРИКС.

Особого внимания заслуживает идентификация, оценка совокупности рисков и разработка стратегии их нивелирования в условиях усложняющейся геополитической и геоэкономической нестабильности мировой экономики. Вместе с тем очевидны экономические выгоды от полноценного функционирования Новой инвестиционной платформы БРИКС, на которой будут генерироваться дополнительные потоки инвестиционных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бразилия готовится к саммиту БРИКС // Kazinform. 06.06.2025. URL: https://www.inform.kz/ru/braziliya-gotovitsya-k-sammitu-briks-808bdf (дата обращения: 25.11.2025).
2. В НИУ ВШЭ начал работу Экспертный совет по вопросам участия России в БРИКС. URL: https://www.hse.ru/news/900899058.html (дата обращения: 20.11.2025).
3. Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» (6 июля 2025 года) // Президент России: оф. сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 26.11.2025).
4. Дефицит инвестиций в странах БРИКС оценили в $4 триллиона // Бизнес online. 29.05.2025. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/673668 (дата обращения: 26.11.2025).
5. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616 (дата обращения: 27.11.2025).
6. Об итогах первой встречи заместителей министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС // Минфин России. 27.02.2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=39614 (дата обращения: 26.11.2025).
7. *Платонова Е.Д.* Синергетический подход к исследованию «новой реальности»: зачем нужна хаотизация международной экономики? // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 25 октября 2022 года. М.: Алеф, 2022. С. 403–411.

8. *Платонова Е.Д., Базиев Б.А.* Цифровые онлайн-платформы: становление и развитие в современной мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2025. № 11. С. 87–96.
9. *Платонова Е.Д., С.М.С.С. Аль.* Небанковские финансовые институты: возрастание роли в мировой финансовой архитектуре // Проблемы теории и практики управления. 2025. № 12. С. 36–45.
10. *Платонова Е.Д., Цзыянь Л.* Платформенная экономика: направления и содержание исследований // Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений: материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 150-летию МПГУ, Москва, 21–22 октября 2021 года. М.: Перо, 2022. С. 149–152.
11. *Платонова Е.Д., Ян В.* Совершенствование профессиональных компетенций специалистов как фактор экономического роста // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, Симферополь, 04 апреля 2025 года. Симферополь: ИП Хотеева Лада Валериевна, 2025. С. 437–440.
12. Соглашение о Новом банке развития // Министерство иностранных дел РФ: оф. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50003/ (дата обращения: 26.11.2025).
13. Сессия «Почему мир не становится многополярным: справедливые финансы». URL: https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/ (дата обращения: 26.11.2025).
14. *Сидоров А.В.* Особенности подготовки специалистов в области информационных технологий // Молодой ученый. 2017. № 21.1 (155.1). С. 49–50.
15. Халлак Кондакжи Алаа. Инвестиционные платформы как новый инструмент развития микрофинансирования в РФ // Аспект. URL: https://na-journal.ru/5-2024-ekonomika-menedzhment/11435-investicionnye-platformy-kak-novyj-instrument-razvitiya-mikrofinansirovaniya-v-rf (дата обращения: 27.11.2025).
16. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года // Президент России: оф. сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 27.11.2025).B
17. Stocks traded, total value (current US$) // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.TRAD.CD (дата обращения: 26.11.2025).
18. The Growing National Debt // Fiscal Data. URL: https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/#:~:text (дата обращения: 27.11.2025).
19. Which Countries Want to Join BRICS? // BRICS Russia. 06.03.2026. URL: https://infobrics.org/en/post/85336/ (дата обращения: 29.11.2025).
20. *Wu J., Siegel M., Manion J.* Online Trading: An Internet Revolution. 1999 // Massachusetts Institute of Technology. URL: https://web.mit.edu/smadnick/www/wp2/2000-02-SWP%234104.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

REFERENCES

1. Braziliya gotovitsya k sammitu BRIKS URL:https://www.inform.kz/ru/braziliya-gotovitsya-k-sammitu-briks-808bdf (data obrashcheniya 25.11.2025)
2. V NIU VSHE nachal rabotu Ekspertnyj sovet po voprosam uchastiya Rossii v BRIKS URL: https://www.hse.ru/news/900899058.html (data obrashcheniya 20.11.2025)

3. Deklaraciya Rio-de-ZHanejro “Ukreplenie sotrudnichestva Global’nogo YUga dlya bolee inklyuzivnogo i ustojchivogo upravleniya“ (data obrashcheniya 6 iyulya 2025 goda) URL:http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (data obrashcheniya 26.11.2025)
4. Deficit investicij v stranah BRIKS ocenili v $4 trilliona. URL:https://www.business-gazeta.ru/news/673668 (data obrashcheniya 26.11.2025)
5. Federal’nyj zakon ot 02.08.2019 g. № 259-FZ “O privlechenii investicij s ispol’zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii“. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616 (data obrashcheniya 27.11.2025)
6. Ob itogah pervoj vstrechi zamestitelej ministrov finansov i upravlyayushchih central’nymi bankami stran BRIKS. URL:https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=39614 (data obrashcheniya 26.11.2025)
7. Platonova E. D. Sinergeticheskij podhod k issledovaniyu “novoj real’nosti“: zachem nuzhna haotizaciya mezhdunarodnoj ekonomiki? // Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyah novoj real’nosti: sbornik materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 25-oktyabrya 2022 goda. Moskva: Alef, 2022. P. 403–411.
8. Platonova E. D., Baziev B.A. Cifrovye onlajn-platformy: stanovlenie i razvitie v sovremennoj mirovoj ekonomike // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2025. № 11. S. 87–96.
9. Platonova E. D., S. M. S. S. Al’. Nebankovskie finansovye instituty: vozrastanie roli v mirovoj finansovoj arhitekture // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2025. № 12. P. 36–45.
10. Platonova, E. D., Czyyan’ L. Platformennaya ekonomika: napravleniya i soderzhanie issledovanij / E. D. Platonova, L. // Prostranstvennaya ekonomika: problemy regional’nyh ekonomicheskih ob“edinenij: Materialy XIH Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 150-letiyu MPGU, Moskva, 21–22 oktyabrya 2021 goda. Moskva: Pero, 2022. – P. 149–152.
11. Platonova E. D., Yan V. Sovershenstvovanie professional’nyh kompetencij specialistov kak faktor ekonomicheskogo rosta // Nacional’nye ekonomicheskie sistemy v kontekste transformacii global’nogo ekonomicheskogo prostranstva: sbornik nauchnyh trudov XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Simferopol’, 04 aprelya 2025 goda. Simferopol’: IP Hoteeva Lada Valerievna, 2025. P. 437–440.
12. Soglashenie o Novom banke razvitiya. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50003/ (data obrashcheniya 26.11.2025)
13. Sessiya “Pochemu mir ne stanovitsya mnogopolyarnym: spravedlivye finansy“ https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/ (data obrashcheniya 26.11.2025)
14. Sidorov A. V. Osobennosti podgotovki specialistov v oblasti informacionnyh tekhnologij // Molodoj uchenyj. 2017. № 21.1 (155.1). S. 49–50.
15. Hallak Kondakzhi Alaa. Investicionnye platformy kak novyj instrument razvitiya mikrofinansirovaniyavRF.URL:https://na-journal.ru/5-2024-ekonomika-menedzhment/11435-investicionnye-platformy-kak-novyj-instrument-razvitiya-mikrofinansirovaniya-v-rf (data obrashcheniya 27.11.2025)
16. XVI Sammit BRIKS. Kazanskaya deklaraciya “Ukreplenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo global’nogo razvitiya i bezopasnosti”. Kazan’, Rossijskaya Federaciya. 23 oktyabrya 2024 goda URL:http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (data obrashcheniya 27.11.2025)

17. Stocks traded, total value (current US$) | Data URL: https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.TRAD.CD (data obrashcheniya 26.11.2025)
18. The Growing National Debt URL: https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/#:~:text (data obrashcheniya 27.11.2025)
19. Which Countries Want to Join BRICS? Updated List/URL: https://infobrics.org/en/post/85336/ (data obrashcheniya 29.11.2025)
20. Jennifer Wu, Michael Siegel and Joshua Manion. Online Trading: An Internet Revolution. URL:https://web.mit.edu/smadnick/www/wp2/2000-02-SWP%234104.pdf (data obrashcheniya 26.11.2025)

Сведения об авторах / About Authors:

Платонова Елена Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Platonova Elena Dmitrievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Базиев Бойсгур Айсаевич, аспирант, Московский педагогический государственный университет, e-mail: ba_baziev@student.mpgu.edu

Baziev Boysangur Aisaevich, PhD student, Moscow State Pedagogical University, e-mail: ba_baziev@student.mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 / The article was received on 11.12.2025

Статья принята к публикации 25.12.2025 / The article accepted for publication 25.12.2025

УДК 339.9.01
ББК 65.9
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-65-74

КАК ИЗМЕРИТЬ ИННОВАЦИОННОСТЬ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОД (по материалам ежегодного отчета «European Innovation Scoreboard – 2025»)

Е.Д. Платонова

Аннотация. *В статье представлен результат анализа европейского подхода к оценке инновационности экономики на примере стран, входящих в Европейский союз. В ежегодном отчете «Европейское инновационное табло» (European Innovation Scoreboard), вышедшем в 2025 г., характеризуется методика определения инновационности Европейского союза, которая применима для использования каждой страной, группой стран и для оценки состояния инновационной сферы мировой экономики в целом. Автором рассматривается четыре основных определителя инновационности экономики (рамочные условия, инвестиции, инновационная деятельность, воздействие), которые характеризуют 12 аспектов инновационной деятельности объектов оценивания, охватывающих в общей сложности 32 индикатора. В статье делается вывод о том, что данная методика сложна, но применима для измерения инновационности мировой экономики при наличии доступа к достоверной базе данных, открытости бизнеса и объективности высококвалифицированных экспертов, так как многие показатели базируются на субъективных оценках состояния инновационной среды и могут выражать предвзятые точки зрения экспертов.*

Ключевые слова: *мировая экономика, Европейский союз, инновации, инновационность экономики, индикаторы инноваций, система инновационных показателей, Европейское инновационное табло.*

Для цитирования: *Платонова Е.Д.* Как измерить инновационность мировой экономики: европейский подход (по материалам ежегодного отчета «European Innovation Scoreboard – 2025») // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 65–74. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-65-74

© Платонова Е.Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

HOW TO MEASURE THE INNOVATIVENESS OF THE WORLD ECONOMY: THE EUROPEAN APPROACH (based on the materials of the annual report “European innovation Scoreboard – 2025”)

E.D. Platonova

Abstract. *The article presents the result of an analysis of the European approach to assessing the innovativeness of the economy using the example of countries that are members of the European Union. The European Innovation Scoreboard annual report, released in 2025, describes the methodology for determining the innovativeness of the European Union, which is applicable for use by each country, group of countries and assessing the state of the innovation sector of the global economy as a whole. The author has considered four main determinants of the innovativeness of the economy (framework conditions, investments, innovation activities, impact), which characterize 12 aspects of the innovation activities of the objects of assessment, covering a total of 32 indicators. The article concludes that this technique is complex, but is applicable to measuring the innovativeness of the global economy with access to a reliable database, openness of business and objectivity of highly qualified experts, since many indicators are based on subjective assessments of the innovation environment and can express biased points of view of experts*

Keywords: *world economy, European Union, innovation, innovativeness of the economy, innovation indicators, system of innovation indicators, European Innovation scoreboard.*

Cite as: Platonova E.D. How to measure the innovativeness of the world economy: the European approach (based on the materials of the annual report “European innovation Scoreboard – 2025”) *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 65–74. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-65-74

Введение

В настоящее время одним из ведущих индикаторов технико-технологического прогресса, играющего ключевую роль в позитивном изменении социально-экономических и организационно-экономических отношений в современном обществе, выступает инновационность, которая отражает способность экономических агентов генерировать, внедрять и получать полезный эффект от инноваций во всех отраслях и сферах экономики.

Несмотря на разработанность в экономической науке положений относительно содержания и видов инноваций, все они опираются на идеи австрийского экономиста Й. Шумпетера, который еще в 40-х годах прошлого века указал на влияние нововведений на все сферы жизни общества и на перспективу построения общества с инновационной экономикой [2]. Вместе с тем существуют различные подходы

к количественным и качественным показателям инновационности микро- и макроэкономики. В связи с ясно проявляющейся тенденцией к регионализации мировой экономики определенный вклад в формирование концепции оценки инновационности экономики на уровне интеграционного межгосударственного экономического объединения внесла Еврокомиссия Европейского союза (ЕС), опубликовав в 2025 г. юбилейный ежегодный отчет «European Innovation Scoreboard (EIS)», начало публикации которого было положено в 2001 г. Однако на уровне мегаэкономики, то есть мировой экономики, оценка инновационности на определенных этапах ее развития не проводилась. Отсюда возникает вопрос о возможности использования методики определения инновационности экономики стран ЕС, входящих в союз, и ЕС в целом для оценки состояния инновационной сферы мировой экономики. Поиск ответа на данный вопрос составляет цель настоящей статьи.

Методология исследования опирается на общетеоретические методы (анализ и синтез, аналогия, индукция и дедукция, сравнение, обобщение), общенаучные подходы (сущностный, функциональный, системный, синергетический, коммуникационный, коэволюционный), а также статистические методы анализа данных.

Результаты и обсуждение

Европейский методический подход к качественной и количественной оценке инновационности экономик каждой из стран – членов ЕС (и ЕС как интеграционного союза) представлен в специальном приложении ежегодного отчета «European Innovation Scoreboard 2025 (EIS-2025)», название которого можно перевести как «Европейское инновационное табло», показывающее данные за 2024 г.

В отчете достаточно подробно описана техника оценки инновационности экономики, применимая к любой стране. Однако понятие «инновация» – это сложная дефиниция, отражающая различные стороны развития технико-технологических, организационно-экономических, социально-экономических, институциональных, экологических элементов экономической системы, которую можно рассматривать на уровне национальных государств, региональных союзов и мировой экономики в целом [1].

В EIS-2025, как и в предыдущих отчетах, для оценки инновационности экономики выделены четыре основных определителя: рамочные условия, инвестиции, инновационная деятельность, воздействие [3]. Данные определители характеризуют 12 аспектов инновационной деятельности объектов оценивания, охватывающих в общей сложности 32 индикатора. Рассмотрим более подробно каждый из четырех определителей инновационности экономики.

Рамочные условия (Framework conditions) инновационности экономики отражают, по мнению авторов EIS-2025, основные факторы инновационной деятельности, которые обусловливают перспективы внедрения инноваций. Различают три показателя (аспекта) инновационной деятельности:

1. Человеческие ресурсы (Human resources), который показывает наличие потенциальной высококвалифицированной и образованной рабочей силы. Он включает в себя три показателя: новые выпускники докторантуры (аспирантуры) на 1000 населения в возрасте 25–34 лет; население в возрасте 25–34 лет с законченным высшим образованием (tertiary education); население в возрасте 25–64 лет, которое участвует в обучении на протяжении всей жизни (lifelong learning).Данный вид обучения охватывает все

целенаправленные виды учебной деятельности, будь то формальные, неформальные или неофициальные, осуществляемые на постоянной основе с целью повышения знаний, навыков и компетенций. Намерение или цель такого обучения является ключевым моментом, отличающим эти виды деятельности от деятельности, не связанной с обучением, такой как культурные или спортивные мероприятия.

2. Привлекательные исследовательские системы (Attractive research systems) измеряют международную конкурентоспособность научной базы, уделяя особое внимание международным научным публикациям, а также наиболее цитируемым публикациям и числу иностранных студентов-докторантов (аспирантов). Международные научные публикации, осуществляемые совместно, являются показателем качества научных исследований, поскольку международное сотрудничество повышает научную продуктивность. Для отдельных стран учитываются все публикации, в которых хотя бы один соавтор находится за пределами страны. В оценке ЕС учитываются только публикации, в которых хотя бы один соавтор находится в государстве, не входящем в ЕС. При этом дополнительно учитывается число научных публикаций, входящих в 10% наиболее цитируемых, по мнению авторов, публикаций в мире. Кроме того, доля иностранных аспирантов отражает их мобильность, как эффективный способ распространения знаний в научном сообществе. Привлечение высококвалифицированных иностранных аспирантов обеспечивает постоянный приток исследователей из разных стран, повышая не только качественный уровень исследований, но и возможность отобрать лучших из них для работы в ЕС.
3. Цифровизация (Digitalisation) измеряет уровень использования цифровых технологий и включает в себя два показателя: высокоскоростной Интернет и число людей, обладающих базовыми навыками работы с цифровыми технологиями в возрасте от 16 до 74 лет. Этот показатель измеряет долю домохозяйств с фиксированным подключением к сети сверхвысокой пропускной способности (VHCN). VHCN – это электронная коммуникационная сеть, которая либо полностью состоит из оптоволоконных элементов как минимум до точки распределения в обслуживающем пункте, либо обеспечивает сопоставимую производительность сети в обычных условиях пиковой нагрузки. Этот показатель отражает качество цифровой инфраструктуры страны.

Как следует из самого состава рамочных условий, степень инновационности измеряется качественными показателями состояния человеческих ресурсов, которые показывают образовательный уровень населения, сформировавшийся под влиянием новейших технологий, и способность населения генерировать в будущем новые инновации в кооперации с международным сообществом. Включение показателей «Привлекательность исследовательских систем» и «Цифровизация» в число рамочных условий свидетельствует о значительной роли цифровой трансформации в построении инновационной экономики. Впервые в отчете за 2025 г. были использованы показатели «Высокоскоростной Интернет» и «Число людей, обладающих базовыми навыками работы с цифровыми технологиями». Это подчеркивает тот факт, что в современном понимании инновационная экономика в технологическом отношении развивается благодаря

распространению высокоскоростного Интернета и умению всех групп населения использовать его преимущества. Согласно расчетам составителей EIS-2025, наилучшие показатели, которые характеризуют рамочные условия определения инновационности экономики, демонстрируют три государства-члена, являющиеся лидерами в области инноваций: Швеция, Дания и Нидерланды, а также два сильных новатора: Люксембург и Ирландия [7].

Следующий определитель инновационности экономики – это **инвестиции (Investments).** Он охватывают инвестиции, сделанные как в государственном, так и в деловом секторе [3]. Выделяют три аспекта измерения инноваций с помощью этого определителя:

1. Финансирование и поддержка (Finance and support) измеряется расходами на НИОКР в публичном секторе: в университетах и государственных исследовательских центрах. Значимым показателем является уровень венчурных капитальных расходов, прямого государственного финансирования и предоставления налоговых льгот. Расходы на исследования и разработки необходимы для перехода к экономике, основанной на знаниях, а также для совершенствования производственных технологий и стимулирования роста. Объем венчурного капитала является показателем относительной динамики создания новых инновационных предприятий. В частности, для предприятий, использующих или разрабатывающих новые (рискованные) технологии, венчурный капитал часто является единственным доступным средством финансирования их расширяющегося бизнеса.
2. Инвестиции фирм (Firm investments) показывает расходы частного сектора на инновации и включает следующие индикаторы: расходы на НИОКР предприятия; расходы, не связанные с НИОКР; расходы на инновации в процентах от оборота; расходы на инновации на одного занятого сотрудника. Расходы на НИОКР являются одним из главных факторов экономического роста в экономике, основанной на знаниях. Изменения уровня расходов на НИОКР дают ключевые представления о будущей конкурентоспособности и благосостоянии ЕС.
3. Инвестиции в информационные технологии (Investments in information technologies) отражает внедрение информационных технологий в бизнесе и включает два индикатора: облачные вычисления и количество специалистов, занятых в сфере ИКТ. Облачные вычисления относятся к ИКТ-услугам, используемым через Интернет для доступа к программному обеспечению, вычислительным мощностям, емкости хранения и т.д. Этот показатель отражает процент предприятий, использующих хотя бы одну промежуточную или сложную услугу облачных вычислений: приложения финансового или бухгалтерского программного обеспечения, приложения программного обеспечения для планирования ресурсов предприятия (ERP), приложения программного обеспечения для управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), программное обеспечение для обеспечения безопасности.
4. В 2024 г., по данным отчета EIS-2025, в число стран – членов ЕС с наилучшими показателями инновационного определителя экономики «Инвестиции» входили Финляндия, Швеция и Нидерланды, Эстония, Ирландия.

Следующий определитель инновационности экономики – **«Инновационная активность» (Innovation activities)**, который показывает инновационные усилия на уровне фирмы [3]. Расчет данного показателя основан на следующих показателях:

1. Инноваторы (Innovators) отражает инновационную деятельность малого и среднего бизнеса (МСП) по внедрению инноваций в продукцию МСП и в бизнес-процессы из стран СНГ. Продуктовые инновации являются ключевым элементом инноваций, поскольку они могут создавать новые рынки и повышать конкурентоспособность. Более высокая доля продуктовых новаторов отражает более высокий уровень инновационной деятельности.
2. Взаимосвязи (Linkages), определяющие инновационный потенциал путем анализа сотрудничества между инновационными фирмами, научно-исследовательского сотрудничества между частным и государственным секторами, а также мобильности кадров в области науки и техники. Этот показатель измеряет поток знаний между государственными научно-исследовательскими учреждениями и фирмами. Однако показатель ограничен малыми и средними предприятиями, поскольку почти все крупные фирмы участвуют в инновационном сотрудничестве. Вместе с тем этот показатель отражает связи между государственным и частным секторами в области исследований, а также активное сотрудничество между исследователями из бизнес-сектора и исследователями из государственного сектора, результатом которого являются научные публикации.
3. Интеллектуальные активы (Intellectual assets), определяемые на основе данных по заявкам на патенты в рамках Договора о патентном сотрудничестве, заявкам на товарные знаки и заявкам на промышленные образцы. Дизайн – это внешний вид изделия или его части, определяемый линиями, контурами, цветами, формой, текстурой, материалами и/или орнаментом. Изделием может быть любой промышленный или ремесленный предмет, включая упаковку, графические символы и типографские шрифты, за исключением компьютерных программ. К ним также относятся изделия, состоящие из нескольких компонентов, которые могут быть разобраны и собраны заново. Защита дизайна в рамках ЕС осуществляется непосредственно в каждом государстве-члене и предусматривает как незарегистрированное, так и зарегистрированное право на дизайн в рамках ЕС в одной области, охватывающей все государства-члены. Способность компаний разрабатывать новые продукты определяет их конкурентное преимущество. Одним из показателей темпов внедрения новых продуктов является количество патентов.

В рассматриваемом отчете за 2025 г. в данной группе определителей инновационности экономики ЕС лидерами выступали Австрия, Люксембург, Эстония, Германия [3].

Четвертый определитель инновационности экономики по методике EIS-2025 – это **«Воздействие» (Impacts)**, который рассчитывается на основе трех агрегированных показателей:

1. Воздействие инноваций на продажи и занятость (Sales and Employment impacts). Этот важный показатель отражает занятость в инновационных предприятиях и продажи новых для рынка и новых для компании инноваций. С учетом стагнации европейской экономики закономерно, что эти индикаторы показали падение по сравнению с данными отчета EIS-2024

по ЕС на 4,4 процентных пункта. Наибольшее падение отмечалось на Кипре (−52,5 процентных пункта), в Болгарии (−31,6 процентных пункта), Финляндии (−29,0 процентных пункта). Вместе с тем Италия улучшила этот показатель (+20,7), а также Испания (+9,6 процентных пункта) и Франция (+8,1 процентных пункта).

2. Воздействие инноваций на внешнеторговую деятельность определяется благодаря расчету трех индикаторов: экспорт средне- и высокотехнологичной продукции, экспорт наукоемких услуг, импорт высокотехнологичной продукции из стран, не входящих в ЕС. Эти показатели измеряют конкурентоспособность, прежде всего, наукоемкого сектора услуг. Меры по повышению конкурентоспособности и инновационные стратегии могут взаимно усиливать рост занятости, доли экспорта и оборота на уровне предприятий. Показатель отражает способность экономики, в частности, благодаря инновациям, экспортировать услуги с высокой добавленной стоимостью и успешно участвовать в наукоемких глобальных цепочках создания стоимости. Наилучших показателей по расчетам авторов EIS-2025 достигли Германия, Дания, Словения, Ирландия и Швеция.
3. Воздействие инноваций на ресурсы и производительность труда (Resource and Labour productivity) рассчитывается по трем показателям: производительность ресурсов, производительность производства, где есть выбросы CO_2, производительность труда. Это относительно новые показатели, характеризующие усилия компаний и государств по ресурсосбережению, борьбе с разрушением окружающей среды и переходу на устойчивое развитие путем внедрения природоохранных технологий в направление выполнения целей устойчивого развития. Производительность ресурсов – это показатель общего количества материалов, непосредственно используемых экономикой, измеряемый как внутреннее потребление материалов по отношению к ВВП. Он позволяет понять, происходит ли разрыв между использованием природных ресурсов и экономическим ростом. Внутреннее потребление материалов измеряет общее количество материалов, непосредственно используемых экономикой, и определяется как годовое количество. Кроме того, этот индикатор может помочь оценить прогресс в декарбонизации экономической деятельности, повышении энергоэффективности и переходе к низкоуглеродным технологиям. Он может способствовать принятию решений в таких областях, как устойчивые методы ведения промышленности, инвестиции в чистую энергетику и политические меры, направленные на стимулирование экономического роста при одновременном снижении воздействия на окружающую среду.

По сравнению с 2024 г. все государства-члены улучшили свои показатели «Воздействие» (Impacts). Наиболее сильный рост наблюдался в Португалии (+20,9 процентных пункта), Испании (+20,1 процентных пункта) и Франции (+16,0 процентных пункта). К странам с наиболее заметным положительным изменением по сравнению с 2018 г. относятся Ирландия (+84,8 процентных пункта), Дания (+53,1 процентных пункта) и Мальта (+47,2 процентных пункта). К государствам – членам ЕС с наименьшим ростом относятся Швеция (+13,7 процентных пункта), Кипр (+15,2 процентных пункта) и Болгария (+21,1 процентных пункта) [3].

Измерение инновационности экономики требует привлечения значительного статистического материала, использования статистических методов обработки данных и получения агрегированного показателя, позволяющего произвести сравнительный анализ уровня и степени инновационности каждой страны, входящей в ЕС, по четырем группам инновационности. Проделанные авторами EIS-2025 расчеты позволили объединить страны ЕС в четыре группы, каждая из которых отражают состояние национальной инновационной системы и ее место в инновационной системе ЕС в целом. Так, в EIS-2025 выделены:

- первая группа стран – членов ЕС – «Инновационные лидеры» (Innovation leaders): Швеция, Дания, Нидерланды и Финляндия, у которых совокупная оценка инновационности экономики выше, чем по ЕС на 125%;
- вторая группа стран – членов ЕС – «Сильные инноваторы» (Strong innovators): Ирландия, Бельгия, Люксембург, Австрия, Германия, Франция и Эстония, у которых совокупная оценка инновационности экономики выше средней по ЕС;
- третья группа стран – членов ЕС – «Умеренные инноваторы» (Moderate innovators): Мальта, Словения, Италия, Испания, Португалия, Кипр, Литва, Чехия, Греция и Хорватия;
- четвертая группа стран – членов ЕС – «Развивающиеся инноваторы» (Emerging Innovators): Венгрия, Польша, Словакия, Латвия, Болгария и Румыния, у которых совокупная оценка инновационности экономики ниже, чем в среднем по ЕС на 70% [3].

Определение групп стран ЕС по критерию инновационности позволяет Еврокомиссии корректировать распределение средств и направлять их на поддержку инновационных проектов в странах третьей и четвертой групп, тем самым помогая странам перейти на новую ступень инновационности национальной экономики.

Заключение

Европейский подход к оценке инновационности экономических систем, представленный в материалах ежегодного отчета «European Innovation Scoreboard – 2025», показывает возможность получать соизмеримые данные по странам, выделяя «лидеров» и «аутсайдеров», которым необходимо сосредоточить усилия и ресурсы на повышении уровня инновационности своих экономик. Обладая достаточно мощным статистическим центром, ЕС способен собрать достоверные данные у всех стран – членов этого союза. Индикаторы инновационности ЕС отражают видимую корреляционную зависимость между инновационностью и уровнем жизни населения. Действительно, в группу лидеров вошли страны с высоким уровнем жизни. Перед «развивающимися» (новыми) инноваторами стоят задачи по сокращению разрыва не столько, на наш взгляд, в уровне инновационности экономики, сколько в уровне жизни населения.

Вопрос о теоретической возможности применения методики ЕС к определению инновационности экономики любых стран, региональных экономических объединений, мировой экономики в целом можно решить положительно. Однако на практике сбор информации по единым индикаторам, предложенным ЕС, требует значительных административных ресурсов, однотипных расчетов на базе четко организованной системы обработки статистических данных и наличия компьютерных

мощностей. В этом отношении возможны, на наш взгляд, только выборочные расчеты по группам стран, но не оценки состояния инновационной сферы мировой экономики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бусыгин Д.Ю.* Определение рыночной стоимости интеллектуального капитала и интеллектуальных активов предприятия // Бухгалтерский учет и анализ. 2022. № 4 (304). С. 31–36.
2. *Платонова Е.Д.* Инновационная составляющая воспроизводства: еще раз об условиях формирования // Научные механизмы решения проблем инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 мая 2016 г., г. Уфа): в 3 ч. Ч. 1. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 158–164.
3. *Платонова Е.Д., Красовский С.Ю., Богомолова Ю.И.* Экономика ресурсов: воспроизводственный подход: монография / под ред. д.э.н., проф. Платоновой Е.Д. М.: АПКиППРО, 2013. 179 с.
4. *Смирнова А.М., Александров И.Н.* Инвестиции в НИОКР // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 г.). Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 205–208.
5. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер; перевод с нем. В.С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
6. *Якутина Э.В., Бутрина Ю.В.* Необходимость научных публикаций в международных журналах // Научно-аналитический экономический журнал. 2016. № 12 (13). С. 4.
7. European Innovation Scoreboard 2025. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en#european-innovation-scoreboard-2025 (дата обращения: 10.12.2025).
8. *Zhuparova A., Sagiyeva R.* Transition to Knowledge-Based Production: Analysis and Justification of Indicators // Statistics, Accounting and Audit. 2020. № 4 (79). P. 68–72.

REFERENCES

1. Busygin D. YU. Opredelenie rynochnoj stoimosti intellektual’nogo kapitala i intellektual’nyh aktivov predpriyatiya // Buhgalterskij uchet i analiz. 2022. № 4(304). P. 31–36.
2. Platonova E.D. Innovacionnaya sostavlyayushchaya vosproizvodstva: eshche raz ob usloviyah formirovaniya // Nauchnye mekhanizmy resheniya problem innovacionnogo razvitiya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (1 maya 2016g., g. Ufa) v 3 ch. CH.1. Ufa: AETERNA, 2016. P. 158–164
3. Platonova E.D., Krasovskij S.YU., Bogomolova YU.I. Ekonomika resursov: vosproizvodstvennyj podhod / Pod red. d.e.n., prof. Platonovoj E.D. Monografiya. M.: APKiPPRO,2013 – 179 p.
4. Smirnova, A. M. Investicii v NIOKR / A. M. Smirnova, I. N. Aleksandrov // Nedelya nauki SPbPU: materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 13–19 noyabrya 2017 goda. Tom CHast’ 2. Sankt-Peterburg: Federal’noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel’noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya “Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo”, 2017. P. 205–208.

5. Shumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: (Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla kon'yunktury) / J. SHumpeter; Perevod s nem. V. S. Avtonomova i dr. Moskva: Progress, 1982. 455 p.
6. YAkutina E.V., Butrina YU.V. Neobhodimost' nauchnyh publikacij v mezhdunarodnyh zhurnalah Nauchno-analiticheskij ekonomicheskij zhurnal. 2016. № 12(13). P. 4–8.
7. European Innovation Scoreboard 2025. https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en#european-innovation-scoreboard-2025 (data obrashcheniya 10.12.2025).
8. Zhuparova, A. Transition to knowledge – based production: analysis and justification of indicators / A. Zhuparova, R. Sagiyeva // Statistics, Accounting and Audit. 2020. No. 4(79). P. 68–72.

Сведения об авторе / About Author:

Платонова Елена Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Platonova Elena Dmitrievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 / The article was received on 11.12.2025

Статья принята к публикации 25.12.2025 / The article accepted for publication 25.12.2025

УДК 338.24
ББК 65.29
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-75-82

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРОЙ КАПИТАЛА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.Н. Лебедев

Аннотация. *Степень неопределенности в экономике в последние годы возрастает. Это обусловлено, в первую очередь, геополитическими факторами, а также сопряженными с ними инфляционными и логистическими процессами. Коммерческие организации в таких условиях вынуждены адаптироваться к изменениям внешней среды. Структурные сдвиги в спросе покупателей, в цепочках поставок неминуемо отражаются на предложении товаров. Усиливающаяся ограниченность платежеспособного спроса приводит к трудностям со сбытом продукции. Происходят структурные сдвиги в продажах, активах, пассивах коммерческих организаций. Заметно повышаются операционные и финансовые, особенно кредитные, риски предпринимателей. Негативная динамика фондовых рынков, в том числе многих развивающихся стран, приводит к возникновению дополнительных трудностей с акционерным капиталом. Снижается степень доверия в деловой среде, соответственно ужесточаются условия предоставления коммерческих кредитов. Структура капитала многих коммерческих организаций в таких условиях существенно меняется. Это влечет за собой увеличение разрывов между фактической и желаемой структурой капитала. В статье рассмотрены актуальные направления развития стратегии и тактики управления структурой капитала организаций. Предложен и обоснован алгоритм анализа разрывов, нацеленный на оптимизацию структуры капитала в среднесрочной перспективе.*

Ключевые слова: *капитал, структура, стратегия управления, тактика управления, анализ разрывов.*

Для цитирования: *Лебедев А.Н.* Стратегия и тактика управления структурой капитала коммерческих организаций // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 75–82. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-75-82

© Лебедев А.Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

STRATEGY AND TACTICS OF MANAGING THE CAPITAL STRUCTURE OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

A.N. Lebedev

Abstract. *The degree of uncertainty in the economy has been increasing in recent years. This is due, first of all, to geopolitical factors, as well as associated inflationary and logistics processes. Commercial organizations in such conditions are forced to adapt to changes in the external environment. Structural shifts in customer demand and supply chains are inevitably reflected in the supply of goods. The increasing limitation of effective demand leads to difficulties in selling products. Structural changes are taking place in sales, assets, and liabilities of commercial organizations. The operational and financial, especially credit, risks of entrepreneurs are noticeably increasing. Negative performance of stock markets, including in many developing countries, leads to additional difficulties with equity capital. The degree of confidence in the business environment is decreasing, and the conditions for granting commercial loans are correspondingly becoming more stringent. The capital structure of many commercial organizations in such conditions changes significantly. This entails widening gaps between the actual and desired capital structure. The article discusses current trends in the development of strategy and tactics for managing the capital structure of organizations. An algorithm for gap analysis aimed at optimizing the capital structure in the medium term is proposed and justified.*

Keywords: *capital, structure, management strategy, management tactics, gap analysis.*

Cite as: Lebedev A.N. Strategy and tactics of managing the capital structure of commercial organizations. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 75–82. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-75-82

Введение

Структура капитала компании во многом обеспечивает ее финансовую гибкость. Оптимизируя структуру капитала, организации могут минимизировать стоимость капитала, использовать разные возможности по привлечению необходимых средств для расширения бизнеса [1]. Это непосредственно связано с управлением рисками. Сбалансированная структура капитала способствует минимизации финансовых рисков, особенно при работе с кредитами. Достижение рационального сочетания заемного и акционерного финансирования могут минимизировать потенциальные потери. Одновременно структура капитала компании посылает заинтересованным сторонам (стейкхолдерам организации) сигналы о состоянии бизнеса и его способности выполнять обязательства.

Структура капитала характеризует соотношение различных источников финансирования коммерческих организаций. Большинство из них финансируются за счет сочетания заемных и собственных средств, включая часть краткосрочной задолженности, часть долгосрочной задолженности, доли обыкновенных и привилегированных акций – вариативно, в разных пропорциях.

При определении усредненной стоимости капитала принято «взвешивать» стоимость каждого компонента структуры капитала по отношению к общей сумме. При этом основной индикатор – средневзвешенная стоимость капитала (далее – WACC). Он характеризует стоимость привлечения каждого рубля финансирования, на базе ставок по кредиту – для заемного капитала, и размеру выплаченных дивидендов – для собственного капитала [2].

Показатели средневзвешенной стоимости капитала имеют и другую сферу применения – для расчета чистой приведенной стоимости (далее – NPV) в процессе отбора инвестиционных корпоративных проектов. Сравнительно низкое значение индикатора WACC приведет к более высокому NPV, и наоборот. В финансовом менеджменте давно бытует постулат: отбирать следует только те проекты инвестиций, доходность по которым превышает среднюю стоимость капитала компании [4].

Оперативное управление капиталом менеджеры осуществляют повседневно. Тактика управления структурой капитала ориентирована в большей степени на операционные потребности организации в рамках краткосрочного периода (горизонт планирования – до года). Менеджмент вынужденно реагирует на компоненты структуры капитала, исходя из темпов изменения цены источника, условий предоставления финансирования, достигнутого уровня финансовой устойчивости организации.

В относительно стабильных условиях среды, при «нормальной» степени ее турбулентности, организации имеют потребность и возможность реализации стратегического подхода к управлению капиталом – с горизонтом планирования в десять-пятнадцать лет.

Однако с повышением степени неопределенности внешней среды, по мере возрастания ее сложности и подвижности, многие ранее выработанные и утвержденные стратегии организаций теряют свою актуальность. Современная экономика требует новых походов к сочетанию стратегии и тактики управления капиталом коммерческих организаций, его структурой.

Результаты и дискуссия

Для финансирования инвестиций, роста бизнеса, рекапитализации организации нередко вынуждены ограничиваться внутренними денежными потоками или использовать внешние источники финансирования. При этом для бизнеса, инвестора важен баланс между риском и вознаграждением.

Стратегия и тактика оптимизации структуры капитала важна для поддержки краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных планов, но требует постоянных корректировок [7]. Вдумчивое балансирование риска (дополнительного кредитного плеча) с вознаграждением (более быстрый рост по сравнению с конкурентами) может предоставить больше возможностей для повышения рентабельности операционной деятельности организации и инвестиций.

Изучение преимуществ и недостатков различных типов капитала в сочетании с пониманием потенциальной их доступности, при различных сценариях развития событий, позволяет повысить результативность стратегического планирования, а также реагировать на возникающие угрозы и возможности.

При этом целесообразно ранжировать все источники финансирования по приоритету окупаемости средств, когда капитал с более высоким приоритетом окупаемости имеет меньший риск [9]. Капитал с относительно низким приоритетом окупаемости имеет более высокий риск. Важно учитывать ожидания доходности со стороны инвестора и соответствующие затраты организации – не только явные, но и имплицитные.

Автор статьи предлагает следующую дефиницию: оптимальная структура капитала – такое сочетание источников финансирования, которое не создает дефицита или избытка капитала для существующих (среднеквартальных) объемов деятельности организации, и при этом обеспечивает наименьшую средневзвешенную стоимость капитала.

Такое определение имеет прикладное значение, так как позволяет сформировать систему ограничений (диапазон совокупного размера капитала между состоянием относительного дефицита и избытка) и критериальный показатель оценки оптимальности (минимизация уровня индикатора WACC). Это позволило нам разработать соответствующий алгоритм анализа разрывов, рассмотренный ниже.

Текущее управление капиталом, структурными сдвигами, включает мониторинг и принятие оперативных управленческих решений по поводу выбора альтернатив – по внутренней структуре собственного и заемного капитала.

Тактика управления включает такие вопросы, как использование открытых кредитных линий, применение операционного и финансового левериджа (в их взаимосвязи). Важно точно рассчитать, какой уровень кредитного «плеча» может взять на себя организация с точки зрения критерия «риск/вознаграждение».

Особую важность при этом имеет операционный, финансовый рычаг, цикличность (оборачиваемость), концентрация [10]. Операционный рычаг зависит от соотношения постоянных и переменных затрат организации (в каждой из применяемых ею бизнес-моделей). Чем выше доля постоянных затрат, тем выше операционный риск. Сочетание высоких постоянных затрат с высоким уровнем кредитного плеча (финансовый леверидж) увеличивает риск. Цикличность и оборачиваемость важны с точки зрения фактора времени и колебаний. Чем выше скорость оборота капитала, тем ниже потребность в его наращивании для операционной деятельности организации. Сочетание сильно изменчивой прибыли с высоким кредитным плечом увеличивает риск. Концентрация важна для выявления рыночных сегментов (продуктов, проектов), приносящих организации максимальный и минимальный доход. Сочетание высоко концентрированных бизнес-единиц с высоким уровнем левериджа увеличивает риск.

Проблемы оптимизации структуры капитала организаций глубоко исследовали отечественные исследователи Е.О. Корнилова [1], К.А. Овчинникова [2], В.Б. Фролова [3], А.П. Градов [4] и другие.

Проблемы стратегического управления капиталом рассматривали в том числе F.R. David [6], R.M. Grant [7], C.W. Hill [8], G.R. Jones [8], J.A. Pearce [9], R.B. Robinson [11], R.L. Lynch [10], M.A. Hitt [9], R.D. Ireland [9], R.E. Hoskisson [9].

В.Б. Фролова обоснованно утверждает: «...предприятия с растущим объемом реализации, но имеющие низкий коэффициент операционного левериджа, могут в гораздо большей степени (при прочих равных) увеличивать коэффициент финансового левериджа» [3].

Структуру капитала компании целесообразно оптимизировать так, чтобы она соответствовала долгосрочному видению бизнеса, а также позволяла компании воспользоваться инвестиционными возможностями, которые могут возникнуть через N лет [9]. Стратегия развития капитала (и соответствующие структурные сдвиги) должна позволять использовать разные (альтернативные) возможности заимствования, и при этом обеспечивать гибкость структуры капитала. Иерархия источников капитала при этом должна быть основана на приоритете окупаемости.

Применительно к долгосрочным источникам капитала особую важность имеют стратегические приоритеты организации и финансовая политика руководства. Применительно к краткосрочным источникам капитала наиболее важное значение имеет тактика взаимодействия с контрагентами.

Стратегический аспект управления капиталом затрагивает такие вопросы, как проведение первичного (далее – IPO) и вторичного размещения акций (далее – SPO), или напротив – осуществление обратного выкупа акций с рынка (так называемый «бай-бэк») привлечение долгосрочного заемного финансирования (эмиссия долгосрочных корпоративных облигаций).

В первую очередь это требует интеграции финансовой политики (от консервативной до агрессивной) с корпоративной (портфельной) стратегией организации, бизнес-стратегиями в каждом рыночном сегменте и конкурентной стратегией.

В этой сфере важно правильно определить полномочия совета директоров, исполнительной дирекции (правления), структурных подразделений, наделив их соответствующими полномочиями и ответственностью, в рамках их компетенций.

Важно учитывать наличие прямой и обратной связи: с одной стороны, стратегии организации оказывают влияние на структуру капитала; с другой – достигнутая и потенциальная структура капитала должна быть учтена при разработке корпоративной стратегии.

Чем выше турбулентность среды, тем менее устойчивы корпоративные стратегии, соответственно выше роль тактики управления. В таких условиях автор статьи считает необходимым применять технологию гэп-анализа (анализа разрывов).

Анализ разрывов целесообразно использовать в качестве отправной точки для плана действий по оптимизации структуры капитала. Его результаты могут иллюстрировать отклонение фактической структуры капитала, в сопоставлении с оптимальной (*Рисунок 1*).

Рекомендуемый алгоритм базируется на исходных данных, среди которых – фактическое соотношение заемного/собственного капитала и значение индикатора WACC по всем стратегическим бизнес-единицам (СБЕ) организации.

Разрыв определен нами как дистанция между желаемым (целевым) и фактическим состоянием системы в двух обособленных расчетах:

1) достаточность капитала для соответствующего масштаба операционной деятельности;
2) средневзвешенная стоимость капитала организации в целом.

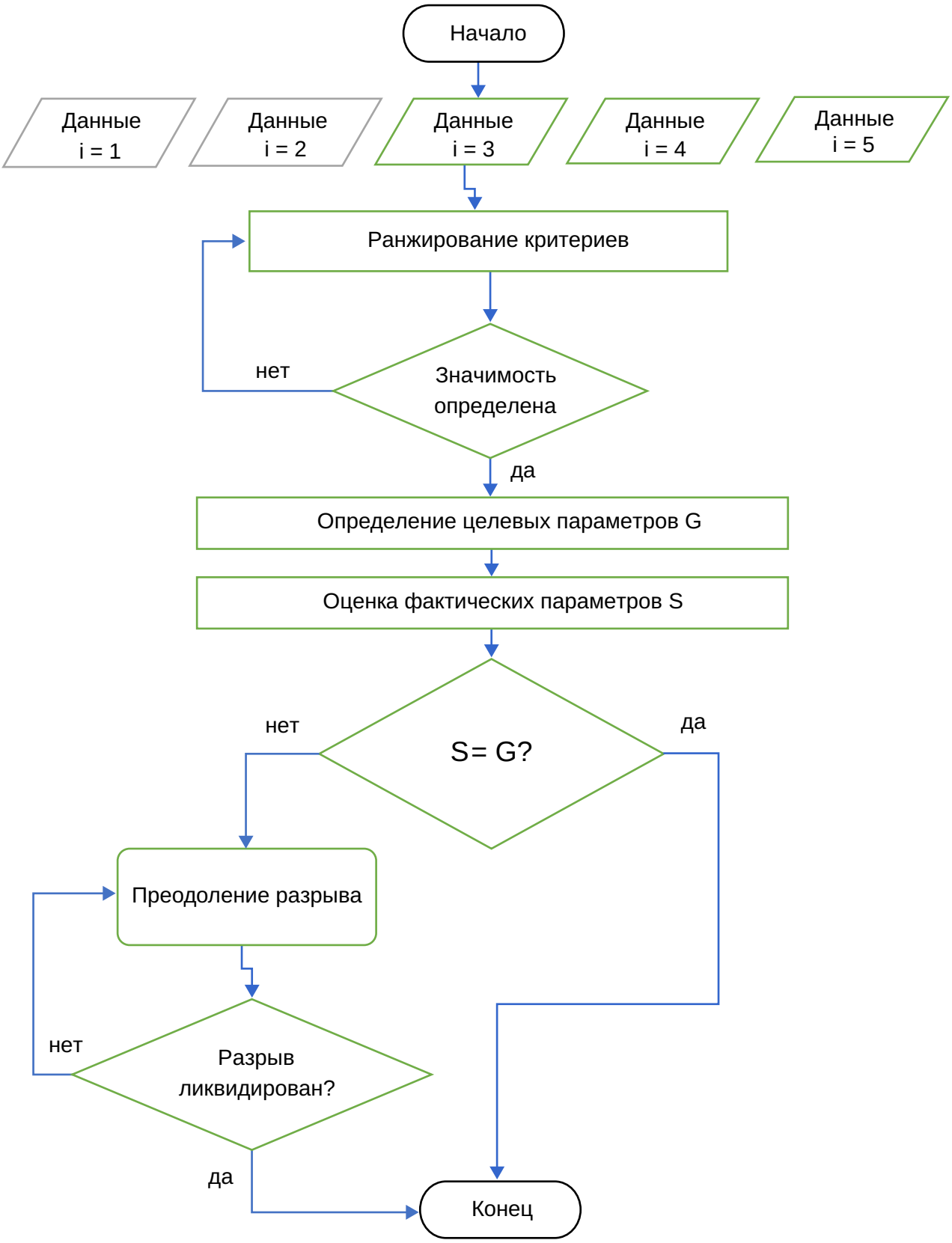

Рис. 1. Алгоритм анализа разрывов в управлении структурой капитала организации (разработано автором)

Такой алгоритм соответствует определению: оптимальная структура капитала – такое сочетание источников финансирования, которое не создает дефицита или избытка капитала для существующих (среднеквартальных) объемов деятельности организации, и при этом обеспечивает наименьшую средневзвешенную стоимость капитала.

Выводы

Предложенный методический подход позволяет сформировать систему ограничений в форме диапазона размера совокупного капитала, между состоянием относительного дефицита и избытка, и критериальный показатель оценки оптимальности (минимизация уровня индикатора WACC).

Практическое использование предложенного алгоритма позволяет менеджерам организации выявить несоответствие между целевыми и фактическими параметрами и практически применить иные инструменты управления (сценарии, «дерево целей» и др.) для минимизации обнаруженных разрывов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корнилова Е.О.* Современные подходы к оптимизации структуры капитала // ВЕКТОР ЭКОНОМИКИ. 2019. № 2. URL: https://vectoreconomy.ru/index.php/number2-2019/finance-i-kredit-2-2019 (дата обращения: 26.01.2024).
2. *Овчинникова К.А.* Планирование структуры капитала корпораций // Академический вестник. 2014. № 1 (27). С. 324–327.
3. *Остякова А.А.* Сущность капитала предприятия и источники его формирования // Экономика и социум. 2019. № 2 (57). С. 236–239.
4. *Фролова В.Б.* Оптимизация структуры капитала // Вестник МГУП. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-struktury-kapitala-1 (дата обращения: 26.01.2024).
5. Экономическая стратегия фирмы / под ред. А.П. Градова. 3-е изд., испр. СПб.: СпецЛит, 2022. 414 с.
6. *David F.R.* Strategic Management: Concepts. Hoboken, US: Prentice Hall, 2002. 368 p. ISBN 9780130497949 (ISBN10 0130497940).
7. *Grant R.M.* Contemporary Strategy Analysis. 5th Edition. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2005. 548 p.
8. *Hill C.W., Jones G.R.* Strategic Management Theory: An Integrated Approach. 8th Edition. Boston, US: College Permissions, 2008. 368 p.
9. *Hitt M.A., Ireland R.D., Hoskisson R.E.* Strategic Management: Concepts and Cases: Competitiveness and Globalization. Cengage Learning, 2012. 952 p. ISBN 9781111825874 (ISBN10: 1111825874).
10. Lynch R.L. Corporate Strategy. New Jersey: Prentice Hall, 2006. 512 p.
11. Pearce J.A., Robinson R.B. Strategic Management. New York: McGraw-Hill Education, 2004. 880 p. ISBN 9780078137167 (ISBN10: 0078137160).

REFERENCES

1. Sovremennye podhody k optimizacii struktury kapitala / E.O. Kornilova // Vektor Ekonomyki. 2019. N.2 / [Elektronnyj resurs]. https://vectoreconomy.ru/index.php/number2-2019/finance-i-kredit-2-2019

2. Ovchinnikova K.A. Planirovanie struktury kapitala korporacij / K.A. Ovchinnikova // Akademicheskij vestnik. 2014. № 1 (27). S. 324–327.
3. Ostyakova A.A. Sushchnost' kapitala predpriyatiya i istochniki ego formirovaniya / A.A. Ostyakova // Ekonomika i socium. № 2(57). 2019. S. 236–239.
4. Frolova V.B. Optimizaciya struktury kapitala // Vestnik MGUP. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-struktury-kapitala-1 (data obrashcheniya: 26.01.2024).
5. Ekonomicheskaya strategiya firmy / Pod red. A.P. Gradova. 3-e izd., ispr. SPb.: Spec-Lit, 2022. 414 s.
6. David, Fred R. (2002) Strategic Management: Concepts. January 2012. October 29, 2002. Prentice Hall. 368 p. ISBN 9780130497949 (ISBN10: 0130497940)
7. Grant, R.M., (2005) Contemporary strategy analysis. 5th Edition. Oxford, UK: Blackwell Publishing. S. 548
8. Hill, C.W., and Jones, G.R. (2008) Strategic Management Theory: An Integrated Approach. 8th Edition. Boston, US: College Permissions. 368 p.
9. Hitt, Michael A. Ireland, R. Duane, Hoskisson, Robert E. Strategic Management: Concepts and Cases: Competitiveness and Globalization. Cengage Learning. 1, 2000. ISBN 9781111825874 (ISBN10: 1111825874). 952 p.
10. Lynch, R.L., (2006) Corporate strategy. New Jersey: Prentice Hall. 512 p.
11. Pearce, John A., Robinson, Richard B. Strategic Management. McGraw-Hill Education. December 28, 2004. ISBN 9780078137167 (ISBN10: 0078137160). 880 p.

Сведения об авторе / About the author

Лебедев Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: an.lebedev@mpgu.su

Lebedev Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Economic Scienses, Professor of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: an.lebedev@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 12.12.2025 / The article was received on 12.12.2025

Статья принята к публикации 26.12.2025 / The article accepted for publication 26.12.2025

УДК 338.1
ББК 65.01
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-83-94

О СОДЕРЖАНИИ И МЕСТЕ КОНЦЕПЦИЙ «УСТОЙЧИВОГО» И «ИНКЛЮЗИВНОГО» РАЗВИТИЯ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.Г. Кузнецова

Аннотация. *В статье обосновывается, что идея инклюзивного развития сформировалась в процессе эволюции концепции устойчивого развития. Имея общие цели, такие как, например, достижения равенства и социальной справедливости, обе концепции связаны между собой, но не равны друг другу. Устойчивое развитие следует рассматривать как экосистему структур, институтов и интересов разных общественных групп. Инклюзивное развитие представляет собой ключевой элемент устойчивого развития, своего рода ориентир на равный доступ к средствам производства, рабочим местам, образованию, приводящий к сокращению неравенства, в т.ч. цифрового, с точки зрения критериев равного доступа. Концепция инклюзивного развития усиливает социально-экономическое измерение устойчивого развития. В статье обобщены ключевые принципы и международные ориентиры инклюзивного развития. Делается вывод о том, что обе концепции представляют собой скорее благие намерения и практически трудно осуществимы. Более вероятно, что инклюзивная устойчивость достигается с помощью принципов и определенных механизмов регенеративной экономики.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, инклюзивное развитие, устойчивый рост, инклюзивный рост, модель развития, регенеративная экономика, инклюзивная устойчивость.*

Для цитирования: *Кузнецова Е.Г.* О содержании и месте концепций «устойчивого» и «инклюзивного» развития в понятийном аппарате исследования мировой экономики // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 83–94. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-83-94

© Кузнецова Е.Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ON THE CONTENT AND PLACE OF THE CONCEPTS OF "SUSTAINABLE" AND "INCLUSIVE" DEVELOPMENT IN THE CONCEPTUAL APPARATUS OF GLOBAL ECONOMIC RESEARCH

E.G. Kuznetsova

Abstract. *This article argues that the idea of inclusive development emerged during the evolution of the concept of sustainable development. While sharing common goals, such as achieving equality and social justice, both concepts are interconnected but not equivalent. Sustainable development should be viewed as an ecosystem of structures, institutions, and interests of different social groups. Inclusive development represents a key element of sustainable development, a benchmark for equal access to the means of production, jobs, and education, leading to a reduction in inequality, including digital inequality, in terms of equal access criteria. The concept of inclusive development enhances the socioeconomic dimension of sustainable development. The article summarizes the key principles and international benchmarks for inclusive development. It concludes that both concepts represent largely good intentions and are difficult to implement in practice. It is more likely that inclusive sustainability is achieved through the principles and specific mechanisms of a regenerative economy.*

Keywords: *sustainable development, inclusive development, sustainable growth, inclusive growth, development model, regenerative economy, inclusive sustainability.*

Cite as: Kuznetsova E.G. On the content and place of the concepts of "sustainable" and "inclusive" development in the conceptual apparatus of global economic research. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 4, pp. 83–94. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-83-94

Введение

Устойчивое развитие – глобальная повестка для блага настоящих и будущих поколений. Под устойчивым развитием чаще всего подразумевают экономический рост с заботой об окружающей среде, способствующий разрешению социальных проблем. Иными словами, речь идет о балансе между экономическим ростом, экологическим и социальным развитием.

Институт международной торговли и устойчивого развития (ИМТУР) определяет устойчивое развитие как «модель развития человеческой цивилизации, базирующейся на необходимости соблюдать баланс между решением социальных и экономических проблем и сохранением природной среды» [6]. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.) устойчивое развитие определяется как стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы [4]. Как считает Евразийская экономическая комиссия, «в то время, как наблюдаемые темпы экономического роста характеризуют текущее

состояние экономики, представление о будущих перспективах ее развития, источниках и внешних эффектах роста, равномерности участия экономических агентов в процессах производства и распределения может быть сформировано с использованием понятий устойчивый и инклюзивный рост» [3].

Актуальность исследования заключается в необходимости поиска новых парадигм и теоретических подходов, обеспечивающих разработку нетривиальных моделей экономического развития, которые позволят обеспечить задачи достижения устойчивых темпов экономического роста, международной конкурентоспособности страны, повышение уровня жизни населения. Предлагаемое исследование призвано решить задачу методологического и теоретического обоснования содержания и места концепций «устойчивого» и «инклюзивного» развития в понятийном аппарате исследования мировой экономики, рассмотреть инклюзивное развитие как цель и средство устойчивого развития. В таких совместных работах с д.э.н., профессором Е.Ф. Авдокушиным, как «Поиск новой модели развития: регенеративная экономика», «Регенеративная экономика как составная часть новой экономической системы», «Регенеративная экономика как фактор устойчивого развития»[1] и др., были выявлены недостатки сложившейся практики реализации бизнес-модели устойчивого развития. В более ранних своих работах проф. Авдокушин раскрыл понятие «инклюзивного» развития, выделил основные элементы инклюзивного роста в различных моделях социально-экономического развития (китайской, американской, российской и др.)[2].

Однако недостаточно внимания было уделено соотнесению понятий «устойчивое развитие» и «инклюзивное развитие». Задачами исследования являются: сравнительная характеристика устойчивого развития (роста) и инклюзивного развития (роста); их взаимосвязь и взаимодействие; выделение основных этапов развития обеих концепций; определение основных черт и особенностей; разработка основных императивов, связывающих между собой модели устойчивого и инклюзивного развития, с выходом на их якорную структуру экосистемы – регенеративную экономику.

Методы

В рамках общенаучных методологических подходов применялись сущностный, функциональный, системный анализ, а также современные положения синергетически ориентированных методологических концепций. Институциональный подход как элемент системной методологической концепции позволил выделить ценностные институты («доверие», «честность», «справедливость», «взаимопомощь», «сотрудничество» и пр.) и их роль в развитии обеих концепций. С позиции системного анализа раскрыто триединое содержание понятия «инклюзивное развитие». В рамках общефилософского подхода «устойчивое развитие» и «инклюзивное развитие» рассматривались как диалектически развивающееся во времени и пространстве социально-экономическое явление под влиянием совокупности факторов, определяющих становление новой экономики цифровой эпохи. Логико-генетический подход

[1] *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Поиск новой модели развития: регенеративная экономика // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 4. С. 20–46; *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Регенеративная экономика как составная часть новой экономической системы // Международная торговля и торговая политика. 2023. Т. 9. № 1. С. 6–21.

[2] *Авдокушин Е.Ф.* Мировая экономика: от «новой нормальности» к новым прорывам? // Вопросы новой экономики. 2018. № 1 (45). С. 4–15; [1].

позволил установить, что обе концепции прошли определенные этапы. На основе сущностного анализа дана характеристика дефиниций «устойчивое развитие» и «инклюзивное развитие», показаны их существенные различия. Использование методов логического моделирования и научной экстраполяции позволило обосновать тезис о том, что «инклюзивная устойчивость» должна достигаться с помощью принципов и определенных механизмов регенеративной экономики.

Основное исследование

Начало поиска новой модели развития можно отнести к 1972 г., когда был выпущен доклад членов Римского клуба под названием «Пределы роста», в написании которого приняла участие группа исследователей Массачусетского технологического института (Денис Медоуз, Донелла Медоуз и др.). В 1983 г. на Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию, созванной ООН, был утвержден термин «устойчивое развитие» (sustainable development) и его объяснение через связь поколений. В 1987 г. устойчивое развитие, определенное в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED) как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, не угрожая возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности», становится главным направлением международной политики и исследовательского фокуса. После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. поиск новой модели развития мировой экономики существенно активизировался. Начавшаяся в начале 10-х годов XXI в. новая «четвертая промышленная революция», основанная на информационно-коммуникационных технологиях с фокусом на цифровизацию, дала основания для выработки новой парадигмы развития. В сентябре 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН была принята программа «Цели устойчивого развития» (ЦУР), содержащая 17 взаимосвязанных целей, входящих в повестку ООН до 2030 г., которую взяли на вооружение многие страны и компании. Таким образом, устойчивое развитие во многом стало нормой в движении современной мировой экономики. Устойчивое развитие, как показывают современные исследования этой проблемы, предстает как уменьшение экологического следа разного рода хозяйственной деятельности, что, с одной стороны, вполне соответствует приоритетам ЦУР, о которых говорилось выше.

С другой стороны, Программа ООН обнаружила целый ряд сбоев в достижении намеченных целей, особенно во время пандемии коронавируса COVID-19. Проблемы достижения ЦУР вызывают всё большую озабоченность у многих исследователей современной модели капитализма. Модель традиционной рыночной экономики подвергается углубленному анализу и критике с позиций ЦУР.

Рассмотрим, способствует ли достижению ЦУР «инклюзивное развитие» мировой экономики. Начнем наше исследование с более подробного рассмотрения самого документа ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В документе содержится риторическая приверженность «устойчивому развитию» (упоминание о нем 85 раз). В нем не упоминается «инклюзивное развитие». В нем содержится 41 ссылка на термин «инклюзивный», включая шесть ссылок на «инклюзивные общества» и «инклюзивный и устойчивый экономический рост» соответственно, а также одна ссылка на «инклюзивный рост». Основное внимание уделяется «росту», который повторяется 16 раз (иногда с добавлением таких прилагательных, как «инклюзивный» или «устойчивый») [11].

Как полагают западные исследователи, «устойчивое развитие часто приводит к серьезным компромиссам, в основном в пользу экономического роста. Инклюзивное развитие отвечает на это, сосредоточившись главным образом на социальных и экологических аспектах развития и на нынешних поколениях». Следует различать понятия «инклюзивный рост» (который объединяет рост с социальными аспектами) и «инклюзивное развитие» (которое фокусируется на социальных и экологических аспектах).

Достижению устойчивого развития препятствовали компромиссы в пользу экономического роста в ущерб социальному благополучию и экологической устойчивости, что повлияло существенным образом на реализацию ЦУР. В концепции инклюзивного развития особо подчеркиваются социальные, экологические и политические аспекты развития. С точки зрения инклюзивного развития, успешная реализация ЦУР будет означать не только сокращение бедности и маргинализации, повышение экологической устойчивости и минимизацию разрыва между сильными и слабыми. Скорее, это также означает признание прочной связи между целями и средствами и способами их интеграции в глобальное общество. Это требует концептуальной согласованности между самими ЦУР и тем, как они применяются. Таким образом, методы реализации должны включать в себя принципы инклюзивного развития, чтобы преодолеть несправедливое соотношение сил и действительно достичь поставленных целей [12].

Рост считается инклюзивным, если он является долгосрочно устойчивым, широкомасштабным, охватывает все сектора, охватывает значительную часть рабочей силы страны и делает акцент на производительной занятости как способе повышения доходов и уровня жизни маргинализированных и бедных групп. К основным элементам инклюзивного роста следует относить: развитие сельского хозяйства, сокращение бедности, равное распределение доходов, создание рабочих мест, развитие социального сектора, промышленное развитие, защиту окружающей среды, сокращение региональных различий.

Внедрение модели инклюзивного развития будет способствовать устойчивому росту. Инклюзивный рост обеспечивает высокий уровень инвестиций, быстрые инновации и устойчивый рост ВВП параллельно с сокращением неравенства доходов [9]. Инклюзивное развитие определяется как подход, подчеркивающий социальную, экологическую и межличностную инклюзивность, направленный на обеспечение справедливого доступа к основным ресурсам и их распределения, одновременно способствуя экологическому и социальному благополучию. Инклюзивное развитие – это многоуровневый, многогранный процесс [13].

Всемирный банк определил в 2009 г. инклюзивный рост как «высокие и устойчивые темпы экономического роста, которые широко распространены во всех секторах экономики, охватывают значительную часть рабочей силы и предоставляют всем равные возможности доступа к рынкам и ресурсам». Такой рост считается важнейшим фактором сокращения бедности, поскольку он позволяет большему числу людей вносить вклад в экономическое развитие и получать от него выгоду [15].

Европейская комиссия в 2010 г. разработала стратегию разумного, устойчивого и инклюзивного роста до 2020 г., где устойчивый рост рассматривается как «содействие развитию более ресурсоэффективной, экологичной и конкурентоспособной экономики», а инклюзивный рост – как «содействие развитию экономики с высокой занятостью, обеспечивающей экономическую, социальную и территориальную сплоченность» [10].

Инклюзивное развитие – это подход к развитию, направленный на обеспечение того, чтобы преимущества экономического роста и прогресса были доступны всем членам общества, независимо от их происхождения, особенностей или обстоятельств. Цель – создание возможностей и сокращение неравенства. Термин «инклюзивное развитие» со временем эволюционировал, отражая меняющиеся взгляды на экономический и социальный прогресс. Эта концепция берет начало в дискуссиях о теории и политике развития. Хотя точного момента возникновения термина нет, он приобрел известность благодаря критике более ранних парадигм развития:

1. Ранний дискурс развития (1950–1960-е гг.). Период после Второй мировой войны характеризовался усилиями по содействию экономическому развитию в новых независимых странах. В результате основное внимание уделялось экономическому росту и индустриализации.
2. Критика моделей, ориентированных на рост (1970–1980-е гг.). В 1970–1980-е гг. появилась критика чисто экономических моделей, ориентированных на рост. В результате ученые и практики начали сомневаться в эффективности универсальных стратегий развития, основанных на принципах «сверху вниз». Кроме того, теория зависимости и теория мировых систем выявили неравное соотношение сил между развитыми и развивающимися странами.
3. Парадигма развития человека (1990-е гг.). Программа ООН (UNDP) также сыграла значительную роль в смещении акцента с чисто экономических показателей на более широкий анализ человеческого благополучия. Индекс развития человека, введенный в 1990 г., отразил этот сдвиг, включив в него такие показатели, как образование и ожидаемая продолжительность жизни, наряду с доходом.
4. Инклюзивный рост (2000-е гг.): в начале 2000-х гг. термин «инклюзивный рост» также набрал популярность. Он подчеркивал необходимость более справедливого распределения выгод экономического роста между различными слоями общества. Идея заключалась в том, чтобы обеспечить, чтобы выгоды экономического развития доходили не только до обеспеченных, но и до маргинализированных и уязвимых групп.
5. Инклюзивное развитие (2010-е гг. – настоящее время): термин «инклюзивное развитие» стал использоваться более широко в 2010-х гг., что свидетельствует о более комплексном подходе к развитию. Инклюзивное развитие включает в себя социальные, экономические и экологические аспекты, подчеркивая участие, расширение прав и возможностей, доступность и устойчивость.

Как считают некоторые зарубежные исследователи, принципы инклюзивного развития – это основополагающие концепции, определяющие подход к содействию экономическому и социальному прогрессу таким образом, чтобы он вовлекал и приносил пользу всем членам общества. К ним относятся: 1) социальная сплоченность, 2) равенство, 3) участие, 4) доступность, 5) расширение прав и возможностей, 6) устойчивость [16].

Устойчивость в инклюзивном развитии подразумевает ответственное использование ресурсов. Следовательно, это подразумевает учет долгосрочного воздействия на окружающую среду, общество и экономику. Это включает в себя баланс между

текущими потребностями и потребностями будущих поколений, продвижение экологически безопасных методов и дальнейшее обеспечение того, чтобы инициативы в области развития способствовали долгосрочному благополучию.

Экологическая устойчивость является одним из важных компонентов инклюзивного роста. Сохранение природных ресурсов и предотвращение ухудшения состояния окружающей среды критически важны для долгосрочного экономического роста. Инклюзивная политика направлена на поддержку экологической устойчивости и обеспечение здоровой окружающей среды для всех [2; 7].

Инклюзивное развитие и устойчивое развитие имеют общие цели. К ним относятся содействие благополучию, сокращение неравенства и обеспечение долгосрочной жизнеспособности экономических, социальных и экологических систем. Инклюзивное развитие, ориентированное на равенство и участие, часто рассматривается как ключевой компонент устойчивого развития. Инклюзивный подход к развитию способствует устойчивости результатов развития. Это достигается за счет обеспечения широкого распределения выгод роста, минимизации социальной напряженности и повышения общей устойчивости общества. Иногда возможны компромиссы между краткосрочными экономическими выгодами и долгосрочной устойчивостью. Достижение баланса между инклюзивной политикой и устойчивостью требует тщательного анализа социальных, экономических и экологических аспектов [16].

Инклюзивный рост может быть устойчивым только в том случае, если он обеспечивает более высокие темпы экономического роста, борьбу с бедностью, сокращение неравенства посредством социальной и цифровой интеграции, а также создание возможностей для продуктивной занятости для нынешнего и будущих поколений [8].

Инклюзивный рост – это стратегия развития, направленная на обеспечение экономического прогресса для всех слоев общества при сохранении экологической устойчивости, которая направлена на сокращение неравенства, содействие социальной справедливости и обеспечение того, чтобы рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды. В эпоху, когда экономическое неравенство и изменение климата вызывают серьезные опасения, инклюзивный рост стал важнейшим политико-экономическим подходом. В отличие от традиционного экономического роста, который часто приводит к неравномерному распределению богатства, инклюзивный рост обеспечивает распределение благ между различными социальными группами, включая маргинализированные слои, такие как бедные, женщины и сельское население [14].

Ключевые характеристики инклюзивного роста включают в себя:

1. Справедливое распределение богатства – обеспечение справедливого распределения экономических выгод.
2. Создание рабочих мест – создание возможностей для всех, особенно для социально незащищенных групп.
3. Устойчивое развитие – содействие экологически ответственному и ресурсоэффективному росту.
4. Социальная защита – укрепление программ социального обеспечения для защиты уязвимых групп населения.
5. Институциональное укрепление – обеспечение прозрачности, эффективного управления и участия в принятии решений.

В отличие от инклюзивного роста, к ключевым аспектам устойчивого роста, по мнению западных авторов, относятся:

1. Зеленая экономика и возобновляемые источники энергии. Переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, таким как солнечная, ветровая и гидроэнергетика, имеет решающее значение для устойчивого развития. Зеленая экономика делает акцент на низкоуглеродном развитии и энергоэффективных отраслях.
2. Эффективность использования ресурсов и экономика замкнутого цикла. Устойчивый рост стимулирует эффективное использование природных ресурсов и способствует развитию экономики замкнутого цикла, где отходы сводятся к минимуму, а материалы используются повторно и перерабатываются.
3. Инфраструктура, устойчивая к изменению климата. Развитие инфраструктуры, устойчивой к изменению климата, такой как, например, устойчивое к наводнениям жилье, агротехнические приемы, мелиоративные мероприятия и использование систем орошения в засухоустойчивом сельском хозяйстве, устойчивое городское планирование в сфере инфраструктуры, включающее комплексный подход к проектированию и организации городской среды, направленный на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, обеспечивает долгосрочную экономическую стабильность.
4. Устойчивое сельское хозяйство. Экологически устойчивые методы ведения сельского хозяйства, такие как органическое земледелие, водосбережение и сокращение использования химикатов, способствуют долгосрочной продовольственной безопасности и экологическому балансу.
5. Сохранение биоразнообразия и лесоразведение. Защита экосистем и содействие программам лесоразведения способствуют сохранению биоразнообразия и борьбе с изменением климата. Устойчивое лесное хозяйство и сохранение дикой природы являются неотъемлемой частью баланса экономических и экологических целей [14].

Таким образом, западные исследователи приходят к следующим выводам: объединяя инклюзивность и устойчивое развитие, общества могут достичь долгосрочного процветания, не истощая природные ресурсы и не усугубляя социально-экономическое неравенство. Правительства, компании и отдельные лица должны совместно работать над моделью роста, которая ставит во главу угла равенство, охрану окружающей среды и экономическую стабильность. Будущее развития заключается в содействии развитию экономики, которая приносит пользу всем и одновременно защищает планету для будущих поколений. Вслед за ними российские исследователи отмечают, что концепция устойчивого развития стала более сложной и многогранной, т.к. в настоящее время она включает в себя не только экологическую, но и социальную и экономическую составляющие, каждая из которых имеет свой набор индикаторов и метрик [2; 5].

Заключение

Следует отметить существенную эволюцию взглядов западных и российских авторов на содержание и роль концепций «устойчивого» и «инклюзивного» роста в мировом развитии. Однако, по нашему мнению, им придается слишком важная роль в достижении ЦУР: их предложения и выводы зачастую больше похожи на благие пожелания. И тому есть доказательства. С 2016 г. глобальное издание Доклада

об устойчивом развитии (SDR) предоставляет самые актуальные данные для отслеживания и оценки достижений всех государств – членов ООН в достижении ЦУР. В 2024 г. группой независимых экспертов Центра трансформации ЦУР, инициативы SDSN, было подготовлено издание, посвященное Саммиту ООН будущего, а его вступительная глава получила одобрение более 100 мировых ученых и практиков. Доклад включает две тематические главы, связанные с ЦУР 17 (Укрепление средств осуществления и активизация Глобального партнерства в интересах устойчивого развития) и ЦУР 2 (Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также содействие устойчивому развитию сельского хозяйства). В докладе отмечается, что:

1. В среднем только 16% задач ЦУР будут достигнуты в глобальном масштабе к 2030 г., а по остальным 84% наблюдается ограниченный прогресс или откат.
2. Темпы достижения ЦУР существенно различаются в разных группах стран. Страны Северной Европы продолжают лидировать в достижении ЦУР, страны БРИКС добились значительного прогресса, в то время как бедные и уязвимые страны значительно отстают.
3. Устойчивое развитие остается долгосрочной инвестиционной задачей. Реформирование глобальной финансовой архитектуры актуально как никогда.
4. Цели устойчивого развития, связанные с продовольственными и земельными системами, особенно далеки от достижения.
5. Цели и задачи, связанные с базовым доступом к инфраструктуре и услугам, включая ЦУР 9 (Промышленность, инновации и инфраструктура), демонстрируют несколько более позитивные тенденции, хотя прогресс остается слишком медленным и неравномерным по странам.

Практика реализации бизнес-модели устойчивого развития последних лет показывает, что она не позволяет в полной мере реализовать ЦУР. Ориентации на устойчивое развитие уже недостаточно. В современном мировой экономике настало время для существенной перестройки, опирающейся на приоритет человеческих ресурсов, экологичность, инклюзивность и в целом на достижение ЦУР. Инклюзивное развитие призвано минимизировать негативные последствия неравномерности международного развития и содействовать движению государства по пути прогресса. В центре инклюзивного развития стоит человек, поэтому приоритетными направлениями здесь являются все аспекты его жизни и деятельности, включая культуру, образование, здравоохранение, науку, трудоустройство, социальное обеспечение, творчество [1].

Однако одного понимания важности устойчивого и инклюзивного развития явно недостаточно. Весьма важной не только научной, но и практической проблемой является использование Россией модели инклюзивного развития. В особенности в современных условиях широких международных санкций. Россию фактически пытаются вытолкнуть из орбиты глобальных мирохозяйственных связей. Опыт последнего десятилетия многих стран мира и международных компаний свидетельствует, что модели устойчивого и инклюзивного развития не способны повысить устойчивость в масштабе, необходимом для обеспечения поступательного развития бизнеса в будущем. Обе концепции представляют собой скорее благие намерения и практически неосуществимы. Как мы полагаем вместе с отдельными представителями зарубежной и отечественной экономической науки с более практическим подходом, инклюзивная устойчивость достигается с помощью принципов

и определенных механизмов регенеративной экономики. Модель регенеративной экономики – это модель, способствующая достижению ЦУР, трансформации системы взглядов, отходу от сложившихся стереотипов рыночной экономики, а также выведению ее на новый уровень социальности, экологичности, инклюзивности[3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдокушин Е.Ф., Иванова В.Н.* Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения // Вопросы новой экономики. 2014. № 3 (31). С. 4–13.
2. *Ерлыгина Е.Г., Штебнер С.В.* Экологическая устойчивость в концепции устойчивого развития // Бюллетень науки и практики [= Bulletin of Science and Practice]. 2022. Т. 8. № 6. С. 134–141. URL: https://www.bulletennauki.ru/gallery/%D0%91%D0%9D%D0%9F%20%E2%84%966%202022.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
3. Концепция устойчивого развития. ИМТУР. URL: https://esg-library.mgimo.ru/rubricator/ustoychivoe-razvitie/kontseptsiya-ustoychivogo-razvitiya/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 18.12.2025).
4. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 // Президент России: оф. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (дата обращения: 18.01.2026).
5. *Сулимин В.В., Шведов В.В.* Анализ индикаторов устойчивого развития в разрезе государственного управления // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (47). С. 472–476.
6. Устойчивое развитие и инклюзивный рост // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/sustainable_and_inclusive.php (дата обращения: 18.12.2025).
7. A Necessity for Sustainable Development: Inclusive Growth // The BC log. Dec. 2024. URL: https://www.thebclog.com/en/a-necessity-for-sustainable-development-inclusive-growth#:~:text=Environmental%20sustainability%20is%20among%20the,%22%20and%20%22Climate%20Action.%22 (дата обращения: 18.12.2025).
8. *Aslam A., Ghouse G.* Targeting the New Sustainable Inclusive Green Growth: A Review // Cleaner and Responsible Consumption. 2023. Vol. 11. Art. 100140. P. 1–13. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666784323000414#:~:text=In%20post%2DCovid%2D19%20times,while%20designing%20the%20conceptual%20framework (дата обращения: 18.01.2026).
9. *Deka D., Sinngh S.R., Singh A., Shrivastava A., Gorowara N., Varma R.A.* Environment and Inclusive Growth: Concerns and Solutions // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 49 (12). URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2024/21/e3sconf_icecs2024_02004/e3sconf_icecs2024_02004.html (дата обращения: 18.12.2025).
10. European Commission. Communication from the Commission. EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth // EUR-Lex.europa. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:en:PDF (дата обращения: 18.01.2026).

[3] См. подробнее: *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Регенеративная экономика как фактор устойчивого развития // Вопросы новой экономики 2024. № 2 (70). С. 4–13; *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Регенеративная экономика как составная часть новой экономической системы // Международная торговля и торговая политика. 2023. Т. 9. № 1. С. 6–21.

11. *Gupta J., Vegelin C.* Sustainable Development Goals and Inclusive Development // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2016. Vol. 16. P. 433–448. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10784-016-9323-z (дата обращения: 18.12.2025).
12. *Gupta J., Pouw N.R.M., Ros-Tonen M.A.F.* Towards an Elaborated Theory of Inclusive Development // The European Journal of Development Research. 2015. Vol. 27. P. 541–559. URL: https://doi.org/10.1057/ejdr.2015.30 (дата обращения: 18.12.2025).
13. *Ianchovichina E., Lundstrom S.* Inclusive Growth Analytics. Framework and Application // World Bank Document. 2009. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/771771468180864543/pdf/WPS4851.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
14. Inclusive Growth: A Strategy for Inclusiveness and Sustainability // UPPCS Magazine. 2025. URL: https://uppcsmagazine.com/inclusive-growth-a-strategy-for-inclusiveness-and-sustainability/ (дата обращения: 18.12.2025).
15. *Pouw N., Gupta J.* Inclusive Development: A Multi-Disciplinary Approach // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2017. Vol. 24. P. 104–108. URL: https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/inclusive-development (дата обращения: 18.12.2025).
16. *Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G.* The SDGs and the UN Summit of the Future. Sustainable Development Report 2024. Paris: SDSN; Dublin: Dublin University Press, 2024. URL: https://doi.org/10.25546/108572 (дата обращения: 18.12.2025).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 No. 440. On the Concept of the Transition of the Russian Federation to Sustainable Development. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (date of access: 18.12.2025).
2. Avdokushin E. F., Ivanova V. N. Inclusive Development: Main Directions, Basic Prerequisites, and Possible Limitations // Issues of the New Economy. 2014. No. 3 (31). P. 4–13.
3. Erlygina E. G., Shtebner S. V. Environmental Sustainability in the Concept of Sustainable Development // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8. No. 6. P. 134–141. URL: https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/14 (date of access: 18.12.2025).
4. The concept of sustainable development. IMTUR. URL: https://esg-library.mgimo.ru/rubricator/ustoychivoe-razvitie/kontseptsiya-ustoychivogo-razvitiya/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access: 18.12.2025).
5. Sulimin V.V., Shvedov V.V. Analysis of sustainable development indicators in the context of public administration // Natural Sciences and Humanities Studies No. 3 (47), 2023. pp. 472–476.
6. Sustainable Development and Inclusive Growth. Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/sustainable_and_inclusive.php (accessed: 18.12.2025).
7. A Necessity for Sustainable Development: Inclusive Growth. The BC log. Dec. 2024. URL: https://www.thebclog.com/en/a-necessity-for-sustainable-development-inclusive-growth#:~:text=Environmental%20sustainability%20is%20among%20the,%22%20and%20%22Climate%20Action.%22 (дата обращения: 18.12.2025).
8. Aribah Aslam, Ghulam Ghouse. Targeting the new sustainable inclusive green growth: A review // Cleaner and Responsible Consumption, 2023, Volume 11, 100140, pp. 1–13. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666784323000414#:~:text=In%20post%2DCovid%2D19%20times,while%20designing%20the%20conceptual%20framework (дата обращения: 18.12.2025).

9. Deka D., Sinngh S.R., Singh A., Shrivastava A., Gorowara N., Varma R.A. Environment and Inclusive Growth: Concerns and Solutions // E3S Web of Conferences. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2024/21/e3sconf_icecs2024_02004/e3sconf_icecs2024_02004.html (дата обращения: 18.12.2025).
10. European Commission. Communication from the Commission EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth URL:https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:en:PDF (дата обращения: 18.12.2025).
11. Gupta J, Vegelin C. Sustainable development goals and inclusive development // Springer. April 2016, Volume 16, pages 433–448. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10784-016-9323-z (дата обращения: 18.12.2025).
12. Gupta J., Pouw N. R. M., Ros-Tonen M. A.F. Towards an Elaborated Theory of Inclusive Development // The European Journal of Development Research. Aug. 2015, Volume 27, pages 541–559. URL: https://doi.org/10.1057/ejdr.2015.30 (дата обращения: 18.12.2025).
13. Ianchovichina E., Lundstrom S. World Bank Document.2009. Inclusive Growth Analytics. Framework and Application. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/771771468180864543/pdf/WPS4851.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
14. Inclusive Growth: A Strategy for Inclusiveness and Sustainability. 2025. URL: https://upcsmagazine.com/inclusive-growth-a-strategy-for-inclusiveness-and-sustainability/ (дата обращения: 18.12.2025).
15. Pouw N., Gupta J. Inclusive development: a multi-disciplinary approach // Current Opinion in Environmental Sustainability, Feb. 2017, Volume 24, Pages 104–108 . URL: https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/inclusive-development (дата обращения: 18.12.2025).
16. Sachs, J.D., Lafortune, G., Fuller, G. (2024). The SDGs and the UN Summit of the Future. Sustainable Development Report 2024. Paris: SDSN, Dublin: Dublin University Press. doi:10.25546/108572.

Сведения об авторе / About Author:

Кузнецова Елена Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: eg.kuznetsova@mpgu.su

Kuznetsova Elena Gennadievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: eg.kuznetsova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 21.12.2025 / The article was received on 21.12.2025

Статья принята к публикации 29.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025

УДК 340 (063)
ББК 67.0
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-95-100

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ И СОВРЕМЕННОМ РАКУРСЕ

Н.А. Колоколов

Аннотация. *За Веру, Царя и Отечество! Универсальный девиз, начиная с XIX в., был широко распространен в Российской империи. Существовали и иные его версии, например: «Православие, самодержавие и народность». Их расшифровка была понятна каждому. Вера – идеология, Царь – форма правления, трансформированная в конкретных лидеров, Отечество – это то, что каждый понимает по-своему, памятуя при этом, что оно у конкретного народа одно. Каков же в таких условиях девиз служителей Фемиды?*

Ключевые слова: *судебная система, суд, правосудие, история развития судебной системы в России, идеология правосудия.*

Для цитирования: *Колоколов Н.А.* Судебная власть в историко-правовом и современном ракурсе // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 95–100. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-95-100

JUDICIAL POWER IN THE HISTORICAL, LEGAL AND MODERN PERSPECTIVE

N.A. Kolokolov

Abstract. *For the Faith, the Tsar and the Fatherland! The universal motto has been widespread in the Russian Empire since the 19th century. There were other versions of it, for example: "Orthodoxy, autocracy and nationality." Their decoding was clear to everyone. Faith is an ideology, the Tsar is a form of government transformed into specific leaders, the Fatherland is something that everyone understands in their own way, bearing in mind that it is one for a particular people. In such circumstances, what is the motto of the servants of Themis?*

© Колоколов Н.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *judicial system, court, justice, history of the development of the judicial system in Russia, ideology of justice.*

Cite as: Kolokolov N.A. Judicial power in the historical, legal and modern perspective. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 95–100. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-95-100

Введение

Современной европейской цивилизации (другие нами не рассматриваются) известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская. На текущий момент побеждает первая. Коммунистическая идеология и соответствующая ей форма государства уже прошла основные стадии своего существования (генезис, расцвет и смерть), фашистская идеология опорочила себя еще на этапе зарождения.

Методы исследования базируются на принципах комплексности, всесторонности, а также включают исторический метод познания, системно-структурный метод, сравнительный и логические методы познания.

Основная часть

Собственно говоря, существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае бесправные изгои – лица, названные эксплуататорами, их уничтожали целыми классами, во втором изгои – целые нации, представители которых также уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще судебно-властные отношения для России не характерны, ибо для россиянина основа власти – ее вертикаль. Судья – мелкий чиновник, в советские годы даже председатель суда в районе был менее авторитетен, чем, например, прокурор, не говоря уже о начальнике милиции. Председатель суда на работу ходил пешком, а прокурора и начальника милиции возили на машине. Скажем больше, у начальника милиции был еще и многочисленный аппарат, который мог к правонарушителю и силу применить. Перечисленных символов власти судья всегда был лишен.

Если с Родиной всё ясно, то возникает вопрос: какова идеология правосудия, какого Царя почитают в судебной системе?

Вопрос далеко не праздный, особенно в силу того, что без идеологии нет политики, а суд, сколько бы ни говорили о его деидеологизации и деполитизации, – орган государственной, следовательно, политической власти, которая без идеологии немыслима [3]. В текущий момент Россия в очередной раз пересматривает свое отношение к европейской идеологии. Ряд свойственных ей суждений, облеченных

в решения Европейского Суда по права человека, уже признан неприемлемыми, как долго будет длиться данный процесс, судить читателю.

Был ли суд в пореформенной царской России?

Считается, что судебного права, в том смысле, который ему придается европейской цивилизацией, в России никогда не было. Сами понятия «суд» и «право» толковались совсем не так, как, например, это принято в той же Англии или Франции. Категория «суд» для русского человека – понятие скорее философское. Оно известно каждому христианину практически с рождения, как суд страшный, божий. «Есть грозный судия: он ждет; он не доступен звону злата» (М.Ю. Лермонтов, 1836).

Что касается суда светского, то как социально-правовой субстанции в европейском понимании его в России не было. Неслучайны слова М.Ю. Лермонтова «Таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда – всё молчи!». Как видим, наличие закона (статута) автоматически не означало наличия права (правды) в форме развитых правопорядков. Да, законы существовали, но права европейского уровня, основанного на равенстве, в Российской империи не было. Как следствие, не было правосудия также в его классическом понимании. «Здесь барство дикое, без чувства, без закона» (А.С. Пушкин, 1819). «Естественно, что люди, получившие европейское образование, были вынуждены “любить Отчизну странною любовью”» (М.Ю. Лермонтов, 1841).

Информацией об отсутствии настоящего суда переполнена практически вся литература. Вот, например, записи и дневник академика и профессора А.В. Никитенко. «Отец верил, что закон должен быть на стороне того, кто перед ним чист. Он не хотел понять, что жил в стране бюрократического произвола и что такому бедняку, как он не прилично опираться на право там, где его в сущности никто не имел, а он меньше всех» [5, с. 61].

Убийственной критике российский суд присяжных, который не смог разобраться в элементарном деле, в своем романе «Воскресение» (написан в 1889–1899 гг.) подверг Л.Н. Толстой (1828–1910).

В наши дни появились авторы, которые изучили все черновые варианты романа (проф. Е.А. Есаков) [7], которые по-своему справедливо критикуют уже Льва Николаевича за какие-то юридические неточности [2]. Публикация проф. Е.А. Есакова подвигла нас прочитать отповедь «Старого судьи», который обратился с открытым письмом к графу Л.Н. Толстому [6], в котором доказывал, что выведенные Львом Николаевичем образы нехарактерны для правосудия того времени, когда о таковом было принято говорить лишь одними восторженными эпитетами.

Нам очевидно пока только одно: суд присяжных для России был нов, оригинален и уже в силу этого вызывал восторг у многих. Что касается ошибки, допущенной по делу Масловой, то судебной практики без неправосудных решений не бывает, главное – наличие результативного механизма исправления судебных ошибок.

Независимость суда в СССР

В мемуарах авиаконструктора А.С. Яковлева (1906–1989) «Цель жизни» есть такой эпизод. В годы войны конструктор занимал еще и должность заместителя наркома авиастроения. Однажды в кабинете И.В. Сталина он случайно встретился с заместителем наркома НКВД и тихонько попросил последнего по возможности пересмотреть дело в отношении одного из инженеров его КБ. Сталин, у которого,

как известно, был очень острый слух, бросил только одно слово: «Посмотрите…» Вскоре инженер вышел на работу.

Составители книги «Верховный Суд России» не случайно привели текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 г., на котором лидер СССР Н.С. Хрущев в отсутствии нормы уголовного закона требовал расстрела валютчиков, угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР т. А.Ф. Горкину (1897–1988) увольнением. Как известно, презумпция «обратной силы» волевым решением была легко преодолена, валютчики – расстреляны. Это был один из «черных дней» российского правосудия [4, с. 320–323].

Дело Фарбера: прокурор и суд прислушались к мнению В.В. Путина

Органами предварительного расследования Фарбер обвинялся в том, что в июле-августе 2011 г. получил от подрядчика, выполнявшего ремонт ДК, взятку – 300 тыс. руб. за возможность продолжения работ, в сентябре того же года уже под контролем спецслужб Фарбер «взял» еще одну взятку – 132 тыс. руб. за подписание акта выполненных работ. Обвиняя Фарбера по ст. 285 УК РФ, следствие утверждало, что ремонтные работы не были выполнены, ущерб бюджету – 941 тыс. руб.

Позиция Фарбера: деньги в стройку вкладывал свои, подрядчик лишь ему их вернул, ДК он реконструировал в рамках своих представлений о прекрасном.

С учетом данных о личности Фарбера, общество склонно было верить ему, а не обвинению.

Дело рассматривал Тверской областной суд с участием присяжных. Защита преждевременно поверила в безоговорочное оправдание Фарбера, однако прокурор убедил присяжных в доказанности его вины по всем пунктам.

10 августа 2012 г. Тверской областной суд признал Фарбера виновным по п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Правда, с применением ст. 62 и 64 УК РФ, но всё равно больше, чем рядовому убийце, судья назначил ему 8 лет лишения свободы со штрафом 3,2 млн руб.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 г. приговор отменен, с учетом изменения подсудности дело попала в Осташковский городской суд. 1 августа 2014 г. Фарбер был осужден, ему назначено наказание 7 лет и 1 месяц лишения свободы.

Президент РФ В.В. Путин в интервью «Первому каналу» и агентству АР назвал наказание, назначенное Фарберу, «вопиющим», посчитав это «ошибкой». Данных слов оказалось достаточным, чтобы прокуратура уже за пределами сроков на апелляционное обжалование внесла представление, в котором просила сократить наказание до 5 лет лишения свободы.

Апелляционная инстанция Тверского областного суда благоразумно пошла еще дальше: сократила Фарберу наказание до 3 лет лишения свободы, то есть до фактически им отбытого срока. По ч. 1 ст. 285 УК РФ прокуратура вообще отказалась от обвинения, приговор в этой части отменен, за Фарбером по этому эпизоду признано право на реабилитацию. Осужденный вышел на свободу. Общество восприняло это благосклонно.

Судебная власть в России: в ожидании будущего?

Законодательный базис для запуска механизма независимого, демократического правосудия в Российской Федерации в основном создан. Работает

ли он, удовлетворено ли общество качеством судебных решений, опять-таки, судить читателю. Может быть, уместны вопросы к качеству самого социума? До сих пор непонятен тип общества, в котором мы живем. Ученые по инерции всё еще называют его, используя приставку «пост», то есть после «социализма» (а был ли таковой строй в нашей истории), после «советов» (что это было такое, историки еще должны сказать). Почему не работает механизм независимого правосудия, декларированный в законах? Очевидно, что ментально мы всё еще в СССР, в Российской империи. Как тут не вспомнить слова Г. Гегеля о том, что человеку нельзя дать государственное устройство, находящееся за рамками его создания.

Как только появится в судебной системе нечто автономное, например, особое братство (Л.В. Головко – элитарный клуб по интересам) – Высший Арбитражный Суд РФ, его тут же оптимизируют, включив автономную ветвь в «общую юрисдикцию». Заодно пройдут «чистку» все судьи Верховного Суда РФ[4] [1]. Конечно, можно исходить из того, что развитым правопорядкам автономная юстиция по делам бизнеса миру неведома (Л.В. Головко), но можно и оценить слова бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова: «в России честный бизнес и невозможен». Если честного бизнеса нет в принципе, то что может сделать даже честный суд? Да и нужен ли он нечестному бизнесу?

Заключение

Как известно, суд – инстанция последняя, как и в правоприменении, так и в рождении нового смысла закона[5]. Общеизвестно, что право – это не то, что задумал автор закона. Это не то, что записал в норму законодатель. Право – это то, что прочитал конкретный судья! Автору этих строк лично знакомы некоторые судьи, подготовившие решения по делу Фарбера. Известны и особенности их профессионального правосознания. Цели и задачи, поставленные в каждом конкретном деле. Как они справились со своей задачей, судить читателю. Народ в лице присяжных признал его вину, народ же в ней и усомнился, мудрый Президент РФ намекнул судьям: «не размахивайтесь». «Мудрые» судьи прислушались и в своем решении о наказании ограничились «отбытым».

Как видим, очень многое из того, что относится к правосудию, то есть к сфере функционирования судебно-властных отношений, находится за рамками юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеевская Е.И.* Законы развития судебной системы. М.: Юстицинформ, 2016. 147 с.
2. *Есаков Г.А.* Дело Катерины Масловой в Сенате (По мотивам романа графа Толстого «Воскресенье») // Закон. 2022. № 2. С. 182–190.

[4] Е.И. Алексеевская по данному поводу пишет: «не дождавшись результатов реформы, власть проводит контрреформы»; «противоречивые законодательные инициативы на коротком отрезке времени создают эффект déjà vu»; «судебная система с 1917 года по настоящее время повторила гипервиток своего предыдущего развития (хотя и в более сжатые сроки) и снова достигла критического значения в количестве судебных инстанций, сейчас она находится в точке бифуркации, и следующая стадия еще не наступила» [1].

[5] Имеются в виду только те судебные решения, которые исполняются. Если судебное решение не исполнено, возможность возникновения судебно-властных отношений была только обозначена, самого суда не было.

3. *Колоколов Н.А.* Идеология и политика – неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2003. № 6. С. 29–35.
4. *Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г.* Верховный Суд России: монография. Пятигорск: Снег, 2012. 479 с.
5. *Никитенко А.В.* Повесть о само себе. Посмертные записи и дневник академика и профессора Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. 1888. Октябрь.
6. Старый судья. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 8. С. 140–146.
7. *Толстой Л.Н.* Воскресенье. Черновые редакции и варианты // ПСС в 90 т. М.: Художественная литература, 1935. Т. 33. 496 с.

REFRENCES

1. Alekseevskaya E.I. Zakony razvitiya sudebnoj sistemy. M.: YUsticinform, 2016. 147 s.
2. Esakov G.A. Delo Kateriny Maslovoj v Senate (Po motivam romana grafa Tolstogo “Voskresen’e”) // Zakon. 2022. №2. S. 182–190.
3. Kolokolov N.A. Ideologiya i politika – neot’emlemye funkcii sovremennoj sudebnoj vlasti // Rossijskij sud’ya. 2003. № 6. S. 29–35.
4. Lebedev V.M., Korchagin A.YU., Svechnikova L.G. Verhovnyj Sud Rossii: Monografiya. Pyatigorsk: Snow, 2012. 479 s.
5. Nikitenko A.V. Povest’ o samo sebe. Posmertnye zapisi i dnevnik akademika i professora Aleksandra Vasil’evicha Nikitenko // Russkaya starina. 1888. Oktyabr’.
6. Staryj sud’ya. Otkrytoe pis’mo grafu L.N. Tolstomu // Zhurnal Ministerstva yusticii. 1899. №8. S. 140–146.
7. Tolstoj L.N. Voskresen’e. CHernovye redakcii i varianty. PSS v 90 t. M: State Publishing House «Fiction», 1935. T. 33. 496 s.

Сведения об авторе / About Author:

Колоколов Никита Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Московский педагогический государственный университет, Судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке), e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

Kolokolov Nikita Aleksandrovich, Doctor of Law, Accociate Professor, Professor of the Department of Theory of Government and Rights, Moscow State Pedagogical University, retired suprime court judge, e-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 / The article was received on 11.12.2025

Статья принята к публикации 25.12.2025 / The article accepted for publication 25.12.2025

УДК 347.133
ББК 67.404.06
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-101-109

ПРОБЛЕМА ОТНЕСЕНИЯ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, К МЕЛКИМ БЫТОВЫМ[6]

С.Б. Мякинина

Аннотация. *Россия живет в период проведения активных реформ правовой системы. Требуют скорейшего нормативного решения вопросы цифровизации, многие сферы правового регулирования претерпели изменения в связи с проведением Россией СВО, реформировано наследственное право, семейное право, существенным реформам подвергся процесс, однако, несмотря на всё это, статьи Гражданского кодекса РФ, посвященные мелким бытовым сделкам несовершеннолетних, с 1994 г. не изменились. 2024 г. объявлен Годом Семьи, и в рамках защиты семейных правоотношений остро стоит вопрос о повышении уровня правовой грамотности всех субъектов семейно-правовых отношений, в том числе и несовершеннолетних детей. Правовое регулирование мелких бытовых сделок с участием несовершеннолетних по-прежнему остается не изученным до конца, допускаются злоупотребления правом и в целом нарушение прав несовершеннолетних. Поэтому целью данной статьи является выделение универсальных критериев мелких бытовых сделок, совершаемых несовершеннолетними, основанных на материалах судебной практики и доктринальных исследованиях, но в отличие от последних, которые будут содержать четкие определения по отнесению их к мелким бытовым, что составляет новизну данного исследования.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, сделка, мелкая бытовая сделка, дееспособность несовершеннолетних, законодательство, судебная практика.*

Для цитирования: *Мякинина С.Б.* Проблема отнесения сделок, совершаемых несовершеннолетними, к мелким бытовым // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 101–109. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-101-109

[6] Данная работа подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

© Мякинина С.Б., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE PROBLEM OF CLASSIFYING TRANSACTIONS MADE BY MINORS AS MINOR HOUSEHOLD TRANSACTIONS[7]

S.B. Myakinina

Abstract. *Russia is living in a period of active reforms of the legal system. Digitalization issues require a speedy regulatory solution, many areas of legal regulation have undergone changes in connection with Russia's implementation of its own, inheritance law and family law have been reformed, the process has undergone significant reforms, but despite all this, the articles of the Civil Code of the Russian Federation devoted to minor domestic transactions of minors have not changed since 1994. The year 2024 has been declared the Year of the Family and, as part of the protection of family legal relations, the issue of increasing the level of legal literacy of all subjects of family legal relations, including minor children, is acute. The legal regulation of small household transactions involving minors remains unexplored to the end, abuse of law and, in general, violation of the rights of minors are allowed. Therefore, the purpose of this article is to highlight universal criteria for small household transactions committed by minors, based on the materials of judicial practice and doctrinal research, but unlike the latter, which will contain clear definitions for classifying them as small household, which is the novelty of this study.*

Keywords: *minor, transaction, minor household transaction, legal capacity, legislation, judicial practice.*

Cite as: Myakinina S.B. The problem of classifying transactions made by minors as minor household transactions. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 101–109. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-101-109

Введение

Несмотря на большое количество исследований, посвященных определению критериев мелких бытовых сделок, законодатель не посчитал нужным внести ясность в их легальное понятие. Автора данной работы интересует вопрос совершения мелких бытовых сделок несовершеннолетними как составляющих значительную часть их активности, возможность совершать сделки онлайн, кроме того, задания, связанные с отнесением сделок к мелким бытовым, составляют часть уроков обществознания и вызывают массу вопросов, так как учителя, исследователи, судебная практика толкуют их неоднозначно.

Поэтому целью данного исследования выступает определение наиболее универсальных критериев мелкой бытовой сделки, совершаемой несовершеннолетним. Данные критерии будут являться обобщением научной литературы и судебной

[7] This article was prepared with the information support of RSS «ConsultantPlus»

практики по этому вопросу, но, в отличие от имеющихся в литературе заключений, будут содержать самые важные и четкие возможности, на взгляд автора, по их отнесению к таковым, что является новизной данной работы. Также автором рассмотрена возможность отнесения сделок, совершаемых через Интернет, к мелким бытовым, что определяет актуальность работы.

Основная часть

Конвенция о правах ребенка [11] (далее – Конвенция) непосредственно не наделяет детей имущественными правами и не возлагает обязанности по их осуществлению. Тем не менее Конвенция признает право ребенка на уровень жизни, необходимый для его всестороннего развития (ст. 27 Конвенции), гарантирует право ребенка на образование (ст. 28 Конвенции), Конвенция признает, что ребенок должен быть подготовлен к самостоятельной жизни во взрослом обществе (п. d ст. 29 Конвенции). Поэтому в целях дальнейшего развития вышеуказанных конвенционных норм российский законодатель, вслед за советским, наделяет детей в возрасте от 6 до 18 лет частичной дееспособностью, предусматривающей возможность совершать ряд сделок самостоятельно, без согласия родителей или иных законных представителей.

Помимо мелких бытовых сделок дети в возрасте от 6 до 14 лет вправе совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации, а также распоряжаться средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет еще более расширена по сравнению с дееспособностью малолетних от 6 до 14 лет и должна соответствовать возрасту и уровню развития подростка. Так, помимо сделок, которые вправе совершать малолетние, несовершеннолетние могут распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими. По достижении шестнадцати лет несовершеннолетние также вправе быть членами кооперативов. Но так как закон не конкретизирует все вышеперечисленные возможности, то возникает вопрос: можно ли ребенку подарить крупную сумму денег, например, сто тысяч рублей, как безвозмездную сделку, не требующую нотариального удостоверения и государственной регистрации? И может ли ребенок распорядиться этой суммой по своему усмотрению?

Цель этой работы – разобраться. Каков объем мелких бытовых сделок? Можно ли ребенку от 6 до 14 лет и от 14 до 18 лет подарить крупную сумму денег? Может ли он самостоятельно распоряжаться этой суммой? Прямого ответа на эти вопросы закон нам не дает.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [8] в статьях 13, 14 разрешал несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет и в возрасте до 15 лет совершать мелкие бытовые сделки. При этом в кодексе не содержалось определение понятия мелкой бытовой сделки.

Статьи 26 и 28 Гражданского кодекса РФ [7] (далее – ГК) разрешают малолетним в возрасте от 6 до 14 лет и несовершеннолетним от 14 до 18 лет самостоятельно, без согласия родителей или иных законных представителей, совершать мелкие

бытовые сделки, при этом в статьях не дается определение понятия мелкой бытовой сделки. Понятие бытовой сделки, как сделки, направленной на удовлетворение бытовых нужд, которые регулирует Закон «О защите прав потребителей» [14], может быть определено как покупка одежды, продуктов питания, бытовой техники, бытовой химии, медикаментов (п. 4 ст. 5 Закона), тогда как мелкими сделками могут являться сделки, совершаемые при их исполнении, сделки между гражданами на сумму, не превышающую 10 тыс. рублей, сделки в устной форме (ст. 159, 161 ГК). В п. 4 ч. 2 ст. 26, п. 1 ч. 2 ст. 28, абз. 2 ч. 1 ст. 30 ГК законодатель объединил понятия мелкой и бытовой сделки в одно.

Исходя из определений мелких и бытовых сделок можно понять, что это могут быть различные сделки, как безобидные (покупка мороженого), так и серьезные сделки (покупка смартфона, ноутбука), поэтому на практике возникают судебные споры о признании сделки недействительной, как превышающей пределы дееспособности несовершеннолетнего или ограниченно дееспособного лица. Судебных споров достаточно много, и они разнообразны. Приведем некоторые из них.

Так, Решением Дзержинского районного суда города Ярославля от 30.12.2022 по делу № 2-3226/2022 [15] заключение ограниченно дееспособным лицом кредитного договора с банком суд не отнес к числу мелких бытовых сделок в соответствии с пп. 1 и 4 ст. 26 ГК.

В другом деле Апелляционным определением Ковровского городского суда Владимирской области от 01.04.2019 по делу № 11-24/2019 суд отнес к мелким бытовым сделкам покупку несовершеннолетним переходника для компьютера за 240 рублей [2]. С чем мы согласиться никак не можем, так как, вынося Определение, суд кроме критерия незначительной цены не указал иных критериев для отнесения сделки к мелкой бытовой.

Изучив внимательно Решение Савеловского районного суда города Москвы от 30.07.2018 по делу № 2-2200/2018 [17], считаем, что суд пришел к правильному выводу о неотнесении договора на негарантийное обслуживание ноутбука к мелким бытовым сделкам.

Достаточно оригинальную позицию занял Кукморский районный суд Республики Татарстан, возложив на родителей «возможность в зависимости от возраста и других личностных характеристик ребенка индивидуально определять виды и суммы сделок, которые они предварительно и по умолчанию одобряют и рассматривают в качестве мелких бытовых» [3].

Мы также хотели бы обратить внимание на важное замечание Пятигорского городского суда Ставропольского края, вынесенное в решении по делу от 12.12.2012 по делу № 2-2763/2012 о признании договора недействительным, взыскании денежных средств и компенсации морального вреда [16]. Так, в иске против ООО «ВКонтакте» отец несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, требовал признать недействительным ряд сделок по покупке его сыном элементов виртуальной игровой «валюты». В своем решении суд указал, что периодические переводы денежных средств на основании договора публичной оферты свидетельствуют об одной длящейся сделке (а не о нескольких мелких бытовых, прим. автора) на общую сумму <данные изъяты>.

Московский городской суд вынес Определение, в котором, помимо критерия направленности мелкой бытовой сделки на удовлетворение личных нужд несовершеннолетнего решил, должен быть учтен момент соответствия сделки обычной сделке

для соответствующего субъекта (Апелляционное определение Московского городского суда от 04.08.2015 по делу № 33-22359/2015) [4].

Также судебной практикой определено, что к мелким бытовым сделкам не относится оплата коммунальных услуг и покупки для личных (индивидуальных) нужд физического лица, но являющиеся дорогостоящими (Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2016 по делу № 33-11377/2016) [5].

Рассматривая эти решения, мы видим, что существует понятие «мелкая бытовая сделка», но в судебной практике нет единого ее определения. Каждый раз в каждом деле суд относит ту или иную сделку к мелкой бытовой самостоятельно, что приводит к широкому судейскому усмотрению, и вряд ли можно говорить об установлении истины. Кроме того, мы видим, что в ряде судебных решений цена как критерий отнесения сделки к мелкой бытовой не упоминается, или суд руководствуется обычаем.

Если в судебной практике нет единого мнения по этому вопросу, то обратимся за разъяснением к мнению ученых.

Проблема определения критериев мелкой бытовой сделки рассматривалась такими исследователями, как С.В. Букшина, В.М. Золотухин [10], П.В. Крашенинников, А.М. Нечаева [13], О.Н. Садиков и другими.

Приведем некоторые их заключения. Так, О.Н. Садиков относит к критериям мелкой бытовой сделки сделки, которые удовлетворяют личные потребности ребенка, совершаемые за наличный расчет и на незначительную сумму [9]. П.В. Крашенинников относит к критериям только незначительную сумму сделки и материальное благополучие семьи [18]. С.В. Букшина выделяет критерий исполнения сделки в момент ее совершения, при этом сделка должна быть совершена устно [6]. Т.Е. Абова обращает внимание на потребительское назначение сделки и на ее соответствие возрасту несовершеннолетнего лица [1]. Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение мелкой бытовой сделки, данное В.П. Мозолиным, который в качестве критериев выделяет два:

1. Сделка на незначительную сумму и за наличный расчет.
2. Сделка должна удовлетворять не только личные, но и бытовые потребности несовершеннолетнего (покупка обеда в школе, проезд на транспорте, покупка тетрадей, ручек и другой канцелярии, необходимых для обучения) [12].

Но и эти критерии тоже вызывают вопросы. Какая сумма будет считаться незначительной, ведь к «незначительной сумме» прибегают для объяснения многие авторы. В.П. Мозолин считает, что эта сумма определяется в зависимости от дохода семьи. Но есть бедные семьи и богатые семьи, доход у всех разный. Сделки за наличный расчет совершаются сейчас крайне редко в связи с распространением пластиковых карт, которые могут получать даже лица до 14 лет (они имеют право пользоваться счетом родителей). С другой стороны, приведенные автором примеры мелких бытовых сделок указывают на некий общий критерий для всех них. Этим критерием является регулярность.

Поэтому, изучив судебную практику, изучив мнения авторитетных ученых по поводу определения критериев мелкой бытовой сделки, считаем необходимым предложить свои критерии для отнесения сделки к мелкой бытовой. Для того чтобы суды не были связаны с нечеткими формулировками о незначительности суммы сделки, считаем этот критерий неоправданным и недостаточным для отнесения по нему сделок к мелким бытовым, так как цена сделки зависит

не только от уровня благосостояния семьи, но и от обычаев данной местности или субъекта, а также от инфляционных колебаний курса рубля, что не позволит считать сумму незначительной в разные периоды времени. Поэтому мы предлагаем принять два критерия:

1. Сделка должна быть направлена на удовлетворение личных бытовых потребностей несовершеннолетнего.
2. Сделка должна совершаться регулярно.

Руководствуясь этими критериями, мы можем видеть, что сделки на тотализаторе, по покупке электронных игр, переходников от компьютера, автомобилей (да, и такое было в судебной практике!) не удовлетворяют первому критерию – не имеют личной бытовой направленности, хоть и могут совершаться регулярно.

Сделки по покупке мобильных телефонов и других гаджетов, сделки по покупке любых товаров в интернет-магазинах за счет средств на банковских картах родителей, не направленные на удовлетворение регулярных потребностей, заключаться несовершеннолетними не могут. Но мы можем отнести сделку, совершенную в интернет-магазине, к мелки бытовым, если ученик покупает там, например, тетради, ручки, предметы личной гигиены, так как они удовлетворяют обоим критериям.

Тем не менее продавец имеет право отказать в совершении сделки несовершеннолетнему лицу, если оно приобретает, например, корм для домашних животных или детское питание для младшего брата или сестры, так как эти сделки не направлены на удовлетворение именно личных потребностей несовершеннолетнего лица.

В результате исследования были изучены нормативно-правовые акты, как действующие, так и утратившие силу, но необходимые в данном исследовании для наиболее полного раскрытия вопроса, нормы международного права, судебная практика и теоретические источники специалистов, занимающихся анализом мелких бытовых сделок, совершаемых несовершеннолетними. Так, основываясь на Конвенции о правах ребенка, в целях дальнейшей социализации ребенка, Гражданский кодекс РФ разрешает несовершеннолетним до 18 лет совершать ряд сделок самостоятельно, без согласия родителей. Среди таких сделок – мелкие бытовые сделки. Они составляют основную массу сделок и являются достаточно разнообразными среди совершаемых несовершеннолетними лицами. Более того, мы выяснили, что объем дееспособности несовершеннолетних тесно связан с мелкими бытовыми сделками, так как они сами выступают критерием, дающим возможность совершать иные сделки, разрешенные ГК в пределах частичной дееспособности детей от 6 до14 лет и от 14 до 18 лет.

Выводы

Нами было установлено, что ни Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., ни действующий ГК не дают определения мелкой бытовой сделки. Изучив Закон РФ «О защите прав потребителей», мы выяснили, что бытовой характер сделок очень разнообразен, но не все они относятся к мелким бытовым, которые могут совершать несовершеннолетние граждане.

Поэтому в исследовании был проведен анализ судебной практики с целью выяснения, какие критерии суд устанавливает для отнесения или не отнесения сделок к мелким бытовым. Мы пришли к выводу, о том, что каждый раз в конкретном деле суд относит ту или иную сделку к мелкой бытовой самостоятельно,

что приводит к широкому судейскому усмотрению, и вряд ли можно говорить об установлении истины. Кроме того, мы видим, что в ряде судебных решений цена как критерий отнесения сделки к мелкой бытовой не упоминается или суд руководствуется обычаем.

С другой стороны, незначительная цена как критерий отнесения сделки к мелкой бытовой широко используется учеными в их исследованиях. Кроме незначительной цены указывали на доход семьи, личные потребности ребенка, совпадение момента совершения и исполнения сделки. Поэтому критерии, предложенные исследователями этого вопроса, очень разнообразны.

Исходя из изученного материала, мы предлагаем выделить два основных критерия для отнесения сделок, совершаемых несовершеннолетними, к мелким бытовым. Этими критериями выступают, во-первых, направленность сделки на удовлетворение личных бытовых нужд несовершеннолетнего лица, и, во-вторых, регулярный характер совершения сделок. Полагаем, что это универсальные критерии, которые могут быть применимы ко всем мелким бытовым сделкам несовершеннолетних граждан РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абова Т.Е.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ // Help-stud. URL: https://help-stud.ru/abova_kommentarii_gkrf.php (дата обращения: 27.11.2025).
2. Апелляционное определение Ковровского городского суда Владимирской области от 01.04.2019 по делу № 11-24/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/39Q8ef (дата обращения: 27.11.2025).
3. Апелляционное определение Кукморского районного суда Республики Татарстан от 19.10.2023 № 2-1309/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/39Q8jn (дата обращения: 27.11.2025).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.08.2015 по делу № 33-22359/2015 // СПС Консультант Плюс. URL: https://clck.ru/39Q8pC (дата обращения: 27.11.2025).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2016 по делу № 33-11377/2016 // СПС Консультант Плюс. URL: https://clck.ru/39Q8uo (дата обращения: 27.11.2025).
6. *Букшина С.В.* Правосубъектность несовершеннолетних: необходимость реформирования гражданского законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5 (54). С. 64–68.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
8. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. // «Ведомости ВС РСФСР». 1964. № 24. Ст. 407.
9. Гражданское право России. Курс лекций. Ч. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Залесский, Н.И. Клейн [и др.]; под ред. О.Н. Садикова. М.: Юрид. лит., 1996. 304 с.
10. *Золотухин В.М., Козырева М.В.* Совершение сделок малолетними гражданами в условиях современного российского правоприменения // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 1 (13). С. 83–89.
11. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. // ООН: оф. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 28.11.2025).

12. *Мозолин В.П.* Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: ЮстицИнформ, 2008. 176 с. ISBN 978-5-7205-0930-9.
13. *Нечаева А.М.* Дееспособность несовершеннолетних по Гражданскому кодексу Россбийской Федерации // Государство и право. 2015. № 6. С. 55–61.
14. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140.
15. Решение Дзержинского районного суда города Ярославля от 30.12.2022 по делу № 2-3226/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/39Q8yy (дата обращения: 27.11.2025).
16. Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 12.12.2012 по делу № 2-2763/2012 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/39Q94r (дата обращения: 27.11.2025).
17. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 30.07.2018 по делу № 2-2200/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/39Q98a (дата обращения: 27.11.2025).
18. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. URL: https://clck.ru/39QDEk (дата обращения: 27.11.2025).

REFERENCES

1. Abova T.E. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu RF. Help-stud. URL: https://help-stud.ru/abova_kommentarii_gkrf.php (data obrashcheniya: 27.11.2025). (in Russ.).
2. Bukshina S.V. (2015) Pravosub»ektnost’ nesovershennoletnih: neobhodimost’ reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatel’stva. Aktual’nye problemy rossijskogo prava. № 5 (54). S. 64–68. (in Russ.).
3. Grazhdanskoe pravo Rossii. Kurs lekcij. CH. 1. M.I. Braginskij, V.V. Zalesskij, N.I. Klejn [i dr.]; Pod red. O.N. Sadikova. M.: YUrid. lit., 1996. 304 s. (in Russ.).
4. Zolotuhin V.M., Kozyreva M.V. (2021) Sovershenie sdelok maloletnimi grazhdanami v usloviyah sovremennogo rossijskogo pravoprimeneniya. Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk. № 1(13). S. 83–89. (in Russ.).
5. Mozolin V.P. (2008) Sovremennaya doktrina i grazhdanskoe zakonodatel’stvo. M., YUsticInform. 176 s. ISBN 978-5-7205-0930-9. (in Russ.).
6. Nechaeva A.M. (2015) Deesposobnost’ nesovershennoletnih po Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Gosudarstvo i pravo. № 6. S. 55–61. (in Russ.).
7. Semejnoe pravo: Uchebnik. B.M. Gongalo, P.V. Krasheninnikov, L.YU. Miheeva [i dr.]; pod red. P.V. Krasheninnikova. M.: Statut, 2019. URL: https://clck.ru/39QDEk (data obrashcheniya: 27.11.2025). (in Russ.).
8. Grazhdanskij kodeks RSFSR 1964 g. // «Vedomosti VS RSFSR». 1964. № 24. St. 407.
9. Grazhdanskoe pravo Rossii. Kurs lekcij. CH. 1 / M.I. Braginskij, V.V. Zalesskij, N.I. Klejn [i dr.]; pod red. O.N. Sadikova. M.: YUrid. lit., 1996. 304 s.
10. Zolotuhin V.M., Kozyreva M.V. Sovershenie sdelok maloletnimi grazhdanami v usloviyah sovremennogo rossijskogo pravoprimeneniya // Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk. 2021. № 1 (13). S. 83–89.
11. Konvenciya o pravah rebenka. Prinyata rezolyuciej 44/25 General’noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 g. // OON: of. sajt. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (data obrashcheniya: 28.11.2025).

12. Mozolin V.P. Sovremennaya doktrina i grazhdanskoe zakonodatel'stvo. M.: YUsticInform, 2008. 176 s. ISBN 978-5-7205-0930-9.
13. Nechaeva A.M. Deesposobnost' nesovershennoletnih po Grazhdanskomu kodeksu Ross6ijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 6. S. 55–61.
14. O zashchite prav potrebitelej: Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 04.08.2023) // SZ RF. 15.01.1996. № 3. St. 140.
15. Reshenie Dzerzhinskogo rajonnogo suda goroda YAroslavlya ot 30.12.2022 po delu № 2-3226/2022 // SPS "Konsul'tantPlyus". URL: https://clck.ru/39Q8yy (data obrashcheniya: 27.11.2025).
16. Reshenie Pyatigorskogo gorodskogo suda Stavropol'skogo kraya ot 12.12.2012 po delu № 2-2763/2012 // SPS "Konsul'tantPlyus". URL: https://clck.ru/39Q94r (data obrashcheniya: 27.11.2025).
17. Reshenie Savelovskogo rajonnogo suda goroda Moskvy ot 30.07.2018 po delu № 2-2200/2018 // SPS "Konsul'tantPlyus". URL: https://clck.ru/39Q98a (data obrashcheniya: 27.11.2025).
18. Semejnoe pravo: uchebnik / B.M. Gongalo, P.V. Krasheninnikov, L.YU. Miheeva [i dr.]; pod red. P.V. Krasheninnikova. M.: Statut, 2019. URL: https://clck.ru/39QDEk (data obrashcheniya: 27.11.2025).

Сведения об авторе / About Author:

Мякинина Светлана Борисовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: sb.myakinina@mpgu.su

Myakinina Svetlana Borisovna, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Law Department, Moscow State Pedagogical University, e-mail: sb.myakinina@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 / The article was received on 11.12.2025

Статья принята к публикации 25.12.2025 / The article accepted for publication 25.12.2025

УДК 343.1
ББК 67.410.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-110-117

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.В. Головко

Аннотация. *В статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы, касающиеся проблем реализации института необходимой обороны и его правового регулирования по Уголовному кодексу Российской Федерации. На основе анализа особенностей и отличительных признаков, присущих необходимой обороне как юридическому средству, направленному на обеспечение защиты прав и законных интересов человека и гражданина, государства и общества от преступных посягательств, были рассмотрены проблемы реализации данного правового института. При этом представлены и обоснованы предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства, регламентирующие основания и условия применения института необходимой обороны в качестве правомерного юридического средства защиты граждан от посягательств на их жизнь и здоровье.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, посягательство, преступление, превышение пределов необходимой обороны, самооборона.*

Для цитирования: *Головко Н.В.* Проблемы правового регулирования института необходимой обороны по Уголовному кодексу Российской Федерации // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 110–117. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-110-117

© Головко Н.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF NECESSARY DEFENSE UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

N.V. Golovko

Abstract. *The article discusses theoretical and legal issues related to the problems of implementing the institute of necessary defense and its legal regulation under the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the features and distinctive features inherent in the necessary defense as a legal means aimed at ensuring the protection of the rights and legitimate interests of man and citizen, the state and society from criminal encroachments, the problems of the implementation of this legal institution were considered. At the same time, proposals for improving the norms of criminal legislation regulating the grounds and conditions for the use of the institute of necessary defense as a legitimate legal means of protecting citizens from encroachments on their life and health are presented and substantiated.*

Keywords: *necessary defense, encroachment, crime, exceeding the limits of necessary defense, self-defense.*

Cite as: Golovko N.V. Problems of legal regulation of the institute of necessary defense under the Criminal Code of the Russian Federation. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 110–117. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-110-117

Введение

Российским законодательством предусмотрены различные юридические средства, направленные на обеспечение защиты прав и законных интересов человека и гражданина, государства и общества от преступных посягательств, а также на повышение социально-правовой активности граждан в противодействии преступности. Одним из таких юридических средств является институт необходимой обороны, который входит в число обстоятельств, исключающих преступность деяния, и регламентируется нормами уголовного права Российской Федерации (далее – РФ).

Названный уголовно-правовой институт регламентирует право каждого человека на защиту жизни, здоровья и имущества при нападении на него самого или других лиц. Допустимость причинения вреда нападающему в условиях необходимой обороны и условия такой правомерной защиты регулируются положениями ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Основные аспекты, связанные с этим правовым институтом, включают в себя определение условий, при которых возможно применение необходимой обороны, и правила, устанавливающие пределы допустимой обороны.

Необходимо отметить, что, несмотря на длительное время существования указанного правового института и его важность для обеспечения гарантии защиты прав

и законных интересов граждан, а также для эффективного противодействия преступности, до настоящего времени не устранен ряд проблем, связанных как с законодательной регламентацией, так и применением института необходимой обороны на практике.

В частности, отсутствует четкое определение и понимание сущности необходимой обороны, так как уголовный закон определяет данное понятие как защиту личности или имущества от противоправных посягательств при возникновении непосредственной угрозы. Однако некоторые правоприменители считают возможным расширить данное определение до пределов самозащиты без необходимости установления наличия угрозы, что в свою очередь приводит к неправомерным обвинениям в насилии и угрозе жизни и здоровью, поскольку использование средств защиты признается незаконным.

В судебно-следственной практике систематически возникают сложности по поводу определения «недопустимости превышения пределов необходимой обороны», что опять-таки приводит к различному толкованию и пониманию правомерности или неправомерности защиты граждан от посягательств на их жизнь и здоровье.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что актуальность устранения проблем правовой регламентации института необходимой обороны не снижается на протяжении длительного периода времени. Давно назрела необходимость в УК РФ конкретизировать критерии и условия применения данного института, а также установить четкие границы самообороны и ее превышения во избежание, с одной стороны, неправильной юридической квалификации и привлечения к уголовной ответственности правомерно обороняющегося, с другой стороны, для недопущения самочинного произвола и расправы под предлогом осуществления самозащиты.

В качестве немаловажной проблемы следует отметить проявляющееся в ряде случаев несовпадение между нормативно-правовым положением и социальными правилами поведения: в некоторых ситуациях действия лица могут быть обществом восприняты как необходимая оборона с точки зрения социальной справедливости, однако эти же самые действия с точки зрения уголовно-правовой квалификации будут оценены как общественно опасные и уголовно наказуемые.

В свете рассматриваемых проблем необходимо признать, что далеко не все граждане до конца осознают и понимают свои полномочия и пределы ответственности в части реализации института необходимой обороны, что может повлечь за собой с их стороны неправомерные действия и превышение необходимой обороны в конкретных конфликтных жизненных ситуациях. Кроме того, подобное положение вещей свидетельствует о том, что российское уголовное законодательство не в полной мере соответствует международным нормам и сложившейся в международном сообществе судебно-следственной практике в рассматриваемой сфере. В частности, законодательством ряда зарубежных стран гражданам предоставлен более широкий круг действий и оснований их применения в целях защиты своих прав и законных интересов, чем это предусмотрено российским законом.

Основная часть

В целях полного и правильного понимания сущности и оснований реализации уголовно-правового института необходимой обороны целесообразно осуществить историко-правовой анализ регламентации действий граждан в состоянии необходимой обороны, а также пределов ее превышения.

Понятие необходимой обороны и превышения ее пределов было введено в уголовное законодательство в Древнем Риме. Так, например, кодексы Юстиниана содержали положения, определяющие, в каких случаях человек имеет право защищать себя и свои интересы, в том числе с применением силы. Эти нормативные правила с течением времени были усовершенствованы и дополнены в различных странах, в том числе в России. В XIX в. в российском уголовном законе были закреплены нормы о необходимой обороне и превышении ее пределов. Эти нормативные предписания практически без каких-либо серьезных редакционных изменений сохранены в УК РФ 1996 г.

На сегодняшний день в российском уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается как одно из основных положений, предусматривающих право на защиту личности, достоинства и имущества человека. Вместе с тем законодатель предусматривает уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны, то есть за использование силы или оружия, явно не соответствующих необходимым мерам защиты.

Эволюция уголовно-правовой норм о необходимой обороне и превышении ее пределов свидетельствует о том, что на протяжении многих веков рассматриваемый институт играет важную роль в уголовном праве при решении вопросов об освобождении граждан от ответственности за причиненный ими вред при защите своих прав и законных интересов.

Об актуальности вопросов обеспечения точного и единообразного применения института необходимой обороны в судебно-следственной практике свидетельствует то внимание, которое ему уделял Верховный Суд РФ.

Так, например, 27 сентября 2012 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [2]. 31 мая 2022 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”» [2].

Принятие указанных постановлений Пленума высшего судебного органа страны обусловлено стремлением улучшить судебную практику применения законодательства о необходимой обороне и привести ее в полное соответствие с действующими нормами и требованиями УК РФ. В частности, в постановлениях были уточнены условия, при которых лицо имеет право на совершение защитных действий в состоянии необходимой обороны, и принципы пропорциональности применения силы при защите себя или других лиц.

Такие разъяснения способствовали тому, что суды и правоохранительные органы могли более четко и правильно определить ситуации, когда применение необходимой обороны и причинения вреда является законным и оправданным. Данное обстоятельство имело существенное значение для обеспечения социальной справедливости и гарантии защиты прав граждан в судебном процессе.

Обращает на себя внимание тот факт, что в основе неверной уголовно-правовой квалификации содеянного чаще всего находилась ошибочная оценка на стадии предварительного расследования и/или на стадии судебного разбирательства. Большинство ошибок следственных органов и судов обусловлено тем, что имело

место неоправданное и необоснованное занижение ценности того блага, на которое осуществлялось общественно опасное посягательство, и предъявлялись завышенные требования к пределам правомерности обороны от такого противоправного посягательства.

Для исключения в дальнейшем подобных ошибок необходимо осуществить комплекс мероприятий, в числе которых можно указать следующие:

1. Уточнение нормативных предписаний уголовного законодательства: требуется четко определить, что считается разумной и пропорциональной обороной в случае нападения. Это позволит исключить различные толкования и установить ясные критерии для правовой оценки действий обороняющегося.
2. Правовое обучение и информирование общества: необходимо реализовать образовательные программы, содержащие подробную и понятную простым гражданам информацию о правилах применения необходимой обороны и последствиях неправомерных действий в этой связи. Чем больше граждан будут знать о своих правах и обязанностях, тем меньше вероятность допущения юридических ошибок при оценке конфликтных ситуаций.
3. Обязательное проведение всестороннего и полного предварительного следствия: при возникновении случаев применения необходимой обороны необходимо обеспечить производство детального расследования имевшего место события в целях определения законности действий обороняющегося и их соответствия установленным правилам.
4. Использование современных технических средств для установления обстоятельств имевшего место события: применение таких средств, как видеонаблюдение и цифровые технологии, будет способствовать сбору и проверке полной и объективной информации о действиях и поведении лиц, ставших участниками расследуемого события, а также правильной правовой оценке обстановки происшествия.

Наряду с указанными мероприятиями в целях недопущения, устранения и сведения к минимуму судебных ошибок, а также для обеспечения четкого и объективного определения пределов необходимой обороны представляется целесообразным диспозицию ч. 1 ст. 37 УК РФ изложить в следующей редакции: «Не является преступлением причинение любого вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства».

По мнению В.И. Ткаченко, посягательства, против которых применялись действия необходимой обороны, в большей степени носили характер нападения. Однако необходимая оборона допускается и в случае, если посягательство не выражено нападением (например, кража, ненасильственный грабеж) [4, с. 81].

В свою очередь И.С. Тишкевич отметил, что необходимая оборона допустима не при любом посягательстве, выразившемся в активных действиях. Некоторые из них по своему характеру не способны порождать право на активную защиту [3, с. 180].

Т.Г. Шавгулидзе считал, рассматривая простой состав вымогательства можно прийти к выводу, что характер посягательства не позволяет применять активную защиту, так как действия, входящие в объективную сторону вымогательства, то есть

применение насилия или уничтожения, повреждения имущества и т.д., реализуются не в настоящий момент, а в будущем [6, с. 46].

По мнению В.М. Ширяева, правомерной необходимую оборону можно признать лишь в случае защиты только от насильственных преступлений (покушение на убийство, изнасилование, грабеж, разбой и т.д.) [5, с. 174].

По существу рассматриваемых вопросов Н.В. Головко исходит из того, что «пределы необходимой обороны, являющиеся составным элементом системы условий правомерности необходимой обороны, имеют единые, отличные от других условий, признаки. Эти признаки подразделяются на условия правомерности необходимой обороны по отношению к противоправному посягательству и условия правомерности необходимой обороны по отношению к защитным действиям.

Условиями правомерности необходимой обороны, в том числе определяющими ее юридические основания, по отношению к противоправному посягательству являются следующие обстоятельства:

а) общественная опасность посягательства (в результате его совершения причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям); б) посягательство должно быть фактическим (реальным), то есть имеет место начавшееся, но неоконченное противоправное действие; в) посягательство должно быть действительным (усматривается подлинная возможность (способность) причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям).

Условиями правомерности необходимой обороны, определяющими границы допустимой защиты, можно назвать следующие обстоятельства: а) защита должна быть своевременной (временные пределы обороны); б) причинение вреда наступило только в отношении посягающего лица; в) защитные меры соразмерны степени и характеру посягательства – защита не превышает пределов необходимой обороны.

Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Вопрос о возникновении и прекращении права на необходимую оборону необходимо разрешать с учетом оценки совокупности конкретных обстоятельств в каждом определенном случае. Начальный и конечный моменты преступного посягательства играют важную роль в определении временных рамок защитных действий, однако придание им решающего значения при уголовно-правовой квалификации без учета иных обстоятельств дела приведет к ошибочной оценке правомерности необходимой обороны и как следствие – к необоснованному осуждению лиц, правомерно защищавшихся» [1, с. 80–83].

Существующие в уголовном законе положения о необходимой обороне при всей их, на первый взгляд, простоте и ясности содержат немало оценочных категорий (например, посягательство, явность, соответствие защиты характеру и опасности посягательства), что порождает споры и проблемы в части уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных обороняющимися, а также служат предметом научных дискуссий длительное время. Эти оценочные категории часто вызывают разночтения в толковании и применении закона, что может привести к недопустимым ошибкам при вынесении судебного решения. Например, определение явности действий посягающего может «замыливаться» в ситуациях, когда угроза носит скрытый или косвенный характер [1].

Выводы

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о том, что юридическим основанием необходимой обороны выступает само противоправное деяние, то есть общественно-опасное посягательство. Под общественной опасностью следует понимать признак деяния, выраженный в способности причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовно-правовым объектам.

Исходя из позиции Верховного Суда РФ, следует констатировать, что объективная сторона преступления посягательств не всегда выражается нападением.

Обращает внимание то, что, исходя из ч. 2 ст. 37 УК РФ, под посягательством «следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья)».

Учитывая тот факт, что под нападением понимается насильственное общественно-опасное деяние, можно констатировать, что в УК РФ термины «посягательство» и «нападение» следует рассматривать как синонимичные понятия, означающие насильственное действие или угрозу насилием против личности или имущества.

Чтобы устранить некоторые противоречия в уголовном законодательстве, необходимо закрепить более четкую терминологию «посягательства», являющегося базовым для института необходимой обороны, указав, что оно охватывает не только случаи насильственных общественно опасных действий. Целесообразно также установить четкие критерии для определения посягательства, чтобы избежать его недопустимо широкого толкования.

Учитывая изложенные обстоятельства, представляется необходимым в примечании к ст. 37 УК РФ прописать следующее положение: «К посягательству в рамках настоящей статьи относятся: общественно опасные деяния, сопряженные с насилием или непосредственной угрозой применения насилия, а также иные общественно опасные деяния, совершенные как умышленно, так и по неосторожности, которые хотя и не сопряжены с насилием или непосредственной угрозой применения насилия, однако по своему содержанию могут быть пресечены или предотвращены путем причинения посягающему вреда».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Головко Н.В.* Институт необходимой обороны в российском уголовном праве: вопросы реализации // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2018. № 1. С. 80–87.
2. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=714028#MVBGV7UUdxewA29q (дата обращения: 19.03.2025).
3. *Тишкевич И.С.* Условия и пределы необходимой обороны. М.: Юридическая литература, 1969. 192 с.
4. *Ткаченко В.И.* Необходимая оборона в уголовном законодательстве (социалистических стран). М.: Юридическая литература, 1979. 119 с.

5. Уголовное право. Часть общая: Пределы и виды дифференциации уголовной ответственности: учебное пособие: в 4 т. Т. 2 / Волостнов П.А., Грошев А.В., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Николаева З.А., Новоселов Г.П., Панфилов И.П., Погосян Т.Ю., Сабанин С.Н., Сухарев Е.А., Шелковкин Г.В., Ширяев В.М., Юшков Ю.Н.; отв. ред.: Козаченко И.Я. Екатеринбург: Изд-во Свердл. Юрид. ин-та, 1992. 216 с.
6. *Шавгулидзе Т.Г.* Необходимая оборона. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 158 с.

REFERENCES

1. Golovko N.V. Institute of necessary defense in Russian criminal law: issues of implementation // Bulletin of the State University “Dubna”. Series “Sciences about man and society”. 2018. № 1. C. 80-87.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 27.09.2012 N 19 (ed. from 31.05.2022) «On the application by courts of the legislation on necessary defense and infliction of harm during the detention of a person who committed a crime» https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=714028#MVBGV7UUdxewA29q (date of circulation: 19.03.2024).
3. Tishkevich I.S. Conditions and limits of necessary defense. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1969. 192 c.
4. Tkachenko V.I. Necessary defense in criminal legislation (socialist countries). M.: Yurid. lit., 1979 P.119.
5. Criminal Law. Part general: Limits and types of differentiation of criminal responsibility. Textbook: In 4 volumes. T. 2. Volostnov P.A., Groshev A.V., Kozachenko I.Ya., Kondrashova T.V., Nikolaeva Z.A., Novoselov G.P., Panfilov I.P., Pogosyan T.Y., Sabanin S.N., Sukharev E.A., Shelkovkin G.V., Shiryaev V.M., Yushkov Y.N., Edited by: Kozachenko I.Ya. Yekaterinburg: Izd-e Sverdl. Yurid. inst., 1992, 216 p.
6. Shavgulidze T.G. Necessary Defense. Publisher: Metsniereba Place of publication, Tbilisi, 1966. 158 p.

Сведения об авторе / About Author:

Головко Нонна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: nv.golovko@mpgu.su

Golovko Nonna Vladimirovna, PhD, Associate Professor, Associate Professor, Department of Law, Moscow Pedagogical State University, e-mail: nv.golovko@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 05.12.2025 / The article was received on 19.12.2025

Статья принята к публикации 05.12.2025 / The article accepted for publication 19.12.2025

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-118-131

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

А.И. Глушков

Аннотация. *В статье рассмотрены теоретические и правовые положения, касающиеся вопросов обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий в ходе производства по уголовному делу. Проанализированы конституционные положения и нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие права и свободы граждан, а также существующая судебно-следственная практика в части реального обеспечения указанных правовых возможностей и дозволений по отношению к участникам уголовного судопроизводства в ходе предварительного следствия. На этой основе были исследованы допускаемые следователями типичные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с несоблюдением прав и интересов участников следственных действий. Наряду с этим отмечены существующие проблемы правового и организационно-тактического характера, которые следователям необходимо учитывать в ходе осуществления доказывания по уголовному делу. На основе анализа положений законодательства, регламентирующих производство следственных действий, а также права и интересы участвующих в указанных действиях лиц, обоснованы выводы о необходимости внесения изменений и дополнений в УПК РФ, направленные на повышение достоверности, полноты и процессуальной защищенности результатов следственных действий, а также на адаптацию уголовного судопроизводства к современным условиям цифровизации и технического развития.*

Ключевые слова: *следственные действия, участники следственных действий, доказывание, доказательства, права и законные интересы, следователь, предварительное расследование.*

Для цитирования*: Глушков А.И.* Проблемы обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий в ходе производства по уголовному делу // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 118–131. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-118-131

© Глушков А.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF PARTICIPANTS IN INVESTIGATIVE ACTIONS DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

A.I. Glushkov

Abstract. *The article discusses the theoretical and legal provisions concerning issues ensuring the rights and legitimate interests of participants in investigative actions during criminal proceedings. The article analyzes the constitutional provisions and norms of criminal procedure legislation regulating the rights and freedoms of citizens, as well as the existing judicial and investigative practice in terms of the actual provision of these legal opportunities and permits in relation to participants in criminal proceedings during the preliminary investigation. On this basis, the typical violations of the criminal procedure law committed by investigators were investigated, related to non-compliance with both the rights and interests of participants in investigative actions. Along with this, the existing problems of a legal, organizational and tactical nature are noted, which investigators need to take into account during the implementation of evidence in a criminal case. Based on the analysis of the provisions of the legislation regulating the conduct of investigative actions, as well as the rights and interests of the persons involved in these actions, the conclusions on the need for amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at increasing the reliability, completeness and procedural security of the results of investigative actions, as well as the adaptation of criminal proceedings to modern conditions of digitalization and technological development are substantiated.*

Keywords: *investigative actions, participants in investigative actions, evidence, evidence, rights and legitimate interests, investigator, preliminary investigation.*

Cite as: Glushkov A.I. Problems of ensuring the rights and legitimate interests of participants in investigative actions during criminal proceedings. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 118–131. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-118-131

Введение

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, а следовательно, всех государственных структур, включая правоохранительные органы, в том числе их подразделения и службы, осуществляющие предварительное расследование по уголовным делам.

Эти конституционные положения в полной мере распространяются на участников уголовного судопроизводства вне зависимости от их процессуального

статуса и стадии уголовного процесса. В этой связи должностные лица, осуществляющие производство предварительного расследования по уголовным делам (главным образом следователи), обязаны обеспечить всем участвующим в деле лицам возможность реализации своих процессуальных полномочий и защиты законных интересов.

Основная часть

Как показывает судебно-следственная практика, при производстве по уголовным делам вероятность возникновения ситуаций, когда могут быть нарушены (незаконно или необоснованно ограничены) права и законные интересы тех или иных участников уголовного процесса, больше всего существует во время производства следственных действий [2, с. 76–87]. В определенной степени это обусловлено тем, что посредством их выполнения следователь осуществляет сбор и проверку доказательств, на основании которых будет принято окончательное решение по уголовному делу; указанные действия составляют основное содержание деятельности следователя по находящимся в его производстве делам.

Согласно положениям, зафиксированным в п. 32 ст. 5 УПК РФ [3], следственные действия являются одним из видов процессуальных действий, предусмотренных законодателем, и основным средством собирания и проверки доказательств (ст. 86–87 УПК РФ).

В соответствии с нормативными предписаниями действующего уголовно-процессуального законодательства, следователь по находящимся в его производстве уголовным делам в зависимости от складывающейся криминогенной обстановки в целом на обслуживаемой территории и следственной ситуации по конкретному делу самостоятельно определяет целесообразность и тактику осуществления следственных и иных процессуальных действий, в том числе их очередность, время и место производства, состав участников, а также решает иные организационно-тактические вопросы.

В этой связи можно констатировать, что осуществление следственных действий по собиранию и проверке доказательств носит в определенной степени творческий, поисковый характер. Однако такая процессуальная независимость следователя не означает полного отсутствия регламентированного законом порядка и системности в выполнении предварительного расследования. Если бы это имело место, то наличествовала обстановка и условия, способствующие незаконному и необоснованному вторжению органов расследования в сферу личных интересов граждан, в том числе охраняемых Конституцией РФ.

Регламентированный уголовно-процессуальным законом правовой механизм (порядок, процедура) осуществления предварительного расследования в целом и конкретных следственных действий в частности, с одной стороны, в определенной степени ограничивает процессуальную самостоятельность следователя при принятии юридически значимых решений по уголовным делам и выполнении следственных действий, однако при этом одновременно служит процессуальной гарантией соблюдения законности и обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Одним из обстоятельств, имеющих важное значение в реализации указанных правовых возможностей и дозволений участниками уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования, является правильное определение (избрание)

следственного действия, посредством которого могут быть успешно решены задачи стадии предварительного расследования.

Однако, как показала судебно-следственная практика, имеют место неединичные случаи, когда следователи допускают ошибки в выборе следственного действия при сборе или проверке доказательств по уголовным делам. В частности, в рамках такого следственного действия, как очная ставка, фактически производят другое следственное действие – опознание личности. Такое «опознание» не имеет доказательственной значимости, так как, во-первых, цели выполнения названных следственных действий различаются, во-вторых, процессуальный порядок и условия осуществления очной ставки не обеспечивают возможности объективного (в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона) отождествления опознаваемого.

Кроме этого, в рассматриваемой ситуации предъявленный для опознания гражданин не имеет возможности в полной мере воспользоваться своими процессуальными правами, зафиксированными в диспозиции ст. 193 УПК РФ, определяющей юридический порядок (процедуру) проведения указанного следственного действия.

Неправомерной также необходимо признать последовательность предъявления для опознания, которое направлено на достижения целей, присущих другому следственному действию, – очной ставке. Это происходит в том случае, когда в протоколе предъявления для опознания фиксируются не только результаты данного следственного действия, но и показания опознаваемого (в частности, его доводы о своей непричастности к преступлению), а также показания опознающего, опровергающего эти доводы.

Подобного рода фактическое сочетание (симбиоз) двух самостоятельных следственных действий и суррогат очной ставки, во-первых, не обеспечивают реальную возможность для всестороннего исследования причин наличия существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных участников уголовного судопроизводства, во-вторых, создают в ходе предъявления для опознания ненужную конфликтность и конфронтацию участвующих лиц.

В свете рассматриваемых проблем необходимо отметить, что законодателем установлены определенные требования к основаниям производства следственных действий. В частности, следователь должен обладать полномочиями на осуществление процессуальных действий именно по этому конкретному уголовному делу – оно должно находиться в его непосредственном производстве, или выполнение следственных действий должно быть обусловлено наличием письменного поручения другого следователя, у которого это уголовное дело находится в производстве.

Несоблюдение (игнорирование) указанного важного процессуального предписания уголовно-процессуального закона делает беспредметным дальнейшее рассмотрение вопроса об иных правовых требованиях, касающихся оснований производства следственного действия. Кроме того, сам факт проведения следственного действия неуполномоченным на то лицом является юридическим основанием признания полученных результатов в качестве недопустимых доказательств (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Правомочие на осуществление следственных действий возникает у следователя после принятия уголовного дела к своему производству (в том числе при работе в составе группы следователей). При этом, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 163 УПК РФ, состав следственной группы должен быть объявлен

подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему; тем самым обеспечивается право указанных участников уголовного судопроизводства на отвод следователя. Несоблюдение (неисполнение) этих требований также может привести к признанию полученного доказательства недопустимым, поскольку в данном случае будет иметь место нарушение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и (или) потерпевшего.

Правомочие на производство конкретных следственных действий у следователя может возникнуть в связи с исполнением поступившего к нему в порядке ст. 152 УПК РФ от другого следователя письменного поручения о необходимости осуществления определенных (указанных в этом поручении) процессуальных действий.

Законность оснований производства следственных действий предполагает, что их осуществление допустимо только после возбуждения уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), в пределах установленной законом подследственности (ст. 151 УПК РФ), до момента завершения стадии предварительного расследования (то есть направления дела в суд или прекращения уголовного преследования) или приостановления производства по делу, а также в случае возбуждения прокурором производства ввиду новых обстоятельств в порядке ч. 4 ст. 415 УПК РФ.

Важным средством обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий являются положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ, согласно которым следователь обязан разъяснить им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если в производстве следственного действия участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик, то он также предупреждается об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ [4].

Многие граждане, привлекаемые к участию в следственном действии, до его начала не всегда имеют ясное представление о том, какого поведения вправе требовать от них следователь и на какое поведение следователя вправе претендовать они сами. Поэтому важно, чтобы перед началом каждого следственного действия следователь разъяснял всем без исключения его участникам принадлежащие им права и возложенные на них процессуальные обязанности, а также порядок производства соответствующего следственного действия; это должно быть зафиксировано в протоколе названного действия.

В том случае, когда в производстве следственного действия по уголовному делу в отношении соучастников преступления участвует лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, то такое лицо предупреждается о предусмотренных главой 40.1 УПК РФ последствиях несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. К числу таких условий и невыполнению обязательств законодатель также относит умышленное сообщение ложных сведений или умышленное сокрытие от следствия каких-либо существенных сведений.

Формальная определенность, четкая правовая регламентация, недвусмысленность предписаний, определяющих правовые основания производства следственных действий, ограничивает субъективизм должностных лиц, их произвольное усмотрение в процессе принятия процессуальных решений по уголовному делу, создает предпосылки единообразного понимания и применения норм уголовно-процессуального права.

Вместе с тем необходимо признать, что практически любое следственное действие, особенно производимое с участием подозреваемого или обвиняемого, в определенной степени сопряжено с вторжением в сферу его личных прав и охраняемых законом интересов. В связи с этим, на основании конституционных установлений о неприкосновенности личности, жилища и частной жизни (регламентированных положениями ст. 2, 15, 17, 21–25 Конституции РФ) возникает необходимость в установлении пределов ограничения прав граждан в ходе производства следственных действий и предотвращения не вызываемого необходимостью ограничения их интересов.

Более предметно содержание указанных правовых ограничений изложено в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности в нормах, закрепляющих принципы уголовного судопроизводства. Например, согласно положениям ч. 1 ст. 9 УПК РФ, в целях обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного процесса при выполнении следственных действий запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства, обращение, унижающее их человеческое достоинство либо создающее опасность для жизни и здоровья. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УПК РФ никто из участников уголовного процесса не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

В целях гарантирования охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства положениями ч. 3 ст. 164 УПК РФ зафиксирован запрет на производство следственных действий в ночное время. Согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ, ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. Законодатель в порядке исключения допускает возможность осуществления следственных действий только в случаях, не терпящих отлагательства.

Здесь целесообразно отметить, что в уголовно-процессуальном законе не содержится определения понятия «случаи, не терпящие отлагательства», а также перечня таких ситуаций (жизненных обстоятельств). В этой связи правоприменителям необходимо учитывать сложившийся в судебно-следственной практике опыт и подход для характеристики критериев и признаков случаев, относящихся к категории не терпящих отлагательства.

В частности, во внимание принимаются конкретные обстоятельства (криминалистическая ситуация), указывающие на необходимость незамедлительного (спешного, в срочном порядке) производства того или иного следственного действия, вызванные, например, обстановкой только что совершенного общественно опасного деяния, задержанием преступника с поличным, пресечением его дальнейшей противоправной деятельности, купированием возможности сокрыть или уничтожить предметы и документы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела, и другие [5, с. 56–57].

Ряд запретов, направленных на охрану прав и интересов участников уголовного судопроизводства, содержится в других нормах уголовно-процессуального законодательства. Объектами обеспечения при этом выступают конституционные, процессуальные, имущественные права и законные интересы граждан. Так, например, положениями ст. 181 УПК РФ установлен запрет на производство следственного эксперимента, создающего опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

Согласно ч. 3 ст. 194 УПК РФ, не может производиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам. Данное нормативное предписание направлено на недопущение возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и намеревающихся получить желаемый результат путем неоднократного производства опознаний.

Зафиксированные в ч. 1 ст. 164 УПК РФ нормативные предписания обязывают следователя последовательно выполнить ряд определенных действий в случае, если он намеревается по уголовному делу осуществить такие следственные действия, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), обыск (ст. 182 УПК РФ) и выемку (ст. 183 УПК РФ). Сначала следователю необходимо составить соответствующее постановление, которое должно отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Требование законности предполагает строгое соответствие (по содержанию и форме) названного процессуального акта предписаниям уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Обоснованность постановления означает базирование сформулированного следователем решения на имеющихся в уголовном деле доказательствах. Мотивированность постановления заключается в логическом проистекании (происхождении) именно такого решения следователя, исходя из содержания (сущности) собранных в деле доказательств.

Принимая во внимание значимость указанного процессуального акта с точки зрения юридического оформления принимаемых по уголовному делу решений, в том числе сопряженных с существенным ограничением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, следует отметить, что подлежат признанию в качестве неправомерных те следственные действия, которые будут выполнены без предварительного составления предусмотренного законом соответствующего постановления, а это в свою очередь повлечет за собой признание полученных сведений в качестве недопустимых доказательств.

Согласно ч. 2 ст. 164 УПК РФ, производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и (или) выемка в жилище; производство выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; производство обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со ст. 450.1 УПК РФ; личный обыск (за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ); выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество; осуществление контроля и запись телефонных и иных переговоров; а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами производятся на основании судебного решения.

Процессуальный порядок получения судебного разрешения на выполнение следственного действия регламентируется положениями ст. 165 УПК РФ. Для этого с согласия руководителя следственного органа следователь посредством составления соответствующего постановления обязан возбудить перед судом ходатайство о производстве следственного действия, существенно ограничивающего конституционные права и законные интересы граждан.

Письменная форма принимаемых по уголовному делу юридических решений в определенной степени служит гарантией обеспечения процессуальных прав

и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые в этой связи более предметно (по существу) могут обжаловать как сам факт принятия следователем решения, так и основания его принятия.

Необходимость принятия решения о проведении следственного действия должна подтверждаться конкретными материалами уголовного дела. Не допускается принятие такого решения и осуществление следственного действия, хотя и имеющего формальное обоснование, но принятого «на всякий случай», с целью «возможного» получения каких-либо в том числе компрометирующих материалов. Особенно это касается ситуаций, когда речь идет о вторжении в личную жизнь граждан, ограничении их конституционных прав и свобод. Такие юридические решения и действия не только нарушают права и законные интересы граждан, а также подрывают авторитет следственных органов, но и в итоге оказываются безрезультатными.

В свете рассматриваемых проблем необходимо отметить, что наличие лишь общих правомочий на производство предварительного расследования по уголовному делу нельзя считать достаточным основанием для проведения того или иного следственного действия. Ограждая участников указанных действий от необоснованного их проведения, законодателем регламентировано следующее: любое следственное действие помимо общих правомочий (правовых оснований) на осуществление расследования уголовного дела должно выполняться при наличии к тому конкретных, указанных в законе фактических оснований. Под такими основаниями принято понимать конкретные фактические данные, обусловливающие необходимость принятия конкретного процессуального решения.

Таким образом, прежде чем принять процессуальное решение о производстве определенного следственного действия, правоприменитель (следователь) должен убедиться в наличии конкретных фактических данных и их соответствии предусмотренным законом правовым основаниям. Отсутствие информации об обязательных фактических основаниях делает невозможным определение (отбор) необходимых средств достижения задач, на решение которых будет направлено следственное действие. Соответствие правового и фактического основания является тем критерием, который определяет обоснованность производства того или иного следственного действия.

Наиболее детально фактические основания проведения следственного действия выражены в норме уголовно-процессуального закона, регламентирующей производство обыска. В соответствии с ч. 1 ст. 182 УПК РФ основанием производства обыска является наличие достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Обыск также может производиться «в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов» (ч. 16 ст. 182 УПК РФ).

Эта норма уголовно-процессуального закона в определенной степени может послужить своеобразной моделью для определения оснований проведения любого следственного действия. В ней с достаточной ясностью указаны необходимые элементы, составляющие фактические основания проведения следственных действий: а) источники, из которых следователь может получить доказательственную информацию (место или лицо); б) цели обыска (отыскание и изъятие орудий преступления, предметов, документы и ценности, которые могут иметь значение

для уголовного дела, обнаружение разыскиваемых лиц или трупов); в) объем фактических данных, необходимых для вывода о том, что в источниках действительно содержится искомая имеющая значение для уголовного дела информация.

Разумеется, сказанное не означает, что другие следственные действия, например допрос, очную ставку, освидетельствование, судебную экспертизу, предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверку показаний на месте и другие можно проводить при отсутствии правовых и фактических оснований. Такая возможность практически означала бы неоправданный субъективизм при организации расследования, чреватый существенным нарушением прав и законных интересов граждан.

Если правовые основания, как и другие нормы законодательства, всегда рассчитаны на различные ситуации, потому что представляют собой общую модель условий принятия процессуальных решений о производстве следственных действий, то фактические основания всегда индивидуальны. Их установление и уточнение зачастую обусловливает необходимость принятия новых юридических решений и выполнения дополнительных процессуальных действий.

В свете рассматриваемых проблем целесообразно рассмотреть процессуальный порядок производства такого следственного действия, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ). Потребность выполнения данного следственного действия вызвана необходимостью обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

Процессуальное решение следователя о проведении освидетельствования оформляется постановлением, которое обязательно для лица, в отношении которого оно вынесено, то есть в случае отказа гражданина от освидетельствования оно может быть произведено принудительно. В случаях, не терпящих отлагательства, данное следственное действие может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

В связи с тем, что освидетельствование является разновидностью осмотра, специфика которого обусловлена объектом проводимых действий, которым служит человек, то обеспечению прав освидетельствуемого субъекта служит ряд процессуальных гарантий конституционных прав и интересов, которые следователь должен неукоснительно соблюдать.

В частности, при проведении освидетельствования лица другого пола следователь присутствовать не может в том случае, если освидетельствование сопровождается обнажением данного субъекта. В этой ситуации освидетельствование производится врачом, а применение фотографирования, видеозаписи и киносъемки допускается лишь с согласия освидетельствуемого.

Действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено обязательное участие понятых в указанном следственном действии, однако, согласно ч. 2 ст. 170 УПК РФ, следователь по собственной инициативе или по ходатайству участников уголовного судопроизводства вправе принять решение об участии понятых, в отношении которых при этом также будет действовать запрет на присутствие при обнажении освидетельствуемого лица другого пола.

В свете рассматриваемых проблем особого внимания заслуживают такие следственные действия, как обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные

отправления, контроль и запись переговоров, поскольку по отношению к их производству со стороны законодателя сформулированы повышенные требования, направленные на обеспечение гарантии прав и законных интересов человека, охрану чести и достоинства личности. Это вызвано тем, что их выполнение сопряжено с вторжением в сферу конституционных прав и свобод граждан.

Так, например, обыск и выемка существенно затрагивают одно из важнейших конституционных прав граждан – право на неприкосновенность жилища. Согласно положениям ст. 25 Конституции РФ: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения». Поэтому нарушение неприкосновенности жилища (в том числе при проведении обыска и выемки) без наличия достаточных оснований законодателем рассматривается как преступление (ст. 139 УК РФ).

В соответствии со ст. 12 УПК РФ содержание принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве включает в себя следующие положения: 1) осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения; 2) обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения. Лишь в случаях, не терпящих отлагательства, допускается в порядке исключения производство указанных следственных действий без судебного решения по постановлению следователя (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

В силу изложенных обстоятельств неприкосновенность жилища должна быть обеспечена не только в тех случаях, когда проживающий является собственником или занимает жилое помещение по договору найма, аренды или на других законных основаниях, но и когда лицо фактически пользуется жилищем, поскольку право на жилище может возникнуть только на законном основании, а право на его неприкосновенность может вытекать и при отсутствии такого права. Причем жилище может быть как постоянным, так и временным.

В свете рассматриваемых проблем необходимо однозначно воспринимать и представлять, какие именно нарушения предписаний закона лишают гражданина права на неприкосновенность его жилища. К примеру, если жилое помещение занято с согласия хозяев, но с нарушением правил регистрации, то это вряд ли может каким-либо образом ограничить право на его неприкосновенность.

Следует отметить, что как в теории, так и на практике неоднозначно решается вопрос о правомерности использования данных, полученных оперативно-розыскным путем, в качестве оснований производства обыска. Потребности следственной и оперативной практики правоохранительных органов бесспорно обусловливают повышенный интерес к вопросам, связанным с повышением эффективности процессуальной деятельности с помощью потенциала ОРД. Эти возможности многие авторы видят в более широком использовании сведений, полученных оперативным путем, в доказывании по уголовным делам, а также их легализации в ходе предварительного расследования.

Представляется, что оперативные данные не всегда могут выступать в качестве единственного основания для производства обыска. Однако в совокупности с имеющимися в материалах дела доказательствами они обязательно должны учитываться следователем как при принятии процессуального решения о производстве обыска, так и в тактическом плане, при определении наиболее перспективного направления поиска объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно ч. 1 ст. 170 УПК РФ производство обыска осуществляется обязательно с участием понятых. При этом также необходимо обеспечить присутствие лиц, у которых производится обыск, либо совершеннолетних членов их семьи. Присутствующим при производстве обыска лицам разъясняются их права и обязанности.

Положениями ч. 6 ст. 182 УПК РФ установлено, что при производстве указанного следственного действия не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества. Нетрудно заметить, что данный запрет служит средством охраны имущественных интересов лиц, у которых производится обыск.

Согласно ч. 7 ст. 182 УПК РФ следователь должен принять все меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц. Содержание этих мер законом не определено, однако представляется, что они могут выражаться, например, в том, чтобы в качестве понятых участвовали не соседи или сослуживцы лица, в помещении которого предполагается произвести обыск, а посторонние люди, не знакомые с ним.

В ходе любого следственного действия ведется протокол по правилам, предусмотренным законом (ч. 8 ст. 164 УПК РФ). В этой связи необходимо отметить, что протоколы, отражая ход и результаты следственных действий, имеют особое значение в обеспечении прав и законных интересов участников названных действий. Являясь основной процессуальной формой закрепления доказательств, они обеспечивают участникам следственных действий возможность убедиться в правильности фиксации условий, хода и результатов указанного действия.

Как показала судебно-следственная практика, одним из узких мест в части обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий, а также обстоятельств, нуждающихся в исследовании, является использование результатов следственных действий (доказательств) для реализации целей уголовного судопроизводства [6, с. 76–79]. В частности, допущенные при составлении протоколов следственных действий и приложений к этим протоколам ошибки, огрехи и упущения со стороны следователя существенно снижают доказательственную ценность полученных сведений.

Имеют место неединичные случаи совершенно неоправданного избирательного (узко направленного) использования результатов следственного действия: следователи концентрируют свое внимание лишь на тех сведениях, которые носят обвинительный характер, то есть подтверждают выдвинутое по уголовному делу обвинение. При этом совершенно игнорируются сведения оправдательного характера, следователи даже не дают им правовой оценки.

Подобная практика, во-первых, противоречит положениям уголовно-процессуального законодательства, регламентирующим перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу: в их число входят обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 5–7 ст. 73 УПК РФ). Во-вторых, необъективно проведенное предварительное следствие может повлечь за собой судебную ошибку при разрешении уголовного дела по существу.

В настоящее время с учетом масштабного внедрения компьютерных сетей и цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества и государства

особую актуальность приобретает вопрос повышения качества процессуального документирования хода и результатов следственных действий. Наряду с протоколами, схемами, фотографиями и видеозаписями современные следователи всё чаще используют специализированное программное обеспечение для регистрации и хранения доказательств. Это позволяет минимизировать и устранить ошибки, допущенные ранее при работе с этими доказательствами, улучшить контроль над сохранностью сведений, имеющих доказательственное значение, и повысить их юридическую значимость.

Это необходимо в том числе для успешного и убедительного обоснования допустимости полученных по уголовному делу доказательств в случае оспаривания результатов следственных действий в суде. Надо отметить, что адвокаты достаточно активно используют любые допущенные следователем процессуальные нарушения: отсутствие пояснений о правах участников следственных действий, недостоверное (составленное с нарушениями) оформление протоколов, несвоевременное уведомление о проведении указанных действий. Судебная практика показала, что даже относительно мелкие формальные ошибки и огрехи, допущенные со стороны следователя при производстве или процессуальном оформлении следственных действий, могут быть основанием для признания доказательств недопустимыми.

Применение цифровых технологий наиболее значимо при производстве предварительного расследования уголовных дел об экономических, информационных и высокотехнологичных преступлениях, где объем и сложность собранных сведений значительно больше, чем по делам об общеуголовных преступлениях.

Важное значение при использовании результатов следственных действий, в том числе в части гарантии соблюдения прав и законных интересов участников этих действий, имеет их взаимосвязь с другими собранными по уголовному делу видами доказательств. Многочисленными исследованиями в области уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности подтверждено, что обеспечение эффективности предварительного расследования обусловливает использование комплексного подхода: сведения, полученные в ходе допросов, осмотров, обысков, судебных экспертиз, выемок и иных следственных действий, должны сопоставляться друг с другом для выявления несовпадений, противоречий, подтверждений или каких-то новых дополнительных фактов [7, с. 40–51].

Такая совокупная оценка собранных в материалах уголовного дела сведений (доказательств) позволяет создать более целостную и информативную картину события преступления, установить мотивы его совершения, роли участников, последовательность их действий, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела по существу, в том числе для обеспечения гарантии соблюдения прав и законных интересов участников следственных действий. Как показывает судебно-следственная практика, именно системная обработка результатов следственных действий становится решающим фактором при вынесении законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Выводы

Совершенствование использования результатов следственных действий требует как законодательных, так и организационных мер. На законодательном уровне целесообразно более детально сформулировать правила процессуального

закрепления электронных доказательств, расширить обязательность применения аудио- и видеозаписи. На организационном уровне необходимо повышать квалификацию следователей и развивать техническое оснащение органов предварительного расследования.

С учетом изложенного представляется необходимым внести ряд изменений и дополнений в УПК РФ, направленных на повышение достоверности, полноты и процессуальной защищенности результатов следственных действий, а также на адаптацию уголовного судопроизводства к современным условиям цифровизации и технического развития. В частности, диспозицию ст. 170 УПК РФ необходимо дополнить частью шестой следующего содержания:

«*Осмотр места происшествия, предметов, документов, помещений и транспортных средств подлежит обязательной видеофиксации. Видеозапись является составной частью протокола осмотра и подлежит приобщению к материалам уголовного дела. Отсутствие видеофиксации допускается только при наличии объективных причин, о чем делается соответствующая отметка в протоколе*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зажицкий В.И.* Сущность и значение требования всесторонности, полноты, объективности и достоверности доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 2017. № 10. С. 76–87.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 15.12.2025).
3. *Парфенова М.В.* Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России: науч.-метод. пособие / под ред. А.Б. Соловьева. М.: Юрлитинформ, 2004. 178 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
6. *Шейфер С.А.* Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 112 с.
7. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Законодательство. 2015. № 6. С. 40–51.

REFERENCES

1. Zazhitsky V.I. The essence and significance of the requirement of comprehensiveness, completeness, objectivity and reliability of evidence in criminal proceedings // State and law. 2017, No. 10. pp. 76–87.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , 15.12.2025.

3. Parfenova M.V. Protection of the constitutional rights of suspects and accused in the pre-trial stages of the criminal process in Russia: scientific method. the manual; edited by A. B. Solovyov. Moscow: Yurlitinform, 2004. 178 p.
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on 03/08/2026) // SZ RF. 12/24/2001, No. 52 (Part I). Article 4921.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 12/15/2025) // SZ RF. 06/17/1996, No. 25, article 2954.
6. Shafer S.A. Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice. Moscow: Norma, INFRA-M, 2026. 112 p.
7. Yablokov N.P. Criminalistic classification of crimes in the investigation methodology and its types // Legislation. 2015, No. 6. pp. 40–51.

Сведения об авторе / About Author:

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Glushkov Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University, e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 20.12.2025 / The article was received on 29.12.2025

Статья принята к публикации 20.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025